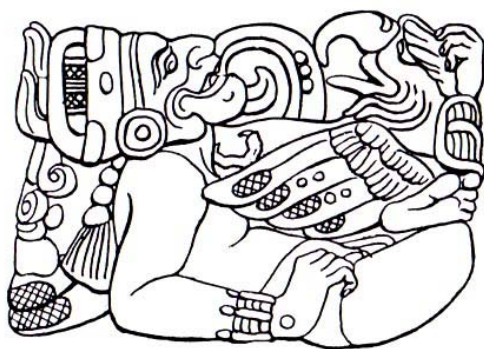

Содержание

Часть первая **Свидетель действий силы**

1. Свидание со знанием	2
2. Сновидящий и сновидимый	54
3. Секрет светящихся существ	84

Часть вторая **Тональ и нагуаль**

1. Должен верить	108
2. Остров тональ	123
3. День тоналя	137
4. Сжатие тоналя	156
5. Во времени нагуаля	174
6. Шепот нагуаля	193
7. Крылья восприятия	211

Часть третья **Объяснение магов**

1. Три свидетеля нагуаля	225
2. Стратегия мага	243
3. Пузырь восприятия	278
4. Предрасположение
двух воинов	296

Часть первая Свидетель действий силы

1. Свидание со знанием

Я не видел дона Хуана несколько месяцев. Была осень 1971 года. Я был уверен, что он гостит у дона Хенаро в Центральной Мексике, и выехал туда, приготовившись к неделе пути. Но проезжая через Сонору к концу второго дня путешествия, я, под влиянием импульса, свернул к его дому и вышел из машины. Как ни странно, меня встретил сам хозяин.

— Дон Хуан! — воскликнул я. — Не ожидал тебя здесь найти.

Дон Хуан рассмеялся. Похоже, мое удивление доставило ему удовольствие. Он сидел у двери верхом на пустом молочном ящике, как будто давно меня поджидая. Сняв шляпу, он с шутовской галантностью раскланялся, затем снова надел ее и отдал мне честь по-военному.

— Ну, присаживайся, — весело сказал он. — Рад тебя видеть снова.

*Есть несколько условий для одинокой птицы:
Первое — она летит к высшей точке.
Второе — по компании она не страдает,
даже таких же птиц как она.
Третье — свой клюв она направляет в небо.
Четвертое — нет у нее окраски определенной.
Пятое — поет она очень тихо*

*Святой Хуан де ла Круз
"Беседы о свете и любви"*

*The conditions of a solitary bird are five;
The first, that it flies to the highest point;
the second; that it does not suffer for company,
not even of its own kind;
the third, that it aims its beak to the skies;
the fourth, that it does not have a definite color;
the fifth, that it sings very softly.*

*San Juan de la Cruz
Dichos de Luz y Amor*

– А я собирался впустую проделать весь путь до Центральной Мексики, потом мне пришлось бы возвращаться назад в Лос-Анджелес. То, что я нашел тебя здесь, сэкономило мне столько дней пути!

– Так или иначе, ты бы нашел меня, – загадочно произнес он. – Сойдемся на том, что ты должен мне эти шесть дней пути до Центральной Мексики, и что ты используешь их на кое-что более интересное, чем нажимать педаль газа в своей машине.

Было что-то необыкновенно привлекательное в его теплой улыбке.

– Где же твой блокнот? – спросил он.

Я сказал, что оставил его в машине, и он велел мне вернуться за ним, поскольку без него я выгляжу неестественно.

– Я закончил работу над книгой, – сообщил я.

Он пристально посмотрел на меня, так что у меня зазудело под ложечкой, словно он чем-то мягким толкал меня в живот. Мне едва не стало дурно, но тут он отвернулся, и все прошло.

Я хотел поговорить о своей новой книге, но он сделал знак, что ему это не интересно, потом заулыбался и тут же втянул меня в беседу о каких-то незначительных вещах. Наконец мне все же удалось перевести разговор на интересующую меня тему. Я упомянул, что просмотрел свои ранние записи и пришел к выводу, что с первого дня нашей встречи получал от него подробное описание мира магов, только мне не совсем понятна роль галлюциногенных растений.

– Почему ты так часто заставлял меня принимать эти растения силы? – спросил я.

Он рассмеялся и еле слышно произнес:

– Потому что ты тупой.

Ответил он достаточно внятно, но я на всякий случай переспросил, будто не расслышал:

– Что-что?

– Сам знаешь что, – оборвал он и встал. – Ты слишком заторможенный, – пояснил он, потрепав меня по голове. – И не было другого способа расшевелить тебя.

– Выходит, в этих растениях не было абсолютной необходимости?

– В твоём случае была. Хотя, конечно, есть и такие, кто в них не нуждается.

Он постоял, вглядываясь в кустарник слева от дома, затем снова сел и заговорил об Элихио, другом своём ученике. Он сказал, что Элихио психотропные растения силы понадобились всего один раз, в самом начале обучения, но преуспел он, пожалуй, больше меня.

– Вообще восприимчивость – состояние для некоторых вполне обычное, – сказал дон Хуан. – Но не для тебя. Как, впрочем, и не для меня. В конце концов, восприимчивость – совсем не главное.

– А что главное?

Казалось, он подыскивает ответ.

– Для воина главное – быть безупречным, – сказал он наконец. – Но все это лишь способ говорить, способ ходить вокруг да около. Ты уже выполнил ряд магических задач и, я думаю, достаточно созрел для того, чтобы указать тебе на источник самого главного. Я сказал бы, что для воина самое главное – прибыть к целостности самого себя.

– Что такое целостность самого себя?

– Я же сказал, что только упомяну о главном. В твоей жизни еще слишком много свободных концов, которые ты должен связать вместе, прежде чем мы сможем поговорить о целостности.

Он жестом оборвал разговор. Кто-то или что-то явно находилось поблизости. Дон Хуан внимательно прислушивался, скосив глаза влево так, что стали видны одни белки. Через несколько секунд он встал и, наклонившись ко мне, прошептал на ухо, что нам нужно пойти на прогулку.

– Что-то не так? – спросил я тоже шепотом.

– Нет, все так. Все нормально.

Мы направились в пустынный чапараль и примерно через полчаса вышли на небольшой, футов двенадцати в диаметре участок ссохшейся красноватой почвы, идеально утрамбованной и плоской, причем без каких-либо следов механической обработки. В центре этого круга, лицом на юго-восток сел дон Хуан, велел мне сесть напротив, лицом к нему.

– Что мы здесь будем делать? – спросил я.

– Здесь у нас сегодня вечером свидание, – ответил дон Хуан. Он окинул взглядом окрестности и вновь стал смотреть на юго-восток. Его действия встревожили меня. Я спросил, с кем будет свидание.

– Со знанием, – ответил он. – Можно сказать, что знание бродит вокруг.

Не дав мне ухватиться за столь загадочный ответ, он быстро сменил тему и весело предложил мне быть естественным, то есть писать и говорить так, словно мы находимся у него дома. В то время меня особо занимало яркое переживание, испытанное мною полгода назад, – «разговор с койотом». Это событие означало для меня, что я в первый раз был способен визуализировать или ухватить своими чувствами и в трезвом сознании магическое описание мира, в котором общение с животными было в порядке вещей.

– Мы не будем задерживаться на подобных опытах, – сказал дон Хуан, когда я закончил. – Не стоит индульгировать, фокусируя внимание на прошедших событиях. Мы можем касаться их, но только для примера.

– Почему, дон Хуан?

– У тебя еще недостаточно личной силы для поиска объяснения магов.

– Значит, существует объяснение магов?

– Конечно. Маги тоже люди. Мы – создания мысли. Мы ищем разъяснений.

– А я-то был уверен, что поиск объяснений – это и есть мой главный недостаток.

– Нет. Твой недостаток в поиске подходящих объяснений, соответствующих тебе и твоему миру. Я возражаю именно против твоей рассудочности. Маг тоже объясняет вещи в своем мире, но он не такой твердолобый, как ты.

– Как могу прийти к объяснению магов я?

– Накапливая личную силу. Личная сила заставит тебя соскользнуть в описание магов с огромной легкостью. Но объяснение магов – это не то, что понимаешь под объяснением ты. И все же оно делает мир и его чудеса если не ясными, то, по крайней мере, не столь устрашающими. Именно это должно быть сущностью объяснения. Но это не то, что ты ищешь. Ты ищешь только отражения собственных идей.

Я потерял желание задавать вопросы. Однако улыбка дона Хуана подталкивала к продолжению разговора. Для меня была очень важна еще одна тема – его друг дон Хенаро и то странное воздействие, которое оказывали на меня его поступки. Каждая встреча с ним сопровождалась совершенно неопишуемым расстройством всех моих органов чувств. Услышав мой вопрос, дон Хуан рассмеялся.

– Хенаро паразителен, – сказал он. – Но пока нет смысла говорить о нем или о его воздействии на тебя. Для этой темы у тебя еще недостаточно личной силы. Подожди, когда она у тебя будет, тогда и поговорим об этом.

– А если у меня ее не будет никогда?

– Если ее у тебя никогда не будет, значит мы никогда и не поговорим.

– Но когда же она у меня появится при моих-то темпах продвижения?

– Это зависит от тебя. Я дал тебе все необходимые знания. Теперь ты сам отвечаешь за накопление достаточной личной силы, чтобы склонить чашу весов.

– Ты говоришь метафорами, – сказал я. – Скажи лучше прямо, что мне делать. А если ты мне это уже говорил, тогда давай предположим, что я забыл.

Дон Хуан усмехнулся и лег, заложив руки за голову.

– Ты прекрасно знаешь, что тебе нужно, – сказал он. Я ответил, что и мне порой так кажется, но обычно я не уверен в себе.

– Боюсь, что ты путаешь понятия, – сказал он. – Уверенность в себе воина и уверенность в себе обычного человека – это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек зацеплен за окружающих, а воин зацеплен только за самого себя. Похоже, ты гоняешься за радугой, следуя самоуверенности обычного человека, тогда как ты должен следовать смирению воина. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина – это безупречность в поступках и чувствах.

– Я все время пытаюсь жить по твоим советам, – сказал я. – Может быть, у меня не всегда это получается, но я делаю все, что могу. Можно ли назвать это безупречностью?

– Нет. Ты должен делать нечто большее. Ты должен постоянно выталкивать себя за свои пределы.

– Но ведь это безумие, дон Хуан. На это никто не способен.

– Есть масса естественных для тебя вещей, которые лет десять назад показались бы тебе безумием. Эти вещи не изменились. Изменилось твое представление о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас. Не исключено, что твой полный успех в изменении себя – всего лишь вопрос времени. В этом отношении единственно возможный для воина курс – это действовать неуклонно и безоговорочно. Ты достаточно знаешь о пути воина, чтобы поступать должным образом, но твои старые привычки и распорядки стоят на твоём пути.

Мне показалось, что я понял его.

– Ты считаешь, что записывание – это одна из моих старых привычек, от которых я должен избавиться? Может, мне уничтожить мою новую рукопись?

Вместо ответа он поднялся и посмотрел на край чапарала. Я сказал, что получил много писем от читателей, которые уверяли меня, что нельзя писать о своем ученичестве. Они ссылались на то, что учителя восточных эзотерических учений требуют соблюдения абсолютной тайны.

– Может, эти учителя просто индальгируют¹ в том, что они учителя? – сказал дон Хуан, не глядя на меня. – Я не учитель. Я всего лишь воин. Поэтому я понятия не имею, что чувствует учитель.

– Дон Хуан, может быть, я действительно напрасно раскрываю некоторые вещи?

¹ То *indulge* - потворствовать, потакать (кому-л. в чем-л.); удовлетворять свои желания, не отказывать себе (в чем-л.). Здесь в смысле – потакать себе. Термины *индальгировать* и *индальгирование* сохранены во всех последующих книгах.

– Неважно, что именно человек раскрывает или удерживает при себе, – ответил он. – Что бы мы ни делали и кем бы ни являлись – все это основывается на нашей личной силе. Если ее достаточно, то всего одно сказанное нам слово может изменить нашу жизнь. А если ее мало, то пусть даже будут раскрыты все сокровища мудрости – это ничего нам не даст.

Он понизил голос, словно собираясь поведать мне нечто сокровенное.

– Сейчас я произнесу, пожалуй, самое великое знание, которое только можно выразить в словах, – сказал он. – Посмотрим, что ты сможешь с ним сделать. Знаешь ли ты, что в это мгновение ты окружен вечностью? И что этой вечностью ты можешь воспользоваться, если пожелаешь?

Он выжидающе посмотрел на меня, едва заметными движениями глаз подталкивая к ответу. После длинной паузы я сказал, что не понимаю, о чем идет речь.

– Вон там! Вечность – там! – произнес он, указывая на горизонт. – Или там, – сказал он затем, указав прямо вверх. – А можно сказать, что вечность похожа не это. – И он раскинул руки в стороны, указывая на запад и восток.

Мы посмотрели друг на друга. В его глазах был вопрос.

– Что ты на это скажешь? – требовательно спросил дон Хуан.

Я не знал, что ответить.

– Знаешь ли ты, что можешь навечно расширить себя в любом из указанных мною направлений? – продолжал он. – Знаешь ли ты, что одно мгновение может быть вечностью? Это не загадка; это факт, но только если ты оседлаешь это мгновение и используешь его, чтобы унести с собой свою целостность навсегда и в любом направлении.

Он смотрел на меня.

– У тебя раньше не было этого знания, – сказал он, улыбнувшись. – Теперь я открыл его тебе, но это ничего не меняет. Потому что у тебя не достаточно личной силы для того, что бы ты мог воспользоваться моим откровением. Если бы у тебя было достаточно личной силы, то одних моих слов тебе было бы достаточно для того, чтобы собрать свою целостность и вывести критическую часть ее за границы, в которых она содержится.

Он подошел ко мне и постучал костяшками пальцев по моей груди.

– Вот границы, о которых я говорю, – сказал он. – Можно выйти за них. Мы – это чувство, осознание, заключенное здесь.

Он хлопнул меня по плечам обеими руками, да так, что мои блокнот и карандаш полетели на землю. Дон Хуан наступил на блокнот и, смеясь, смотрел на меня.

Я спросил его, не возражает ли он против моих заметок. Он уверяющим тоном сказал, что нет, и убрал ногу.

– Мы – светящиеся существа, – сказал он, ритмично покачивая головой. – А для светящихся существ значение имеет только личная сила. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, я отвечу, что этого мои объяснения тебе не объяснят.

Дон Хуан взглянул на запад и сказал, что до заката еще несколько часов.

– Мы пробудем здесь долго, – объяснил он. – Можно сидеть тихо или разговаривать. Для тебя неестественно молчать, поэтому продолжим беседу. Это место является местом силы, и поэтому мы должны воспользоваться им до наступления ночи. Сиди как можно естественней, без страха или нетерпения. Похоже, что тебе легче всего расслабиться, делая заметки. Поэтому пиши, сколько душе угодно. А теперь расскажи мне о своем сновидении.

Этот внезапный переход застал меня врасплох. Дон Хуан повторил свою просьбу.

На эту тему можно было говорить долго. «Сновидение» предполагало культивирование контроля над снами до такой степени, что опыт, приобретенный в них, становился равнозначным опыту бодрствования. По мнению магов, при практике «сновидения» обычный критерий различия между сном и реальностью становится недействительным. Обучение ему состояло в упражнении по нахождению своих рук во сне. Иными словами человек должен намеренно сновидеть, что он ищет и находит свои руки во сне, просто видя во сне, что он поднимает свои руки на уровень глаз.

После нескольких лет тонировок я сумел, наконец, сделать это. Теперь я понимаю, что добился успеха лишь потому, что научился в какой-то степени контролировать мир своей повседневной жизни. Дон Хуан хотел знать все детали. Я рассказал ему, как часто мне бывает непреодолимо трудно дать себе команду смотреть на руки. Он предупредил меня, что начальный этап подготовительной работы, называемый им «настройка сновидения», – это смертельная игра, в которую разум человека играет сам с собой, и какая-то часть меня будет делать все возможное, чтобы воспрепятствовать выполнению этой задачи.

По словам дона Хуана, это могли быть размышления о бессмысленности такого занятия, меланхолия или даже депрессия с суицидальными тенденциями. Я, однако, так далеко не зашел. В моем опыте преобладала комическая сторона. И все же результат был неизменно отрицательным. Всякий раз, когда я собирался взглянуть во сне на свои руки, случалось что-то необычное. То я начинал летать, то мой сон переходил в кошмар, а то и просто появлялось чувство очень приятного телесного возбуждения. Все это своей живостью выходило за рамки «нормального» сна, поэтому вырваться было очень трудно. В таких ситуациях мое первоначальное намерение увидеть свои руки обычно забывалось.

И вот однажды ночью я совершенно неожиданно нашел свои руки во сне. Мне снилось, что я иду по улице какого-то города и вдруг поднимаю руки к лицу. Казалось, что-то внутри меня сдалось и позволило мне увидеть тыльную сторону своих ладоней. Дон Хуан предупреждал меня, что как только образ моих рук станет расплываться или меняться на что-то другое, я должен перевести

взгляд с них на любой другой предмет. В этом сне я перенес внимание на здание в конце улицы. Когда вид этого здания тоже начал расплываться, я сфокусировал внимание на других элементах сна. В результате получилась ясная и четкая картина пустынной улицы в каком-то неизвестном городе.

Дон Хуан расспрашивал меня о других опытах «сновидения». Мы беседовали довольно долго. Под конец моего отчета он встал и направился к кустам. Поднялся и я. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное чувство, так как для страха или тревоги не было никаких оснований. Вскоре дон Хуан вернулся. Он заметил мое возбуждение.

– Успокойся, – сказал он, мягко сжав мою руку.

Усадив меня, он положил мне на колени блокнот и велел писать. Он сказал, что я не должен беспокоить место силы ненужными вибрациями страха или нерешительности.

– Почему я так разнервничался? – спросил я.

– Это естественно, – сказал он. – Твоя деятельность в сновидениях угрожает чему-то в тебе самом. Пока ты о ней не думал, с тобой было все в порядке. Но теперь, раскрыв свои действия, ты готов упасть в обморок. У каждого воина свой собственный способ сновидения. Все они различны. Объединяют нас только уловки, направленные на то, чтобы отказаться от поисков. Единственной контрмерой является упорное продолжение попыток вопреки всем преградам и разочарованиям.

Затем он спросил, могу ли я выбирать тему для «сновидения». Я ответил, что даже не представляю, как это делается.

– Объяснение магов относительно выбора темы для сновидения заключается в следующем, – сказал дон Хуан. – Воин выбирает тему сознательно, прервав внутренний диалог и удерживая образ в голове. Иными словами, если он сможет на какое-то время прервать беседу с самим собой, а затем, пусть даже на мгновение, удержать образ или мысль о желаемом в сновидении, желаемая тема придет к нему. Я уверен, что ты это сделал, хотя и неосознанно.

После длинной паузы дон Хуан начал принюхиваться. Похоже было, что он прочищает нос. Несколько раз он с силой выдохнул через нос, при этом мышцы его живота сокращались рывками, в такт коротким, отрывистым вдохам.

– Хватит говорить о сновидениях, – сказал он. – Это может стать у тебя манией. Если в чем-то и можно добиться успеха, то он должен приходить легко, пусть даже с какими-то усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

Он встал, подошел к кустарнику и начал всматриваться в листву. Было похоже, что он пытается что-то увидеть там, стараясь не подходить слишком близко.

– Что ты там делаешь? – спросил я, не в силах сдержать любопытство.

Он повернулся ко мне и с улыбкой поднял брови.

– В кустах много странных вещей, – сказал он и снова сел.

Его спокойный тон испугал меня больше, чем если бы он внезапно закричал. Я выронил блокнот и карандаш. Он засмеялся, повторив мои движения, и сказал, что преувеличенные реакции являются одним из свободных концов, все еще существующих в моей жизни. Я хотел поговорить на эту тему, но он не позволил.

– Осталось совсем немного дневного времени, – сказал он. – Есть более важные вещи, которые мы должны обсудить до наступления сумерек.

Он добавил, что, судя по моим успехам в «сновидении», я, видимо, научился останавливать внутренний диалог по своему желанию. Я подтвердил это.

В начале нашего знакомства дон Хуан обрисовал мне следующую технику. Она заключалась в том, чтобы подолгу ходить, не фокусируя ни на чем взгляда. Он рекомендовал ни на что не смотреть прямо, а, слегка скосив глаза, сохранять периферийный обзор всего, что предстает перед глазами. Он настаивал, хотя я и не

понимал этого тогда, что если удерживать нефокусированные глаза не точке чуть выше горизонта, то возможно воспринимать все в 180-ти градусном спектре перед собой. Он настаивал, что это упражнение является единственным способом остановки внутреннего диалога. Поначалу он расспрашивал меня о моих успехах, но вскоре перестал интересоваться этим.

Я сказал ему, что применял эту технику в течение нескольких лет, но без особого эффекта. Впрочем, я и не ожидал никаких изменений. Каково же было мое потрясение, когда однажды я понял, что, идя около десяти минут, не сказал самому себе ни единого слова!

Тогда же я понял, что остановка внутреннего диалога – это не просто урезание слов, произносимых самому себе. Весь процесс моего мышления остановился, и я ощутил себя как бы взвешенным, парящим.

Чувство паники, вызванное этим состоянием, заставило меня в качестве противоядия восстановить свой внутренний диалог.

– Я говорил тебе, что именно внутренний диалог и прижимает нас к земле, – сказал дон Хуан. – Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий.

Дон Хуан объяснил, что вход в мир магов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

– Суть магии заключается в изменении нашей идеи мира, – сказал он. – Остановка внутреннего диалога – единственный путь к этому. Все остальное – просто пустые слова. Пойми, – все, что ты видел или сделал, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не смогло изменить ни в тебе самом, ни в твоей идее мира. Условием этого изменения, конечно же, является то, что оно не должно привести к сумасшествию. Вот поэтому учитель и не обрушивается на своих учеников. Это привело бы их лишь к депрессии и навязчивым идеям.

Он попросил подробно рассказать и о других случаях остановки внутреннего диалога, которые у меня были. Я рассказал все, что смог вспомнить.

Мы беседовали, пока не стемнело. Записывать стало неудобно, приходилось уделять этому внимание, а это лишало меня концентрации. Заметив это, дон Хуан рассмеялся. Он сказал, что я выполнил еще одну задачу магии – писал, не концентрируя на этом внимания. В этот момент я осознал, что до сих пор совершенно не уделял никакого внимания процессу записывания. Казалось, это была отдельная деятельность, с которой я не имел ничего общего. Я был озадачен. Дон Хуан попросил меня сесть рядом с ним в центре круга. Он сказал, что наступили сумерки и мне опасно сидеть так близко к кустам. Я почувствовал холод на спине и бросился к нему.

Он посадил меня лицом к юго-востоку и попросил скомандовать себе быть безмолвным и без мыслей. Сначала я не мог сделать этого и испытал момент нетерпения. Дон Хуан повернулся ко мне спиной, предложив опереться на его плечо. Он сказал, что я должен успокоить свои мысли, а затем повернуть лицо к кустам на юго-востоке и не закрывать глаза. Загадочным тоном он добавил, что от решения поставленной передо мной задачи зависит, буду ли я готов к восприятию новой грани мира магов.

Я робко спросил о природе этой задачи. Он мягко усмехнулся. Я ждал его ответа, но затем что-то во мне выключилось, и я почувствовал себя взвешенным. Казалось, из моих ушей вынули затычки, и сразу же стали слышны бесчисленные шумы чапаралья. Их было так много, что они сливались в сплошной гул. Я почти задремал, как внезапно что-то привлекло мое внимание. Это не было чем-то, что затронуло мой мыслительный процесс, как не было зрительным образом или деталью окружающей обстановки. И все же мое осознание оказалось чем-то поглощенным. Я полностью бодрствовал. Мои глаза были сфокусированы на пятне у края чапаралья, но я не смотрел, не думал и не разговаривал с собой. Мои чувства были чисто телесными ощущениями. Они не нуждались в словах. Я чувствовал, что устремляюсь сквозь что-то неопределенное. Может быть, неслось то, что в обычном состоянии было моими мыслями. Во всяком случае, у меня было ощущение

того, что я захвачен каким-то обвалом или что что-то сходило подобно лавине со мной на гребне. В своем животе я почувствовал стремительную тягу. Что-то толкало меня в чапараль. Я видел темную массу кустов перед собой. Но это не было сплошным темным пятном. Я мог видеть каждый куст, как если бы смотрел на них в ранних сумерках. Казалось, что они двигаются. Их листва напоминала черные юбки, которые нес ко мне ветер. Но ветра не было. Я погрузился в их гипнотизирующее движение. Какая-то пульсирующая рябь, казалось, подтягивала их все ближе и ближе ко мне. Потом на фоне темных очертаний кустов появился более светлый силуэт. Я сфокусировал глаза сбоку от него и смог различить в нем зеленовато-желтое сияние. Не фокусируясь, я взглянул прямо на него. Появилась уверенность, что светлый силуэт – это человек, прячущийся под кустами.

В этот момент я находился в крайне необычном состоянии осознания. Я осознавал и окружающее, и процесс мышления, который оно во мне вызывало. Но я не думал так, как обычно. Например, когда я понял, что силуэт, наложенный на кусты, – человек, я вспомнил другой случай. Однажды во время ночной прогулки с доном Хенаро я заметил, что позади нас в кустах прячется человек. Но как только я попытался рационально объяснить это явление, человек исчез из виду. Однако в этот раз я чувствовал себя хозяином положения и отказался не только объяснять что-либо, но и думать вообще. В какой-то момент у меня появилось чувство, что я могу удержать человека и заставить его оставаться на месте. Затем я ощутил странную боль в центре живота. Казалось, что-то разрывается внутри меня, и я уже не мог держать напряженными мышцы брюшного пресса. Как только я сдался, темный силуэт громадной птицы или какого-то летающего существа бросился на меня из чапаралья. Было похоже, что очертания человека превратились в очертания птицы. У меня появилось ясно осознанное восприятие страха. Я ахнул и с громким криком опрокинулся на спину. Дон Хуан помог мне подняться. Его лицо было вровень с моим. Он смеялся.

– Что это было? – закричал я.

Он прикрыл мне рот рукой и прошептал в самое ухо, что нам нужно покинуть это место спокойно и собранно, словно ничего не произошло. Мы шли бок о бок. Его походка была спокойной и размеренной. Пару раз он быстро оглянулся. Я сделал то же самое и дважды уловил какую-то темную массу, которая, казалось, следовала за нами. Позади нас я услышал громкий сверхъестественный пронзительный крик. На мгновение меня охватил ужас. По мышцам живота прошли судороги. Они начались спазматически, и их интенсивность росла до тех пор, пока они буквально не заставили мое тело бежать.

Выразить это можно было, лишь применяя терминологию дона Хуана. Согласно ей, я мог сказать, что мое тело под воздействием испуга выполнило «походку силы» – особую технику бега в темноте без причинения себе вреда и не спотыкаясь, которой он обучал меня несколькими годами ранее.

Я действовал почти бессознательно и внезапно обнаружил себя в доме дона Хуана. Очевидно, он следовал за мной, и мы прибежали одновременно. Он зажег керосиновую лампу, поставил ее на потолочную балку и спокойно сказал, чтобы я сел и расслабился.

Некоторое время я бежал на месте, пока немного не успокоился. Затем я сел. Он подчеркнуто потребовал, чтобы я вел себя так, словно ничего не случилось, и вручил мне мой блокнот. В спешке я и не заметил, что обронил его.

– Что там произошло, дон Хуан?

– У тебя было свидание со знанием, – сказал он, указывая движением подбородка на темный край чапарала. – Я повел тебя туда потому, что еще раньше уловил отблеск знания, бродившего вокруг дома. Ты можешь считать, что знание знало о твоём приезде и ждало тебя здесь. Но я предпочел встретиться с ним не здесь, а на месте силы. Затем я проверил, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы отличить знание от остальных вещей вокруг нас. Ты сделал все прекрасно.

– Минуточку! – запротестовал я. – Я видел силуэт человека, прячущегося за кустами, а затем видел огромную птицу.

– Ты не видел человека! – сказал он с ударением.

– Не видел ты и птицу. И силуэт в кустах, и то, что полетело к нам, – это была бабочка. Если ты хочешь быть точным в терминологии магов и не боишься оказаться смешным в своей собственной, то можешь сказать, что сегодня у тебя было свидание с бабочкой. Знание – это бабочка.

Он пристально посмотрел на меня. Свет лампы отбрасывал причудливые тени на его лицо. Я отвел глаза.

– Возможно, сегодня ночью у тебя будет достаточно личной силы для решения этой загадки, – сказал он, – если не сегодня, то, может быть, завтра. Не забывай – ты должен мне еще шесть дней.

Дон Хуан поднялся и прошел на кухню в задней части дома. Он взял лампу и поставил ее у стены на короткий круглый чурбан, который использовал как табурет. Мы сели на пол друг против друга и поели бобов с мясом из горшка, который он поставил между нами. Ели мы молча.

Время от времени он украдкой поглядывал на меня, и, казалось, готов был рассмеяться. Его глаза были прищурены. Когда он смотрел на меня, то слегка приоткрывал их, и влага роговиц отражала свет. Казалось, он использовал свет лампы для того, чтобы создавать зеркальные отражения. Он играл с этим, почти незаметно покачивая головой всякий раз, когда останавливался на мне взгляд. В результате возникала захватывающая игра света. Я осознал его маневры лишь после того, как он использовал их пару раз. Я был убежден, что он делает это с определенной целью, и мне показалось важным спросить об этом.

– Для этого у меня есть веская причина, – заверил он меня. – Я успокаиваю тебя своими глазами. Ты ведь уже больше не нервничаешь, правда?

Я должен был признать, что чувствую себя очень хорошо. Мелькание света в его глазах не было угрожающим и ни в коем случае не раздражало и не пугало.

– Как ты успокаиваешь меня глазами? – спросил я. Он повторил незаметное покачивание головой. Его глаза на самом деле отражали свет лампы.

– Попробуй сделать это сам, – небрежно сказал он и положил мне еще еды. – Ты сможешь успокаивать себя сам.

Я попробовал покачивать головой, но мои движения были неестественными и неуклюжими.

– Просто болтая головой, ты себя не успокоишь. Скорее заработаешь головную боль. Секрет состоит не в качании головой, а в том чувстве, которое приходит к глазам из области внизу живота. Именно оно заставляет голову качаться.

Он потер свой живот.

После еды я прислонился к куче дров, накрытых пустыми мешками, и попытался имитировать его качания головой. Дон Хуан от души забавлялся, смеясь и хлопая себя по ляжкам.

Внезапный шум прервал его смех. Я услышал странный глубокий звук, похожий на постукивание по дереву. Он исходил из чапарала. Дон Хуан вскинул голову, сделав мне знак быть внимательным.

– Это маленькая бабочка зовет тебя, – сказал он бесстрастно. Я вскочил. Звук тотчас прекратился. Я посмотрел на дону Хуана в поисках объяснений, но он сделал комичный жест беспомощности, пожав плечами.

– Ты еще не закончил своего свидания, – добавил он. Я сказал, что не чувствую себя достойным, что лучше уеду домой и вернусь, когда почувствую себя сильнее.

– Ты говоришь ерунду, – сказал он. – Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожалений, а как живой вызов.

Каждому из нас требуется время, чтобы понять это и сделать своим достоянием. Я когда-то ненавидел само слово «смирение». Я – индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и только и делали, что опускали головы. Я думал, что смирению не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина и смирение нищего – невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволит опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

Вот почему я сегодня сказал тебе, что не знаю, что чувствуют учителя. Я знаю только смирение воина. А оно никогда не позволит мне быть чьим-то учителем.

Мы некоторое время молчали. Его слова глубоко взволновали меня. Я был тронут ими, но в то же время мне не давало покоя увиденное в чапарале. Про себя я решил, что дон Хуан явно что-то скрывает и на самом деле вполне осведомлен о происходящем. Я ушел в эти размышления, но тот же странный звук вдруг вывел меня из задумчивости. Дон Хуан усмехнулся.

– Ты любишь смирение нищего, – тихо сказал он. – Ты склоняешь голову перед разумом.

– Мне вечно кажется, что меня разыгрывают, – сказал я. – Это моя основная проблема.

– Ты прав, тебя разыгрывают, – заметил он с обезоруживающей улыбкой. – Но твоя проблема не в этом. На самом деле ты считаешь, будто я сознательно тебя обманываю. Так ведь?

– Да, что-то во мне не позволяет поверить в реальность происходящего.

– Ты опять прав. Ничто из происходящего не является реальным.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– Вещи становятся реальными лишь тогда, когда ты научился соглашаться с их реальностью. Например то, что произошло сегодня ночью, вряд ли может быть для тебя реальным, потому что никто с тобой в этом не согласится.

– Ты хочешь сказать, что ничего не видел?

– Конечно видел, но я не в счет. Вспомни – я тот, кто тебя обманывает.

Дон Хуан смеялся, пока не закашлялся. Его смех был дружеским, хотя смеялся он явно надо мной.

– Не принимай близко к сердцу чушь, которую я несу, – сказал он ободряюще. – Я просто стараюсь расслабить тебя, зная, что ты чувствуешь себя в своей тарелке, только когда выбит из колеи.

Его выражение было рассчитано комичным, так что мы оба расхохотались. Я сказал ему, что сказанное им только что испугало меня больше, чем что бы то ни было.

– Ты боишься меня? – спросил он.

– Не тебя, а того, что ты представляешь.

– Я представляю свободу воина. Ты этого боишься?

– Нет, но твое знание слишком устрашающе. В нем нет для меня утешения. Нет гавани для приюта.

– Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх – все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

– Кто такие черные маги?

– Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Задумайся на секунду, можешь ли ты уклониться от тропы, которую они для тебя проложили? Нет. Твои мысли и поступки навсегда зафиксированы в

их терминологии. Это рабство. А вот я принес тебе свободу. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих учителей. Не трать времени и сил, боясь меня.

Я знал, что он был прав. Но, несмотря на мое искреннее согласие с ним, я знал, что привычки всей моей жизни обязательно заставят меня держаться моей старой тропы. Я действительно чувствовал себя рабом.

После долгого молчания дон Хуан спросил меня, достаточно ли у меня силы, чтобы еще раз столкнуться со знанием.

– Ты хочешь сказать – с бабочкой? – спросил я наполовину в шутку. Он согнулся от смеха, словно я только что сказал самую смешную вещь в мире.

– Что ты в действительности имеешь в виду, когда говоришь, что знание – это бабочка? – спросил я.

– Я ничего другого не имею в виду, – ответил он. – Бабочка есть бабочка. Я думал, что к настоящему времени у тебя со всеми твоими достижениями будет достаточно силы, чтобы видеть. Вместо этого ты заметил человека, а это не было истинным видением.

В самом начале моего ученичества дон Хуан ввел концепцию видения как особой способности, которая позволяет воспринимать первичную природу вещей и которую можно развить.

За годы нашего общения у меня сложилось впечатление, что так, называемое «видение» является интуитивным схватыванием вещей или же способностью понимать что-то целиком и мгновенно, или, возможно, способностью насквозь видеть человеческие поступки и выявлять скрытые значения и мотивы.

– Сегодня вечером, когда ты впервые встретился с бабочкой, ты наполовину смотрел, наполовину видел, – сказал дон Хуан. – В этом состоянии, хотя ты и не был обычным самим собой, но, тем не менее, был вполне способен совершенно осознанно управлять своим знанием мира.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Сначала я не знал, что сказать.

– Как я управлял своим знанием мира? – спросил я наконец.

– Твое знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль, и, естественно, должен был найти способы заставить мир соответствовать этой мысли.

– Но я вообще не думал, дон Хуан.

– Тогда не будем называть это думаньем. Скорее, это привычка видеть мир соответствующим нашему представлению о нем. Когда это не так, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком.

То же самое случилось с койотом. Твои старые привычки определили природу и этой встречи. Что-то произошло между тобой и койотом, но это был не разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, как однажды говорил с оленем. Но ни ты, ни я никогда уже не узнаем, что происходило в этих случаях на самом деле.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Когда мне стало понятным объяснение магов, было уже слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами состоялась беседа, – лишь способ расставить все по местам так, чтобы я мог рассказать об этом. Олень и я что-то делали, но в это время мне нужно было заставить мир соответствовать моим идеям совершенно так же, как это сделал ты. Как и ты, я всю жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, я был вынужден понимать это как разговор.

– Это объяснение магов?

– Нет, это мое объяснение тебе. Но оно не противоречит объяснению магов.

Его объяснение вызвало у меня состояние огромного умственного возбуждения. На некоторое время я не только забыл о крадущейся бабочке, но даже перестал записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинные рассуждения относительно рефлексивной природы нашего мира. Мир, по словам дона Хуана, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает само себя.

Еще одним аспектом его объяснения была идея, что мы научились устанавливать связь между нами и нашим описанием мира в соответствии с тем, что он называл «привычками». Я привел более обширный термин «намеренность» – как свойство человеческого осознания, посредством которого объект истолковывают или от объекта ожидается что-либо.

В ходе разговора мы пришли к интересному выводу. После объяснений дона Хуана наш «разговор» с койотом приобретал новые черты. Я действительно намеренно вызвал диалог, поскольку никогда не знал другого пути намеренного общения. Я также добился успеха в соответствии с описанием тому, что общение происходит путем диалога. Таким образом я заставил описание отразить его самого.

Я чувствовал огромный подъем. Дон Хуан засмеялся и сказал, что быть до такой степени тронутым словами – это другой аспект моей глупости. Он забавными жестами изобразил немой разговор.

– Мы все проходим через одни и те же сложности, – сказал он после длительной паузы. – Единственный способ преодолеть ее – это продолжать действовать как воин. Остальное придет само собой и через себя самого.

– А что остальное, дон Хуан?

– Знание и сила. Люди знания обладают и тем и другим. Но как они их приобрели, не сможет сказать никто. Единственное, что

можно утверждать, — они неуклонно действовали как воины, и в какой-то момент все изменилось.

Он посмотрел на меня. Казалось, он был в нерешительности. Затем он встал и сказал, что у меня нет иного выхода, как только продолжить свое свидание со знанием.

Я ощутил озноб. Сердце начало колотиться. Я поднялся. Дон Хуан обошел вокруг меня, как бы рассматривая мое тело под всеми возможными углами. Он сделал мне знак сесть и продолжать писать.

— Если будешь слишком испуган, ты не сможешь провести свое свидание. Воин должен быть спокоен и собран и никогда не должен терять своей хватки.

— Я действительно испуган, — сказал я. — Бабочка или не бабочка, но что-то бродит вокруг там в кустах.

— Конечно! — воскликнул он. — Я возражаю против того, что ты настаиваешь на думании о том, что это человек, точно так же, как ты настаивал на думании, что ты говорил с койотом.

Какая-то часть меня полностью поняла, что он хочет сказать. Но был и другой аспект меня, который не желал отступить и, вопреки очевидному, накрепко вцепился в рассудок.

Я сказал дону Хуану, что его объяснения не удовлетворяют мои чувства, хотя интеллектуально я полностью согласен с ним.

— В этом слабая сторона слов, — сказал он ободряюще. — Они заставляют нас чувствовать себя осведомленными, но когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас, и мы опять смотрим на мир как обычно, без всякого просветления. Поэтому маг предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

Он сел рядом, посмотрел мне в глаза и попросил рассказать о том, что я действительно «видел» в чапарале.

На секунду меня охватило чувство полной неопределенности. Я видел темную фигуру человека, но видел и то, как эта фигура превратилась в птицу. Таким образом я видел больше, чем мой разум позволял мне считать вероятным. Но что-то во мне, вместо того, чтобы полностью отбросить разум, выбирало отдельные детали моего опыта, такие как размеры и общие очертания темной фигуры, и, удерживало их как разумную возможность, в то же время отбрасывая другие. Например, то, что темная фигура превратилась в птицу. Таким образом я убедил себя, что видел человека.

Когда я рассказал о своем затруднении, дон Хуан расхохотался. Он сказал, что рано или поздно объяснение магов придет мне на помощь. И тогда все станет совершенно ясным без необходимости быть разумным или неразумным.

– А пока все, что я могу для тебя сделать, – это гарантировать, что это был не человек.

Взгляд дона Хуана стал очень беспокоящим. Мое тело непроизвольно задрожало. Я почувствовал себя неуютно и занервничал.

– Я ищу отметки на твоем теле, – объяснил он. – Может, ты этого и не сознаешь, но сегодня вечером ты побывал в хорошей переделке.

– Что за отметки ты ищешь?

– Не физические отметки, а знаки, указания на твоих светящихся волокнах, области особого свечения. Мы – светящиеся существа, и все, что мы делаем и чувствуем, бывает видно в наших волокнах. У людей есть яркость, свойственная только им. Это единственный способ отличить их от других светящихся существ.

Если бы ты видел сегодня вечером, то заметил бы, что фигура в кустах не была светящимся живым существом.

Я хотел продолжить расспросы, но он приложил руку к моим губам и прошептал, чтобы я прислушался и попытался услышать

тихое шуршание, мягкие приглушенные шаги бабочки по сухим листьям и веткам на земле.

Я ничего не слышал. Дон Хуан резко встал, взял лампу и сказал, что мы перейдем под рамаду. Он вывел меня через черный ход и обвел вокруг дома по краю чапарала вместо того, чтобы просто пройти через комнату и выйти через переднюю дверь. Он объяснил, что нам важно дать знать о своем присутствии. Мы наполовину обошли дом с левой стороны. Дон Хуан шел очень медленно, с трудом передвигая ноги. Трясущимися руками он держал лампу, освещая путь.

Я спросил, что с ним случилось. Подмигнув мне, он прошептал, что большая бабочка, рыскающая вокруг, ожидает свидания с молодым человеком, и что шаркающая походка немощного старика была явным способом показать, с кем из нас она должна встретиться.

Когда мы, наконец, подошли к крыльцу, дон Хуан повесил лампу на балку, усадил меня спиной к стене, а сам сел справа.

– Мы будем сидеть здесь, – сказал он. – Пиши и говори со мной как обычно. Бабочка, которая бросилась на тебя сегодня ночью, в кустах. Через некоторое время она подойдет, чтобы взглянуть на тебя. Вот почему я повесил лампу над твоей головой. Свет поможет бабочке найти тебя. Когда она подойдет к краю кустов, то позвет тебя. Это очень специфический звук. Он сам по себе может помочь тебе.

– Что за звук, дон Хуан?

– Это песня, навязчивый зов, который производит бабочка. Обычно его нельзя услышать, но бабочка, которая находится там, в кустах – редкая бабочка. Ты будешь явно слышать ее зов, и, при условии, что ты будешь безупречен, он останется с тобой до конца твоей жизни.

– Чем он мне поможет?

– Сегодня ночью ты попытаешься закончить начатое раньше. Видение приходит только тогда, когда воин способен остановить внутренний диалог. Сегодня ты по своей воле остановил его там, в кустах. И ты видел. То, что ты видел, не было ясным. Ты думал, что это был человек. Я говорю, что это была бабочка. Мы оба не правы, но это потому, что нам приходится говорить. Я, однако же, взял верх, потому что я вижу лучше тебя и потому что я знаком с объяснением магов. Поэтому я знаю, хотя и не абсолютно точно, что фигура, которую ты видел, была бабочкой. А сейчас молчи, ни о чем не думай и дай возможность той бабочке прийти к тебе опять.

Я едва был способен записывать. Дон Хуан засмеялся и попросил меня продолжать, как ни в чем не бывало. Он взял меня за руку и сказал, что ведение записей является моим самым лучшим защитным щитом.

– Мы никогда не говорили о бабочках, – сказал он. – Но сейчас пришло время. Как ты уже знаешь, твой дух воина был не уравновешен. Чтобы уравновесить его, я научил тебя жить, как подобает воину. Воин начинает с уверенности, что его дух неуравновешен, а затем, живя в полном контроле и осознании, но без спешки или принуждения, он делает все лучшее для достижения этого равновесия.

В твоем случае, как и в случае с каждым человеком, твоя неуравновешенность вызвана общей суммой всех твоих поступков. К настоящему времени твой дух, кажется, готов к разговору о бабочках.

– Откуда ты это знаешь?

– Я заметил отблеск бабочки, рыскающей вокруг, когда ты приехал. Впервые она была так дружелюбна и открыта. Я видел ее и прежде в горах возле дома Хенаро, но тогда она была угрожающей фигурой, отражающей отсутствие порядка в тебе.

В этот момент я услышал странный звук. Он был похож на приглушенный треск ветвей, трущихся друг о друга, или на работу небольшого моторчика, находящегося в отдалении. Он менял

тональность подобно музыкальному, создавая сверхъестественный ритм. Потом он прекратился.

– Это была бабочка, – сказал дон Хуан. – Возможно ты уже заметил, что хотя свет лампы достаточно яркий, чтобы привлечь насекомых, ни одно из них не прилетело.

Я не обращал на это внимания и только сейчас заметил невероятную тишину в пустыне вокруг дома.

– Не становись непоседливым, – сказал он. – В мире нет ничего такого, чего воин не должен принимать в расчет. Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Слова дона Хуана, а еще больше – его настроение, подействовали на меня успокаивающе. Я сказал ему, что в своей повседневной жизни уже больше не испытываю прежнего захлестывающего страха, но теперь мое тело содрогается от испуга при одной мысли о том, что находится там, в темноте.

– Там есть только знание, – сказал он как само собой разумеющееся. – Знание пугающе, это правда. Но если воин принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает его возможность ужасать.

Станный воркующий звук раздался снова. Он казался ближе и громче. Я внимательно слушал. Чем больше внимания я ему уделял, тем труднее было определить его природу. Оттенок каждого звука был богатым и глубоким, он не походил на крик птицы или животного. Одни звуки производились в низком ключе, другие – в высоком. Они были ритмичными и имели особую длительность. Некоторые были протяжными. Я слышал их отдельные ноты. Другие были короткими, они сливались вместе, как звук пулеметной очереди.

– Бабочки являются вестниками, или, лучше сказать, стражами вечности, – сказал дон Хуан после того, как звук прекратился. – По

какой-то причине, или, может быть, вообще без всякой причины, они являются хранителями золотой пыли вечности.

Эта метафора была мне незнакома. Я попросил объяснить ее.

– Бабочки несут пыльцу на своих крыльях, – сказал он. – Темно-золотую пыль. Эта пыль является пылью знания.

Его объяснение сделало метафору еще более смутной. Какое-то время я раздумывал, пытаюсь получше сформулировать вопрос, но он заговорил вновь.

– Знание – это совершенно особая вещь, – сказал он. – Особенно для воина. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

– Но какая связь между знанием и пылью на крыльях бабочки? – спросил я после длинной паузы.

– Знание приходит, летя как крупинцы золотой пыли, той самой пылью, которая покрывает крылья бабочек, поэтому для воина знание похоже на душ, на пребывание под дождем из крупинц темно-золотой пыли.

Как можно вежливее я заметил, что его объяснения смутили меня еще больше. Он засмеялся и заверил меня, что говорит вполне осмысленные вещи, вот только мой разум не позволяет мне чувствовать себя хорошо.

– Бабочки были близкими друзьями и помощниками магов с давних времен. Я не касался этой темы раньше, потому что ты не был к ней готов.

– Но как может пыльца на их крыльях быть знанием?

– Ты увидишь.

Положив руку на мой блокнот, он велел закрыть глаза и умолкнуть, ни о чем не думая. Он сказал, что зов бабочки из чапарала поможет мне. Если я буду внимателен к нему, то он

расскажет мне о надвигающихся событиях. Он подчеркнул, что не знает, как будет установлена связь между мной и бабочкой. Так же как не знает, каковы будут условия этой связи. Он велел мне чувствовать себя легко и уверенно и доверять своей личной силе.

Хотя вначале я беспокоился и нервничал, однако добился того, что начал отключать свой внутренний диалог. Мыслей постепенно становилось все меньше, пока мой ум не стал совершенно чистым. Когда я стал более спокоен, звуки в чапарале, казалось, исчезли.

Странный звук, который, по словам дона Хуана, производила бабочка, возобновился вновь. Он воспринимался как ощущение в моем теле, а не как мысль. Я понял, что он не был угрожающим. Он был милым и простым. Он был похож на зов ребенка и вызывал воспоминание о маленьком мальчике, которого я знал когда-то. Длинные звуки напомнили мне о его круглой белой голове, короткое стаккато звуков – о его смехе. Очень болезненное чувство охватило меня, но мыслей все же не было. Я чувствовал сильную боль во всем теле. Сидеть я больше не мог и завалился на бок. Моя печаль была так велика, что я начал думать. Я взвесил свою боль и печаль и внезапно оказался в самой гуще внутренних споров о маленьком мальчике. Трескучий звук исчез. Мои глаза были закрыты. Я услышал, как дон Хуан поднялся, а затем почувствовал, что он помогает мне сесть. Говорить не хотелось. Он тоже молчал. Я услышал, что он двигается рядом со мной, и открыл глаза. Он стоял возле меня на коленях и рассматривал мое лицо, держа возле него лампу. Он велел мне положить руки на живот, поднялся, пошел на кухню и принес воды. Он плеснул мне немного в лицо, а остальное дал выпить.

Он сел рядом и подал мне мои записи. Я рассказал ему, что звук вызвал у меня очень болезненные воспоминания.

– Ты индульгируешь сверх всякой меры, – сухо сказал он. Казалось, он задумался, как бы подыскивая подходящую фразу.

– Твоя задача на сегодняшнюю ночь – видение людей, – сказал он наконец. – Сначала ты должен остановить свой внутренний диалог. Затем ты должен вызвать образ лица, которое ты захочешь

увидеть. Любая мысль, которую ты удерживаешь в уме в состоянии внутреннего безмолвия, является собственно командой, поскольку там нет других мыслей, способных соперничать с ней. Сегодня ночью бабочка в кустах хочет помочь тебе, поэтому она будет петь для тебя. Эта песня принесет тебе золотые пылинки, и ты увидишь выбранного тобой человека.

Я хотел узнать подробности, но он жестом прервал меня и велел продолжать.

После нескольких минут борьбы я смог остановить внутренний диалог. Затем я произвольно задержал мысль о своем друге. Мне показалось, я закрыл глаза всего лишь на мгновение и вдруг понял, что кто-то трясет меня за плечи. Я медленно приходил в себя. Открыв глаза, я увидел, что лежу на левом боку. Очевидно, я заснул так глубоко, что даже не заметил, как упал на землю. Дон Хуан помог мне сесть. Засмеявшись, он изобразил мое храпение, и сказал, что если бы он своими глазами не видел, как это произошло, он никогда бы не поверил, что можно так быстро заснуть. Добавив, что забавно наблюдать за мной, когда я делаю что-нибудь, выходящее за рамки моего понимания, он забрал у меня блокнот и сказал, что мы должны начать все сначала.

Я прошел необходимые ступени. Вновь я услышал странный трескучий звук. На этот раз он исходил не из чапаралья. Он шел как бы изнутри меня, словно его издавали мои губы, руки или ноги. Звук скоро поглотил меня. Я чувствовал, словно какие-то мягкие шарики подобно брызгам летели не то в меня, не то от меня. Это было успокаивающее, захватывающее ощущение, как будто тебя бомбардируют тяжелыми ватными шариками. Внезапно я услышал, как ветер распахнул дверь, и опять начал думать. Я думал о том, что испортил еще один шанс. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в своей комнате. Все предметы на письменном столе лежали так же, как я их оставил. Дверь была открыта, снаружи дул сильный ветер. Мне пришла в голову мысль, что нужно проверить нагреватель воды. Затем я услышал постукивание по окну, которое я сам установил и которое плохо прилегало к раме. Это был отчаянный стук, как будто кто-то хотел войти. Я ощутил приступ страха.

Поднявшись с кресла, я вдруг почувствовал, что что-то тащит меня. Я закричал.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Я возбужденно пересказал ему свое видение. Оно было таким живым, что я все еще дрожал. Я ощущал себя так, словно только что перенесся из-за своего письменного стола в плоти и крови.

Дон Хуан с недоверием покачал головой и сказал, что я просто гений в том, как я себя дурачу. Его, казалось, не впечатлило то, что я сделал. Он просто отказался обсуждать это и велел мне смотреть вновь.

Опять я слышал мистический звук. Он приходил ко мне, как сказал дон Хуан, в виде дождя золотых крупинок. Я не ощущал, что это были плоские пластинки или чешуйки, как он их описывал, а, скорее, сферические пузырьки, и они плыли ко мне. Один из них разорвался перед моими глазами и раскрылся, открывая странный предмет. Он был похож на гриб. Я смотрел на него, и это явно не было сном. Грибовидный предмет оставался неизменным в поле моего «зрения», а затем погас, как если бы свет, который его освещал, был выключен. Наступила темнота. Я ощутил дрожь, очень неприятный толчок, а затем внезапно понял, что меня трясут. Чувства мои сразу же включились. Дон Хуан сильно тряс меня, а я смотрел на него. Должно быть, в этот момент я только что открыл глаза.

Он брызнул мне в лицо водой. Прохлада воды была очень приятной. После секундной паузы он захотел узнать, что случилось.

Я пересказал ему каждую деталь моего видения.

– Но что я видел? – спросил я.

– Своего друга, – ответил он.

Я засмеялся и терпеливо объяснил, что «видел» грибовидную фигуру, и хотя у меня не было никаких критериев, чтобы судить о ее размерах, но думаю, что она была около фута длиной.

Дон Хуан подчеркнул, что только чувства тут идут в зачет. Он сказал, что это мои чувства вызвали то состояние существа предмета, которое я видел.

– По твоему описанию и по твоим чувствам я могу заключить, что твой друг должен быть очень приятным человеком, – сказал он.

Я был озадачен его словами.

Он сказал, что грибовидные образования были основной формой человеческих существ, когда маг видел их на большом расстоянии. Но когда он прямо смотрит на человека, которого видит, то человеческое качество выглядит как яйцевидное образование светящихся волокон.

– Ты не был лицом к лицу со своим другом, – сказал он. – Поэтому он показался тебе грибом.

– Почему это так, дон Хуан?

– Никто не знает. Просто таким способом люди являются в этом особом типе видения.

Он добавил, что каждая черта в грибовидном образовании имеет особое значение и что для начинающего невозможно точно истолковать, что означает тот или иной признак.

Затем ко мне пришло воспоминание, заинтриговавшее меня. Несколькоми годами ранее в состоянии необычной реальности, вызванном приемом психотропных растений, я испытал или ощутил, глядя на водный поток, как ко мне плыло скопление пузырьков, поглощая меня. Те золотые пузырьки, которые я только что видел, летели ко мне и поглощали меня точно таким же образом. Фактически я мог бы сказать, что и то, и другое скопление имели одинаковую структуру и одинаковый паттерн.

Дон Хуан выслушал мои комментарии без интереса.

– Не трать свою силу на мелочи, – сказал он. – Ты имеешь дело с бесконечностью.

Движением руки он указал на чапараль.

– Если ты превратишь это величие в разумность, то ничего этим не добьешься. Окружающее нас здесь – сама вечность. И заниматься тем, чтобы уменьшать ее до уровня управляемой чепухи не только глупо, но и откровенно губительно.

Затем он настоял на том, чтобы я попытался «увидеть» еще кого-нибудь из круга моих знакомых. Он сказал, что когда видение закончится, я должен постараться раскрыть глаза и сам пробиться на поверхность до полного осознания окружающего.

Я добился успеха в том, чтобы удержать картинку другой грибообразной фигуры, но если первая была желтоватая и небольшая, то вторая была белесой, белее крупной и искривленной. К тому времени, когда мы закончили разговор о двух только что увиденных мною формах, я позабыл о «бабочке в кустах», которая так занимала меня недавно. Я сказал дону Хуану, что меня удивляет, с какой легкостью я оказался способен отбросить то, что так недавно потрясло меня. Казалось, я стал не тем человеком, которого знал всегда.

– Не понимаю, почему ты поднимаешь из-за этого такой шум, – сказал дон Хуан. – Всегда, когда прекращается диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов. Ты такой, какой ты есть, потому что ты говоришь себе, что ты такой.

После короткого отдыха дон Хуан попросил меня продолжать «вызывать» друзей. Он сказал, что здесь важно постараться «видеть» настолько много, насколько это возможно, чтобы установить мостик для чувства.

Я вызвал по очереди тридцать два человека. После каждой попытки он требовал детального описания всего, что я ощущал в своем видении. Однако он изменил эту процедуру, когда я стал осуществлять ее более успешно. Он судил по тому, что я стал останавливать внутренний диалог за несколько секунд, стал способен открывать глаза сам в конце каждого опыта и

восстанавливал обычную деятельность без всякого перехода. Я заметил эту перемену, когда мы обсуждали окраску грибовидных образований. Он указал, что это была не окраска, но сияние различной интенсивности. Я уже собирался описать желтоватое сияние, которое только что «видел», как вдруг он прервал меня и точно описал сам, что именно я «видел». Начиная с этого момента, он описывал содержание каждого видения, но не так, как если бы ориентировался с моих слов, но как если бы «видел» это сам. Когда я попросил его прокомментировать это, он просто отказался говорить на эту тему.

К тому времени, когда я вызвал уже тридцать два человека, я сообразил, что видел большое разнообразие грибовидных форм и сияний, и испытал по отношению к ним целую гамму чувств, начиная от тихого восхищения, кончая откровенным отвращением. Дон Хуан объяснил, что люди наполнены образованиями, которые могут быть желаниями, проблемами, печалью, заботами и так далее. Он сказал, что только очень могучий маг может расшифровать значение этих образований и что я должен быть доволен тем, что просто вижу общие очертания людей.

Я очень устал. В этих странных фигурах было что-то действительно утомляющее. Мне стало дурно. Они не нравились мне и заставляли чувствовать себя пойманным и обреченным. Дон Хуан велел мне писать, чтобы рассеять мрачное настроение. После некоторой паузы, во время которой я так и не смог ничего написать, он попросил меня вызывать тех людей, которых он сам будет выбирать.

Появилась новая серия форм. Они были похожи не на грибы, а скорее на японские чашечки для саке, перевернутые вверх дном. У некоторых было образование, похожее на голову, как ножка у чашки для саке, другие были округлыми. Их очертания были спокойными и приятными. Я чувствовал, что в них заключалось какое-то врожденное чувство счастья или что-то вроде этого. Они подпрыгивали, словно сопротивляясь земной тяжести, которую проявляли предыдущие формы. Каким-то образом один факт их присутствия ослабил мою усталость.

Среди тех людей, которых он выбрал, был и его ученик Элихио. Когда я вызвал видение Элихио, то ощутил толчок, который выбил меня из состояния наблюдения. Элихио был длинной белой формой, которая встряхнулась и, казалось, прыгнула на меня. Дон Хуан объяснил, что Элихио – очень талантливый ученик, и что он, без сомнения, заметил, что кто-то видит его.

Другим был Паблито, ученик дона Хенаро. Видение Паблито привело меня в еще большее потрясение, чем видение Элихио.

Дон Хуан так смеялся, что слезы потекли у него по щекам.

– Почему эти люди имеют другую форму? – спросил я.

– У них больше личной силы, – заметил он. – Как ты мог заметить, они не привязаны к земле.

– Что дало им такую легкость? Они что, такими родились?

– Все мы рождаемся легкими и скачущими, но постепенно становимся фиксированными и прикованными к земле. Мы сами себя такими делаем. Пожалуй, можно сказать, что эти люди имеют другую форму, потому что живут как воины. Однако важно не это. Сейчас важно то, что ты подошел к грани. Ты вызвал сорок семь человек, и теперь остался только один, чтобы завершить изначальные сорок восемь.

Тут я вспомнил, что несколько лет назад в разговоре о магии кукурузы он сообщил мне, что количество зернышек кукурузы, которыми обладает маг, – сорок восемь, но так и не сказал, почему. Я снова спросил его об этом.

– Сорок восемь – это наше число, – сказал он. Именно оно делает нас людьми. Я не знаю, почему. Не трать свою силу на идиотские вопросы.

Он поднялся, потянулся всем телом и велел мне сделать то же. Я заметил, что на востоке появилась светлая полоска неба. Затем мы сели, и он приложил губы к моему уху.

– Последний человек, которого ты собираешься вызвать, это Хенаро – настоящая звезда, – прошептал он.

Я почувствовал волну возбуждения и любопытства. Я вновь прошел через все требуемые ступени. Странный звук, доносящийся из чапаралья, стал живым и приобрел новую силу. Я почти забыл о нем. Золотые пузырьки поглотили меня, а затем в одном из них я увидел самого дона Хенаро. Он стоял передо мной улыбаясь, держа шляпу в руке. Я поспешно раскрыл глаза, собираясь заговорить, с доном Хуаном, но прежде, чем я успел вымолвить хоть слово, мое тело одеревенело, волосы встали дыбом, и какое-то время я не знал, что сделать или сказать. Сам дон Хенаро стоял передо мной!

Я повернулся к дону Хуану. Он улыбался. Потом оба громко расхохотались. Я тоже попытался смеяться, но не смог и вскочил.

Дон Хуан подал мне чашку воды. Автоматически я выпил ее. Я ожидал, что оно побрызгает на меня водой, но он снова наполнил мою чашку.

Дон Хенаро почесал голову, скрывая усмешку.

– Разве ты не собираешься поздороваться с Хенаро? – спросил дон Хуан.

Мне стоило огромных усилий привести в порядок свои мысли и чувства, пока я смог, наконец, выдать какие-то приветствия. Дон Хенаро поклонился.

– Ты звал меня, верно? – спросил он, улыбаясь.

Я пробормотал, что просто поражен его появлением.

– Он звал тебя, – вставил дон Хуан.

– Что ж, вот и я, – сказал дон Хенаро. – Что я могу для тебя сделать?

Я медленно приходил в себя. И, наконец, ко мне пришло внезапное озарение. С необыкновенной ясностью я понял, что в

действительности произошло. Дон Хенаро гостил у дона Хуана. Услышав мою машину, он спрятался в кустах и оставался там до наступления темноты. Я считал доказательства убедительными. Время от времени дон Хуан подталкивал меня в нужном направлении, и таким образом управлял развитием событий.

В нужный момент дон Хенаро позволил мне заметить свое присутствие, а когда мы с доном Хуаном бежали обратно к дому, он следовал за нами самым очевидным образом, чтобы увеличить мой страх. Затем он скрывался в чапарале, время от времени издавая те странные звуки по знаку дона Хуана. Последний знак выйти из кустов дон Хуан, должно быть, дал, когда мои глаза были закрыты – как раз тогда, когда он попросил меня вызвать Дона Хенаро. Очевидно, тогда дон Хенаро подошел к рамаде и ждал, пока я не открою глаза, чтобы испугать меня до потери сознания.

Единственное несоответствие в моей логической схеме было связано с тем, что я действительно видел, как человек, прятаящийся в кустах, превратился в птицу и что в первый раз дон Хенаро предстал передо мной как видение в золотом пузырьке. В моем видении он был одет точно так же, как и в действительности. Не найдя логического способа объяснить эти несоответствия, я, как обычно в подобных случаях, заключил, что эмоциональный стресс мог сыграть важную роль и определить то, что я «верил, что видел».

При мысли о том, что все происшедшее было всего лишь розыгрышем, мною овладел истерический смех. Я рассказал им о моих умозаключениях. Оба раскатисто захохотали. Мне казалось, что этот смех их выдает.

– Ты прятался в кустах, не так ли? – спросил я дона Хенаро.

Дон Хуан сел, схватившись за голову обеими руками.

– Нет, я не прятался, – сказал дон Хенаро терпеливо. – Я был далеко отсюда, но ты позвал меня – и я пришел повидаться с тобой.

– А где ты был, дон Хенаро?

– Далеко.

– Как далеко?

Дон Хуан, прервав меня, сказал, что дон Хенаро оказал мне любезность, и я не должен спрашивать, где он был, потому что он был нигде.

Дон Хенаро стал меня защищать и сказал, что все в порядке и что я могу спрашивать о чем угодно.

– Но если ты не прятался около дома, то где же ты был, дон Хенаро? – спросил я.

– Я был у себя дома, – сказал он с большой искренностью.

– В Центральной Мексике?

– Да, это единственный дом, который у меня есть.

Они взглянули друг на друга и опять расхохотались. Я знал, что они дурачат меня, но предпочел не копаться в этом вопросе дальше, решив, что у них должны быть причины для таких сложных трюков.

Я сел. Вдруг у меня появилось ощущение раздвоения. Одна часть меня совсем не была шокирована и могла принять любые поступки дона Хенаро или дона Хуана за чистую монету. Но была и другая, которая совершенно отказывалась сделать это. Это была моя самая сильная часть. В итоге я пришел к выводу, что только на интеллектуальном уровне принял описание мира магии, которое дал мне дон Хуан, тогда как мое тело как целостность отказывалось от него. В этом и была моя дилемма. Но затем, с годами моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро я испытал необычайные вещи, и это уже был не интеллектуальный опыт, а опыт тела. Немногим ранее, этой же ночью я выполнил бег силы, который с точки зрения моего интеллекта являлся невообразимым достижением. И более того, сегодня у меня были невероятные видения, являвшиеся по моему желанию без каких-либо вспомогательных средств.

Я объяснил им природу своей мучительной и в то же время реальной дилеммы.

– Этот парень – гений! – сказал дон Хуан дону Хенаро, недоверчиво качая головой.

– Ты потрясающий гений, Карлитос! – сказал дон Хенаро, как бы передавая сообщение.

Они уселись по сторонам от меня, дон Хуан справа, а дон Хенаро слева. Дон Хуан заметил, что скоро наступит утро. В этот момент я опять услышал зов бабочки. Он шел теперь с другой стороны. Я посмотрел на них обоих, выдерживая их взгляд. Моя логическая схема начала распадаться. Звук обладал богатством оттенков и гипнотизирующей глубиной и силой.

Затем я услышал мягкие, приглушенные шаги, словно кто-то осторожно наступал на сухую подстилку. Трескучий звук раздался ближе, и я прижался к дону Хуану. Он сухо велел мне видеть его. Я сделал громадное усилие не столько для него, сколько для себя.

До сих пор я был уверен, что «бабочка» – это дон Хенаро. Но дон Хенаро сидел рядом со мной. Но что же тогда было в кустах? Бабочка? Трескучий звук эхом отдавался у меня в ушах. Мне никак не удавалось прекратить внутренний диалог. Хотя я и слышал звук, но не мог почувствовать его в своем теле, как делал это раньше. Я слышал отчетливые шаги. Что-то пробиралось в темноте. Послышался громкий треск, словно кто-то наступил на сухую ветку, и внезапно меня охватило пугающее воспоминание. Несколько лет назад я провел ужасную ночь. В диких горах и подвергся нападению чего-то очень легкого и мягкого, чего-то что вновь и вновь наступало мне на шею, пока я, скорчившись, лежал на земле. Дон Хуан объяснил мне то событие, как встречу с «союзником», загадочной силой, которую маг выучивается воспринимать как существо.

Я плотнее прижался к дону Хуану и шепотом рассказал ему о своем воспоминании. Дон Хенаро на четвереньках подполз к нам, чтобы быть поближе.

– Что он сказал? – спросил он дона Хуана шепотом.

– Он сказал, что там в кустах союзник, – ответил тот тихо.

Дон Хенаро отполз назад я сел. Затем он повернулся ко мне и сказал громким шепотом:

– Ты гений!

Они тихонько засмеялись. Движением подбородка дон Хенаро показал на чапараль.

– Пойди туда, схвати его, только смотри, не забудь перед этим раздеться, и изгони из этого союзника дьявола!

Они затряслись от смеха. Звук тем временем исчез. Дон Хуан приказал, мне прекратить думать, но оставить глаза открытыми, сфокусированными на краю чапаралья передо мной. Он сказал, что бабочка меняет свое положение из-за того, что здесь находится дон Хенаро, и если она собирается показаться мне, то выберет место прямо передо мной.

После секундной борьбы за успокоение своих мыслей я опять слышал звук. Он был богаче, чем когда-либо. Сначала я слышал приглушенные шаги по сухим веткам, а затем ощутил их на своем теле. В этот момент я различил темную массу прямо перед собой на краю чапаралья.

Я чувствовал, что меня трясут. Дон Хуан и дон Хенаро наклонились надо мной, а я стоял на коленях, как если бы заснул в скрюченном положении. Дон Хуан дал мне воды, и я сел, прислонившись спиной к стене. Вскоре рассвело. Чапараль, казалось, проснулся. Утренняя прохлада освежила меня.

Это не дон Хенаро был «бабочкой». Мое разумное построение распадалось. Я больше не хотел задавать вопросов, но и молчать мне не хотелось. В конце концов мне пришлось заговорить.

– Но если ты был в Центральной Мексике, дон Хенаро, то как же ты попал сюда?

Хенаро сделал какой-то непонятный и невероятно смешной жест ртом.

– Прости, – сказал он мне. – Мой рот не хочет разговаривать.

Затем он повернулся к дону Хуану и сказал, улыбаясь:

– Почему ты не расскажешь ему?

Дон Хуан поколебался, а затем сказал, что дон Хенаро как потрясающий мастер магии способен на невероятные дела.

Грудь дона Хенаро выпятилась, как будто слова дона Хуана надували его. Он как будто вдохнул так много воздуха, что его грудная клетка стала в три раза больше. Казалось, он вот-вот взлетит. Он подпрыгнул. У меня было ощущение, что это воздух внутри его легких заставил его подпрыгнуть. Он прохаживался взад-вперед по земляному полу до тех пор, пока, видимо, не совладал со своей грудной клеткой. Он похлопал по ней и с большой силой пробежал ладонями от грудных мышц к животу, как если бы сдувал камеру от колеса. Наконец он уселся. Дон Хуан улыбнулся. Его глаза светились откровенным удовольствием.

– Пиши свои заметки, – сказал он мягко. – Пиши, пиши, или ты умрешь!

Затем он заметил, что даже дон Хенаро уже не воспринимает мое записывание как нечто сильно странное.

– Это верно, – сказал Хенаро. – Я даже подумываю о том, чтобы начать писать самому.

– Хенаро – человек знания, – сказал дон Хуан сухо. – И, как человек знания, он вполне способен переносить себя на большие расстояния.

Он напомнил мне, что однажды, несколько лет назад, мы все трое были в горах, и дон Хенаро, пытаясь помочь мне преодолеть свой глупый рассудок, совершил огромный прыжок на вершины гор, находившихся в десяти милях от нас. Я помнил это событие, но помнил и то, что не смог поверить в его прыжок.

Дон Хуан добавил, что иногда Хенаро способен выполнять необычайные задачи.

– В определенное время Хенаро – это не Хенаро, а его дубль, – сказал он.

Он повторил это три или четыре раза. Затем оба они стали следить за мной, как бы ожидая предстоящей реакции. Я не понял, что он имел в виду под словами «его дубль». Он никогда не упоминал этого раньше. Я попросил разъяснений.

– Есть другой Хенаро, – объяснил он.

Мы все трое посмотрели друг на друга. Я очень встревожился. Движением глаз дон Хуан приказал мне продолжать разговор.

– У тебя что, есть брат-близнец? – спросил я, поворачиваясь к дону Хенаро.

– Конечно, – сказал он. – У меня есть близнец.

Я не мог понять, шутят они или нет. Оба посмеивались как два ребенка, празднующих шалость.

– Можно сказать, – продолжал дон Хуан, – что в настоящий момент Хенаро – это его близнец.

Это заявление повергло их обоих на землю от хохота. Но я не мог примкнуть к их веселью. Мое тело невольно задрожало. Дон Хуан сказал жестким тоном, что я слишком тяжел и самозначителен.

– Отпустись, – приказал он. – Ты знаешь, что Хенаро – маг и неуязвимый воин, поэтому он способен выполнять дела, которые были бы немыслимы для обычного человека. Его двойник – другой Хенаро – одно из таких дел.

Я онемел. Воспринять все это просто как шутку я уже не мог.

– Для воина, подобного Хенаро, – продолжал он, – произвести Другого – не такая уж невероятная задача.

После долгих колебаний я наконец спросил:

– А этот «другой» похож на него самого?

– Другой и есть он сам, – ответил дон Хуан. Его объяснение было невероятным, но не более невероятным, чем все, что они делали.

– А из чего сделан «другой»? – спросил я после минутной нерешительности.

– Этого нельзя узнать, – сказал он.

– Он реален или просто иллюзия?

– Реален, конечно.

– Возможно ли тогда сказать, что он сделан из плоти и крови? – спросил я.

– Нет, это невозможно, – ответил дон Хенаро.

– Но если он такой же реальный, как я...

– Такой же реальный, как ты? – вставили в унисон дон Хуан и дон Хенаро.

Они переглянулись и так смеялись, что им чуть не стало дурно. Дон Хенаро бросил свою шляпу на пол и танцевал вокруг нее. Его танец был сложным, грациозным и по какой-то совершенно непонятной причине очень смешным. Наверное, юмор был в его исключительно «профессиональных» движениях. Несоответствие было таким тонким, и в то же время столь заметным, что я скорчился от смеха.

– Твоя беда, Карлитос, – сказал он, после того, как сел, – состоит в том, что ты – гений.

– Я должен узнать о дубле, – сказал я.

– Невозможно узнать, состоит ли он из плоти и крови, – сказал дон Хуан, – потому что он такой же реальный, как и ты. Дубль Хенаро такой же реальный, как Хенаро, понимаешь, что я имею в виду?

– Ты должен признать, дон Хуан, что существует способ узнать.

– Дубль – это он сам. Это объяснение должно удовлетворять тебя. Если бы ты, однако, видел, ты бы знал, что есть очень большая разница между Хенаро и дублем. Для мага, который видит, дубль ярче.

Я чувствовал себя слишком слабым, чтобы продолжать задавать вопросы. Я положил блокнот, и на мгновение мне показалось, что я сейчас потеряю сознание. Поле зрения сузилось, став как бы туннелем. Все вокруг было темным, кроме круглого пятна ясной видимости прямо перед глазами.

Дон Хуан сказал, что мне надо поесть. Я не был голоден. Дон Хенаро заявил, что он умирает от голода, встал и отправился в заднюю часть дома. Дон Хуан тоже поднялся и сделал мне знак идти следом. На кухне дон Хенаро положил себе еды, а затем невероятно комично начал изображать человека, который страшно хочет есть, но не может проглотить пищу. Я думал, что дон Хуан сейчас умрет. Он рычал, брыкал ногами, кричал, кашлял и задыхался от смеха. Мне казалось, что я сейчас надорву себе бока. Игра дон Хенаро была бесценной.

Наконец он отказался от своих попыток и взглянул на нас по очереди. Его блестящие глаза излучали улыбку.

– Не помогает, – сказал он и пожал плечами.

Я съел огромное количество пищи, как и дон Хуан. Затем все мы вышли на веранду перед домом. Солнечный свет был очень ярким, небо – чистым, утренний ветерок освежал. Я чувствовал себя сильным и счастливым. Мы сели треугольником лицом друг к другу. После вежливого молчания я решил попросить их прояснить мою проблему. Я опять чувствовал себя в отличной форме и хотел использовать свою силу.

– Расскажи мне еще о дубле, дон Хуан, – попросил я. Дон Хуан указал на дона Хенаро, и тот поклонился.

– Вот он, – сказал дон Хуан. – Тут нечего говорить. Он здесь, ты можешь смотреть на него.

– Но он – дон Хенаро, – сказал я в слабой попытке направить разговор.

– Конечно, я – Хенаро, – сказал он и пожал плечами.

– Что же тогда такое дубль, дон Хенаро? – спросил я.

– Спроси его, – сказал он, указывая на дона Хуана. – Он тот, кто разговаривает, а я немой.

– Дубль – это сам маг, развившийся через свои сновидения, – объяснил дон Хуан. – Дубль для мага – это действие силы, но лишь сказка о силе – для тебя. В случае с Хенаро его дубль неотличим от оригинала, потому что его безупречность как воина – исключительна. Поэтому сам ты никогда не замечал разницы. Но за те годы, что ты его знаешь, ты встречался с оригиналом Хенаро только дважды. Все остальное время ты был с его дублем.

– Но это противостоит природе! – воскликнул я.

Я чувствовал в груди нарастающую тревогу. Я был так возбужден, что уронил свой блокнот, и мой карандаш куда-то закатился. Дон Хуан и дон Хенаро буквально нырнули на землю и начали разыгрывать его поиски. Я никогда не видел более поразительного представления театрального фокусника с ассистентом. Разве что здесь не было сцены или декораций, и, скорее всего, исполнители не применяли при этом ловкость рук.

Хенаро, главный фокусник, и его ассистент дон Хуан за несколько минут собрали поразительную коллекцию самых невероятных предметов, которые они находили под или за, или над любым объектом, находившимся на веранде.

В стиле эстрадной магии ассистент раскладывал предметы прямо на земляном полу: камни, мешки, куски дерева, ящик из под молока и мой пиджак. Затем фокусник дон Хенаро приступал к обследованию предмета, который он выбрасывал, как только убеждался, что это не мой карандаш. Коллекция найденных предметов включала одежду, парики, очки, игрушку, поварешки, шестерни, мешки, женское нижнее белье, человеческие зубы, сэндвичи и предметы религиозного культа. Один из найденных предметов был совершенно отвратителен. Это был кусок высушенного дерьма, который дон Хуан извлек из-под моего пиджака. Наконец, дон Хенаро нашел мой карандаш и вручил его мне после того, как обтер с него пыль полкой своей рубашки. Они отметили свою клоунаду криками и смехом. Я оказался зрителем, который никак не мог присоединиться к их веселью.

– Не принимай все так серьезно, Карлитос, – сказал дон Хенаро с оттенком участия. – Иначе ты сделаешь...

Он сделал смешной жест, который мог означать что угодно. После того, как их смех утих, я спросил у дон Хенаро, что делает дубль, или что маг делает со своим дублем. Ответил дон Хуан. Он сказал, что у дубля есть сила, и ее можно использовать для задач, которые были бы невообразимы в обычных условиях.

– Я уже неоднократно говорил тебе, что мир неизмерим, – сказал он мне. – Как мы, так и каждое существо, которое есть в этом мире. Поэтому невозможно постичь дубля разумом, однако тебе было позволено быть его свидетелем, и этого должно быть более чем достаточно.

– Но должен же быть хоть какой-нибудь способ говорить о нем? – спросил я.

– Ты сам говорил мне, что ты объяснял свой разговор с оленем, чтобы иметь возможность говорить со мной. Не можешь ли ты сделать то же самое с дублем?

Он молчал. Я упрашивал. Нетерпение, которое я испытывал, было ни с чем не сравнимо.

– Что ж, маг может раздвоиться, – сказал дон Хуан. – Это все, что можно сказать.

– Но осознает ли он, что раздвоился?

– Конечно, он это осознает.

– Знает ли он, что находится одновременно в двух местах?

Оба посмотрели на меня и обменялись взглядами.

– Где сейчас другой Хенаро? – спросил я.

Дон Хенаро наклонился ко мне и уставился мне в глаза.

– Я не знаю, – сказал он мягко. – Ни один маг не знает, где находится его другой.

– Хенаро прав, – сказал дон Хуан. – У мага нет данных о том, что он находится в двух местах сразу. Ощущать это было бы равносильно тому, чтобы встретиться со своим дублем лицом к лицу, а маг, который сталкивается лицом к лицу с самим собой, – мертвый маг. Таково правило, таким образом сила расположила вещи. И никто не знает почему.

Дон Хуан пояснил, что к тому времени, как воин, овладев сновидением и видением, разовьет дубля, он должен также преуспеть в стирании личной истории, самозначительности и распорядков.

Он сказал, что все техники, которым он обучал меня и которые я считал пустыми разговорами, были, в сущности, средством устранить непрактичность обладания дублем в обычном мире, делая меня самого и мир текучими, помещая меня самого и мир за границы предсказуемости.

– Текучий воин не может больше принимать мир в хронологическом порядке, – объяснил дон Хуан. – Для него мир и он сам не являются больше объектами. Он – светящееся существо в светящемся мире. Дубль – это простое дело для мага, который знает,

что он делает. Записывание – это простое дело для тебя, но ты все еще пугаешь Хенаро своим карандашом.

– Может ли сторонний наблюдатель, глядя на мага, видеть, что он находится в двух местах одновременно? – спросил я дона Хуана.

– Конечно. Это было бы единственным способом узнать истину.

– Но разве нельзя логически заключить, что маг тоже может заметить, что находится в двух местах?

– Ага! – воскликнул дон Хуан. – На этот раз ты прав. Маг, конечно, может заметить впоследствии, что он был в двух местах сразу. Но это только регистрация, и она никак не соотносится с тем фактом, что пока он действует, он этой двойственности не ощущает.

Мои мысли путались. Я чувствовал, что если перестану писать, то взорвусь.

– Подумай вот о чем, – продолжал он. – Мир не отдается нам прямо. Между нами и ним находится описание мира. Поэтому, правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наш опыт (переживание) мира всегда только воспоминание об опыте. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем.

Он покрутил рукой, как бы давая мне почувствовать, что он имеет в виду.

Но если весь наш опыт восприятия мира – воспоминание, тогда вполне естественно заключить, что маг может быть в двух местах сразу. Это происходит не с точки зрения его собственного восприятия, потому что для того, чтобы переживать опыт мира, как и любой другой человек, маг должен вспоминать только что совершенный поступок, только что пережитый опыт и события, свидетелем которых он был. В его осознании есть только одиночное воспоминание. Но сторонний наблюдатель, смотрящий на мага, может решить, что маг действует одновременно в двух различных эпизодах. Маг, однако, вспоминает два различных отдельных

мгновения, потому что клей описания времени больше не связывает его.

Когда дон Хуан закончил говорить, я был уверен, что у меня поднимается температура.

Дон Хенаро смотрел на меня любопытными глазами.

– Он прав, – сказал он. – Мы всегда на один прыжок позади.

Он стал двигать руками, как перед этим делал дон Хуан. Его тело начало дергаться, и он отпрыгнул назад сидя. Казалось, у него была икота, и она заставляла его тело отпрыгивать назад. Он начал двигаться назад, прыгая на зад, и доскакал так до конца веранды и обратно.

Вид дон Хенаро, прыгающего задом на ягодицах, вместо того чтобы быть забавным, привел меня в такой ужас, что дону Хуану пришлось несколько раз ударить меня костяшками пальцев по лбу.

– Я просто не могу ухватить всего этого, – сказал я.

– Я тоже не могу, – сказал дон Хуан и пожал плечами.

– И я тоже не могу, дорогой Карлитос, – сказал дон Хенаро.

Вся эта смесь из моей усталости, невероятного объема чувственных восприятий и того настроения легкости и юмора, которым была наполнена клоунада дон Хенаро, были слишком большой нагрузкой для моих нервов. Я никак не мог утихомирить возбуждение в мышцах живота.

Дон Хуан заставил меня покататься по земле до тех пор, пока я не восстановил свое спокойствие. Затем я опять сел, глядя на них.

– Дубль твердый? – спросил я дон Хуана после долгого молчания.

Они посмотрели на меня.

– Обладает ли дубль материальностью? – повторил я.

– Определенно, – сказал дон Хуан. – Плотность, материальность – это воспоминания. Поэтому, как и все, что мы ощущаем в мире, они являются только накапливаемыми нами воспоминаниями, воспоминаниями об описании. Ты помнишь о моей материальности точно так же, как и о коммуникации посредством слов. Поэтому ты разговаривал с койотом, и именно поэтому ты воспринимаешь меня сейчас как плотное тело.

Придвинувшись, он слегка толкнул меня плечом и предложил дотронуться до него. Я похлопал его по спине, а затем обнял. Я был близок к слезам.

Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне. Он был похож на маленького ребенка с блестящими озорными глазами. Надув губы, он долго смотрел на меня.

– А как же я? – спросил он, пряча улыбку. – Неужели ты не хочешь обнять меня?

Поднявшись, я протянул к нему руки, но мое тело, казалось, застыло на месте. Я был не в силах двинуться. Как я ни пытался дотянуться до него, ничего не получалось.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом, внимательно наблюдая за мной. Я чувствовал, как тело искривляется под неведомым давлением.

Дон Хенаро сел и притворился обиженным тем, что я его так и не обнял. Он скреб землю пятками и пинал ее ногами, а затем оба они покатались со смеху.

Мышцы моего живота дрожали, заставляя тело трястись. Дон Хуан заметил, что я двигаю головой так, как он учил меня, и что я могу успокоить себя, отражая лучи света роговыми оболочками глаз. Он выволок меня из-под крыши веранды на открытое место и повернул лицом на восток, к солнцу. Но к тому времени дрожь прекратилась. Я заметил, что сжимаю в руке свой блокнот, только когда дон Хенаро сказал, что я дрожал под тяжестью бумаги.

Я сказал дону Хуану, что тело заставляет меня уехать, и, не давая им времени на уговоры, помахал рукой дону Хенаро.

– До свидания, дон Хенаро, – крикнул я. – Я уезжаю. – Он помахал мне в ответ. Дон Хуан проводил меня к машине. – А у тебя тоже есть дубль, дон Хуан?

– Конечно! – воскликнул он.

И тут мне пришла в голову одна весьма пугающая мысль. Я хотел было отмахнуться от нее и побыстрее уехать, но что-то изнутри так и подмывало задать вопрос. За много лет нашего знакомства для меня стало привычным, что всякий раз, когда я хотел видеть дону Хуана, мне достаточно было приехать в Сонору или в Центральную Мексику, и он всегда был там, ожидая меня. До сих пор я не придавал этому особого значения, принимая как само собой разумеющееся.

– Скажи мне, дон Хуан, – спросил я полусуто, – ты сам-то настоящий, или ты – твой дубль?

Он наклонился ко мне, улыбаясь.

– Мой дубль, – прошептал он.

Я подскочил как ужаленный и помчался к своей машине.

– Я просто пошутил, – крикнул мне вдогонку дон Хуан громовым голосом. – Ты не имеешь права уезжать ты должен мне еще пять дней!

Смеясь, они вприпрыжку бежали за моей машиной, пока я выруливал.

– Карлитос, вызывай меня в любое время! – закричал дон Хенаро.

2. Сновидящий и сновидимый

Я подъехал к дому дон Хуана рано утром. По дороге я переночевал в мотеле с таким расчетом, чтобы приехать до полудня.

Дон Хуан был где-то за домом и вышел ко мне, когда я его окликнул. Он тепло приветствовал меня и передал мне впечатление того, что рад меня видеть. Затем он сделал замечание, которое должно было заставить меня почувствовать себя легко, но произвело противоположное действие.

– Я слышал шум мотора, – сказал он с улыбкой. – И поэтому спрятался за домом, чтобы ты, чего доброго, не испугался, увидев меня на пороге.

Отметив мой мрачный вид и подавленность, дон Хуан сказал, что я напоминаю ему Элихию, который достаточно угрюм, чтобы быть хорошим магом, но слишком угрюм, чтобы стать человеком знания. Он добавил, что единственный способ противостоять разрушительному воздействию мира магов – это смеяться над ним.

Он не ошибся в оценке моего настроения. Я действительно нервничал и был испуган. Мы отправились побродить по пустыне, и мне понадобился не один час, чтобы развеяться.

Эта простая прогулка с ним вернула мне душевное равновесие лучше любых разговоров.

Мы гуляли долго и вернулись лишь к вечеру. Я основательно проголодался. После еды мы устроились на веранде. Небо было ясным. Послеполуденный свет принес мне чувство удовлетворения, и мне хотелось поговорить.

– Вот уже несколько месяцев я чувствую себя не в своей тарелке, – сказал я. – В том, что вы говорили и делали в мой последний приезд, было что-то действительно ужасающее.

Дон Хуан ничего не сказал. Он встал и несколько раз прошелся по веранде.

– Мне нужно поговорить об этом, – сказал я. – Я стал одержим этим и не могу не думать об этом постоянно.

– Ты боишься? – спросил он.

Я не боялся. Скорее, я был ошеломлен, перегружен тем, что увидел и услышал. Бреши в моем разуме были такими гигантскими, что я должен был или чинить их, или вообще отбросить свой проклятый рассудок. Мои замечания рассмешили его.

– Не выбрасывай пока свой разум, – сказал он. – Еще не время. Хотя это когда-нибудь и произойдет, но я не думаю, что сейчас именно тот случай.

– Нужно ли мне самому пытаться найти объяснение случившемуся?

– Конечно, – сказал он. – Это твой долг – успокоить ум. Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головами о стены, а потому, что берут их. Воины прыгают через стены. Они не разрушают их.

– Как же мне перепрыгнуть через эту? – спросил я.

– Прежде всего, я думаю, смертельно неправильно для тебя относиться к чему-либо так серьезно, – сказал он, садясь рядом со мной. – Есть три рода плохих привычек, которыми мы пользуемся вновь и вновь, сталкиваясь с необычными жизненными ситуациями. Во-первых, мы можем не придавать значения тому, что происходит или произошло, и чувствовать себя при этом так, словно ничего не случилось. Это – путь фанатика. Второе – мы можем все принимать за чистую монету, как если бы мы знали, что происходит. Это – путь набожного человека. И третье – мы можем сделаться одержимыми событием, потому что не можем ни пренебречь им, ни искренне принять. Это путь дурака. Не твой ли? Есть четвертый, правильный – путь воина. Воин действует так, как если бы никогда ничего не случилось, потому что он ни во что не верит. И, однако же, он все

принимает за чистую монету. Он принимает, не принимая, и игнорирует, не игнорируя. Он никогда не чувствует себя знающим, и в то же время никогда не чувствует себя так, словно ничего не происходит. Он действует так, как будто он в полном контроле, даже если у него, может быть, сердце в пятки ушло. Если действуешь таким образом, то одержимость рассеивается.

Мы долгое время молчали. Слова дона Хуана были для меня подобны бальзаму.

– Могу ли я говорить о доне Хенаро и его дубле? – спросил я.

– Это зависит от того, что ты хочешь сказать о нем, – ответил он. – Ты собираешься индульгировать в своей одержимости?

– Я собираюсь индульгировать в объяснениях, – сказал я. – Я одержим этим потому, что не осмеливался приехать к тебе, а больше мне не с кем поговорить о своих затруднениях и сомнениях.

– Разве ты не говоришь со своими друзьями?

– Я-то говорю, но чем они могут мне помочь?

– Никогда не думал, что тебе нужна помощь. Ты должен культивировать чувство, что воин ни в чем не нуждается. Помощь в чем? У тебя есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является твоя жизнь. Я пытался научить тебя тому, что реальным опытом является быть человеком, и что все, что имеет значение – это быть живым. Жизнь – это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно без малейшей самонадеянности сказать, что опыт всех опытов – это быть воином.

Он выжидающе посмотрел на меня, но я медлил, тщательно подбирая слова.

– Если воин нуждается в утешении, – продолжал дон Хуан, – он просто выбирает любого человека и рассказывает ему о каждой детали своей обеспокоенности. В конечном счете, воин не ищет ни понимания, ни помощи. Говоря, он просто освобождается от своего же собственного давления. Но это при условии, что у воина есть склонность к разговору. Если у него нет такой склонности, то он не говорит ни с кем. Но ты живешь не совсем как воин, во всяком случае, пока что. И ловушки, которые ты встречаешь на своем пути, должны быть действительно монументальными. Я тебе сочувствую.

Казалось, он говорил серьезно. Судя по выражению участия в его глазах, это был он сам, а не его дубль. Он встал, погладил меня по голове и прошелся взад-вперед по веранде, поглядывая на чапараль вокруг дома. Его движения встревожили меня.

Чтобы расслабиться, я заговорил о своей дилемме. Я чувствовал, что мне уже абсолютно поздно притворяться невинным наблюдателем. Под его руководством я научился достигать удивительных состояний, таких как «остановка внутреннего диалога» и контролирование своих снов. Это были такие вещи, которые нельзя было подстроить или сбросить со счетов. Я следовал его советам, хотя и не всегда буквально, и частично преуспел в разрушении повседневных распорядков, принятии ответственности за свои поступки, стирании личной истории. И наконец я пришел к тому, что еще несколько лет назад приводило меня в ужас. Отныне я мог оставаться в одиночестве без нарушения физического или эмоционального комфорта. Пожалуй, это было моим самым впечатляющим достижением. С точки зрения моего прежнего «я», долго находиться в одиночестве и «не сойти с ума» было немыслимым. Я остро чувствовал изменения, которые происходили в моей жизни и в моем взгляде² на мир. И так же я сознавал, что моя реакция на откровения дона Хуана и дона Хенаро о дубле была несколько преувеличенной и неадекватной.

– Что со мной не так, дон Хуан? – спросил я.

– Ты индугируешь, – бросил он. – Ты чувствуешь, что индугировать в сомнениях и размышлениях – это признак

² View of the world. View – вид, пейзаж, картина, точка зрения, мнение.

чувствительного человека. Но суть тут в том, что ты очень далек от того, чтобы быть чувствительным. Поэтому, зачем же притворяться? Однажды я говорил тебе, что воин в смирении принимает себя таким, каков он есть.

– Ты так говоришь, словно я намеренно обманываю самого себя, – сказал я.

– Мы обманываем самих себя намеренно, – сказал он. – Все мы осознаем свои действия, но наш маленький ум превращает себя в монстра, каковым он себя воображает. Однако, он слишком мал для такой большой формы.

Я объяснил ему, что моя дилемма, пожалуй, еще более сложна, чем ему кажется. Я сказал, что до тех пор, пока он и дон Хенаро были для меня людьми, подобными мне, их высший контроль делал их образцом для моего собственного поведения. Но если они являются людьми, совершенно отличными от меня по своей сути, то я не могу больше воспринимать их как пример, а только как нечто чуждое и странное, стремиться к чему невозможно при всем желании.

– Хенаро – человек, – сказал дон Хуан ободряющим тоном. – Правда, он уже больше не такой человек, как ты, но это его достижение, и это не должно возбуждать в тебе страх. Если он другой, то тем больше причин восхищаться им.

– Но его отличие – это не человеческое отличие, – сказал я.

– А что же это, по твоему, такое? Разница между человеком и лошадью?

– Не знаю, но он не такой, как я.

– Однако когда-то он был таким.

– Но могу ли я понять его изменения?

– Конечно, ты и сам меняешься.

– Ты хочешь сказать, что я разовью дубля?

– Никто не развивает дубля. Это просто способ говорить об этом. Из-за своей любви к разговорам ты являешься мешком слов. Ты – в сетях их значений. Сейчас ты думаешь, что дубля развивают какими-нибудь злыми чарами. Но все мы, светящиеся существа, имеем дубля. Все мы! Воин учится осознавать это, только и всего. Есть, видимо, почти непроходимые барьеры, охраняющие это осознание, но этого можно было ожидать. Эти барьеры и есть то, что превращает прибытие к этому осознанию исключительным вызовом.

– Почему я так боюсь этого, дон Хуан?

– Потому что ты думаешь, что дубль – это то, что означают слова. Двойник, или другой ты. Я выбрал это слово только для описания. Дубль – это ты сам. И к нему нельзя подходить никаким другим образом.

– Что если я не хочу его иметь?

– Дубль – это не дело личного выбора. И точно так же не нам решать, кто будет учиться знанию магов, которое ведет к такому осознанию. Ты никогда не задавал себе вопрос, почему именно ты?

– Все время. Я сотни раз задавал этот вопрос и себе, и тебе тоже, но ты так и не ответил.

– Я имею в виду, что ты должен задавать себе этот вопрос не как требующий ответа, а в смысле размышления воина над его огромной удачей. Удачей оттого, что он нашел вызов.

Превратить его в обыкновенный вопрос – затея обычного самодовольного человека, который хочет этим восхищаться и или об этом жалеть. Меня не интересует такого рода вопрос, потому что нет способа ответить на него. Избрать тебя было замыслом силы. Никто не может распознать планов силы. Теперь, когда ты выбран, ты уже ничего не сможешь сделать для того, чтобы остановить выполнение этого плана.

– Но ты сам говорил мне, дон Хуан, что всегда можно потерпеть неудачу.

– Это верно. Всегда можно потерпеть неудачу. Но я думаю, ты имеешь в виду что-то другое. Ты хочешь найти выход из положения; ты хочешь иметь свободу потерпеть неудачу и бросить все на своих собственных условиях. Слишком поздно. Воин находится в руках силы, и его единственная свобода заключается в том, чтобы выбрать безупречную жизнь. Нет никакого способа разыграть победу или поражение. Твой рассудок, для того, чтобы отказаться от целостности самого себя, может захотеть, чтобы ты потерпел неудачу. Но есть контрмера, которая не позволит тебе провозгласить ложную победу или ложное поражение. Если ты думаешь, что можешь отступить в гавань поражения, то ты не в своем уме. Твое тело будет стоять на страже и не позволит тебе пойти этим путем.

Он тихонько засмеялся.

– Почему ты смеешься? – спросил я.

– Ты в ужасном положении, – сказал он. – Тебе слишком поздно возвращаться, но слишком рано действовать. Все, что ты можешь – это только наблюдать. Ты похож на младенца, который уже не может вернуться в материнское лоно, но еще не может ни резвиться, ни тем более действовать самостоятельно. Все, что может ребенок – это наблюдать и слушать потрясающие рассказы о действиях. Ты сейчас как раз в таком положении. Ты не можешь вернуться в лоно своего прежнего мира, но в то же время не можешь действовать с силой. Ты можешь лишь наблюдать за поступками силы и слушать рассказы – рассказы о силе.

Дубль – один из таких рассказов. Ты это знаешь, и именно потому твой разум настолько этим захвачен. Притворяясь понимающим, ты лишь бьешься головой о стену. В качестве объяснения, могу сказать тебе только то, что дубль, хоть к нему и приходят через сновидение, реален настолько, насколько это возможно.

– Согласно тому, что ты мне рассказал, дон Хуан, дубль может совершать поступки. Может ли в таком случае дубль...

Он прервал меня, напомнив, что неуместно ссылаться на его рассказы, так как я видел дубля собственными глазами.

– Конечно, дубль может совершать поступки, – сказал я.

– Конечно! – ответил он.

– Но может ли дубль действовать от самого себя?

– Это он сам, черт возьми!

Мне было трудно пояснить свою мысль. Я хотел сказать, что если маг может совершать два поступка одновременно, то его способность к утилитарным действиям удваивается. Он может работать на двух работах, бывать в двух местах, видеть двух людей и так далее, одновременно. Дон Хуан терпеливо слушал.

– Позволь мне выразиться так, – продолжал я. – Гипотетически, может ли дон Хенаро убить кого-нибудь за сотни километров от себя, поручив сделать это своему дублю?

Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и отвел глаза в сторону.

– Ты переполнен рассказами о насилии, – сказал он. Хенаро никого не может убить просто потому, что у него больше не осталось заинтересованности в других людях. К тому времени, когда воин способен превозмочь видение и сновидение и осознает свое свечение, в нем не остается подобных интересов.

Я указал на то, что в самом начале моего ученичества он заявил, что маг, с помощью своего союзника, может быть перенесен за сотни километров для того, чтобы нанести удар своему врагу.

– В этот раз я ответственен за твое замешательство, – сказал он, – но ты должен помнить, что в другой раз я говорил тебе, что с тобой я следую тем шагам, которые предписал мне мой собственный учитель. Он был магом. Мне следовало и тебя погрузить в тот мир. Я этого не сделал, потому что меня больше не заботят подъемы и падения окружающих меня людей. Однако слова моего учителя

приклеились ко мне. И я неоднократно разговаривал с тобой так, как он сам говорил со мной. Видишь ли, Хенаро – человек знания. Самый чистый из всех. Его поступки безупречны. Он вне обычных людей и магов. Его дубль – это выражение его радости и юмора. Так что он, пожалуй, не сможет использовать его для создания или разрешения ординарных ситуаций. Насколько я знаю, дубль – это осознание нашего состояния как светящихся существ. Хенаро как дубль может делать все что угодно, и, тем не менее, он предпочитает быть ненавязчивым и мягким.

Моей ошибкой было ввести тебя в заблуждение заимствованными словами. Мой учитель был неспособен производить те эффекты, которые создает Хенаро. Для моего учителя, к несчастью, очень многие вещи остались, как для тебя, только рассказами о силе.

Я почувствовал себя обязанным отстаивать свою точку зрения. Я сказал, что говорил в гипотетическом смысле.

– Не существует гипотетического смысла, когда ты говоришь о мире людей знания. Человек знания не может причинять вред окружающим людям. Ни гипотетически, ни как угодно еще.

– Но что, если окружающие люди замышляют что-то против его благополучия и безопасности? Может ли он тогда использовать свой дубль для защиты?

Он неодобрительно прищелкнул языком.

– Что за невероятное насилие в твоих мыслях? – сказал он. – Никто ничего не может замышлять против безопасности и благополучия человека знания. Он видит, и поэтому всегда сумеет избежать подобных вещей.

Хенаро, например, намеренно пошел на риск, встречаясь, с тобой. Однако ты не можешь сделать ничего, что угрожало бы его здоровью или безопасности. В противном случае его видение дало бы ему об этом знать. Наконец, если в тебе есть что-либо врожденно-вредное для него, и его видение не сможет до этого добраться, тогда это – его судьба, и ни Хенаро, ни кто бы то ни было другой не смогут

избежать этого. Так что, как видишь, человек знания все контролирует, не контролируя ничего.

Мы помолчали. Солнце почти коснулось верхушек густых высоких кустов с западной стороны дома. До захода солнца еще оставалось около двух часов.

– Почему бы тебе не позвать Хенаро? – спросил он Хуан как бы невзначай.

Мое тело подпрыгнуло. Первым моим побуждением было бросить все и бежать к машине. Дон Хуан расхохотался. Я сказал ему, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать что-либо самому себе, и что я вполне удовлетворен тем, что разговариваю с ним. Дон Хуан никак не мог перестать смеяться. Наконец, он сказал, что это позор, что дон Хенаро не сможет насладиться такой великолепной сценой.

– Видишь ли, если тебе неинтересно позвать Хенаро, то мне интересно, – сказал он решительным тоном. – Мне нравится его компания.

У меня появился ужасно кислый привкус во рту. Лицо покрылось испариной. Капли пота катились с бровей и верхней губы. Я хотел что-нибудь сказать, но сказать мне было, в сущности, нечего. Дон Хуан бросил на меня долгий изучающий взгляд.

– Давай, – сказал он. – Воин всегда готов. Быть воином – это не значит просто желать им быть. Это, скорее, бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента. Никто не рождается воином. Точно так же никто не рождается разумным существом. Мы сами себя делаем тем и другим. Соберись, я не хочу, чтобы Хенаро видел тебя таким дрожащим.

Он поднялся и прошелся взад и вперед по чистому полу веранды. Я не мог оставаться спокойным. Моя нервозность была настолько интенсивной, что я не мог больше писать и вскочил на ноги.

Дон Хуан заставил меня бежать на месте, обратясь лицом к западу. Он уже заставлял меня проделывать это ранее в различных

обстоятельствах. Сутью этого бега было извлечь силу из надвигающихся сумерек, поднимая руки кверху с расставленными веером пальцами надо было с силой сжать их, когда руки находились в средней точке между горизонтом и зенитом.

Упражнение подействовало, я почти сразу же успокоился и собрался. Я не мог не удивляться тому, что случилось со старым «мной», который никогда раньше не мог расслабиться, выполняя эти движения, казавшиеся такими простыми и идиотскими.

Я хотел сконцентрировать внимание на той процедуре, которой дон Хуан, без сомнения, воспользуется для вызова дона Хенаро. Я предвидел какие-то невероятные действия. Но дон Хуан встал на краю веранды, приложил руки ко рту и закричал: «Хенаро! Иди сюда!»

Через секунду дон Хенаро вышел из чапаралья. Оба они сияли. Они практически танцевали передо мной. Дон Хенаро очень приветливо поздоровался со мной, а затем уселся на молочный ящик.

Со мной было что-то ужасно не так. Я был спокоен и не волновался. Какое-то невероятное состояние безразличия и отчужденности охватило меня. Казалось, я наблюдал за собой со стороны. Совершенно бесстрастно я стал рассказывать дону Хенаро, что за время своего последнего визита он напугал меня чуть ли не до смерти, и что даже во время моих опытов с психотропными растениями я не бывал в состояниях такого полного хаоса. Оба они приветствовали мои заявления, как будто я делал их специально для того, чтобы их рассмешить. Я засмеялся вместе с ними.

Они явно осознавали мое состояние эмоционального оцепенения; наблюдали за мной и потакали мне так, как если бы я был пьян.

Что-то во мне отчаянно боролось, пытаюсь превратить все это в знакомую ситуацию. Мне хотелось быть озабоченным и испуганным.

В конце концов, плеснув мне в лицо водой, дон Хуан велел сесть и записывать. Он в очередной раз повторил, что если я не буду

писать, то умру. Действительно, стоило мне записать первых несколько слов, как я начал приходить в себя. Казалось, что-то вновь становилось кристально ясным. Что-то, мгновение назад бывшее мутным и оцепенелым.

Я пришел в себя, и ко мне вернулись все мои обычные страхи. Как ни странно, меня это устраивало больше, чем не быть испуганным. Узнаваемость моих прежних реакций, даже не слишком приятных, была восхитительной передышкой.

Наконец я понял, что дон Хенаро просто вышел из чапаралья. Мои обычные процессы начали функционировать. Я начал с отказа думать или размышлять об этом событии и принял решение не о чем его не спрашивать и быть, на этот раз молчаливым свидетелем.

– Хенаро прибыл вновь только ради тебя, – сказал дон Хуан.

Дон Хенаро сидел на наклоненном молочном ящике, прислонившись спиной к стене. Он изображал всадника, покачиваясь и держа перед собой воображаемую уздечку.

– Это правда, Карлитос, – сказал он, и вернул ящик в нормальное положение.

Он «спешился», перекинув ногу через воображаемую шею лошади. Его движения были столь совершенны, что на секунду у меня возникла полная иллюзия, что он прибыл верхом. Он подошел ко мне и сел слева.

– Хенаро пришел, потому что он хочет рассказать тебе о другом, – сказал дон Хуан, делая вид, что уступает дону Хенаро трибуну. Дон Хенаро поклонился, повернувшись лицом ко мне.

– Что ты хочешь знать, Карлитос? – спросил он неестественно высоким голосом.

– Ладно, раз уж ты хочешь рассказать мне о дубле, то рассказывай все, – сказал я с наигранной небрежностью.

Оба они покачали головой и посмотрели друг на друга.

– Хенаро хочет рассказать тебе о сновидящем и сновидимом, – сказал дон Хуан.

– Как ты знаешь, Карлитос, – сказал дон Хенаро тоном оратора, начинающего речь, – дубль начинается в сновидении.

Он пристально посмотрел на меня, улыбнулся и перевел взгляд на мою записную книжку и карандаш.

– Дубль – это сон, – сказал он, потянувшись.

Дон Хенаро встал, прошел к краю веранды и вошел в чапараль. Он стоял у куста, повернувшись к нам в профиль. Казалось, он мочился. Через секунду я заметил, что с ним что-то неладно. Было похоже, что он изо всех сил пытается помочиться, но не может. По смеху дон Хуана я понял, что это очередная шутка. Дон Хенаро изгибался так комично, что вызвал у нас настоящую истерику.

Дон Хенаро вернулся на веранду и сел. Его улыбка излучала редкую теплоту.

– Когда не можешь, то уж не можешь, – сказал он и пожал плечами. Затем, после секундной паузы он добавил, вздохнув: – Да, Карлитос, дубль – это сон.

– Ты хочешь сказать, что он нереален? – спросил я.

– Нет, я хочу сказать, что он – сон, – ответил он.

Тут вмешался дон Хуан и сказал, что дон Хенаро говорит о первом проявлении осознания того, что мы – светящееся существа.

– Все мы различны, и потому различны детали нашей борьбы, – сказал дон Хуан. – Однако шаги, которым мы следуем, чтобы прибыть к дублю, одинаковы для всех. Особенно первые шаги, которые так спутаны и сомнительны.

Дон Хенаро согласно кивнул и сделал замечание о неопределенности, существующей у мага на этой стадии.

– Когда это случилось со мной впервые, я не знал, что происходит. Однажды, собирая растения в горах, я добрался до места, на котором явно уже побывали другие травники. У меня уже было два огромных мешка лекарственных трав, и я собрался возвращаться домой. Решив отдохнуть перед обратной дорогой, я прилег у тропы в тени дерева и заснул. Вдруг я проснулся от какого-то шума и увидел, что с холма спускаются люди. Я быстро отбежал на несколько шагов и спрятался в кустах. Вдруг у меня возникло чувство, что я что-то забыл. Я взглянул со мной ли два мои мешка с растениями. Их не было. Я посмотрел на то место, где я спал и от испуга чуть не потерял штаны. Я все еще спал там! Это был я! Я потрогал свое тело. Это был я сам! Люди уже подходили к тому мне, который спал; в то время как я, который не спал, беспомощно выглядывал из укрытия. «Черт возьми! – подумал я. – Сейчас они увидят меня и заберут мешки». Но они прошли мимо, словно меня там и не было.

Мое видение было настолько живым, что я совсем взбесился. Я закричал и тогда проснулся вновь. Черт побери! Это был сон!

Дон Хенаро замолчал и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса или замечания.

– Скажи ему, где ты проснулся во второй раз, – сказал дон Хуан.

– Я проснулся у дороги, где и заснул. Но на какой-то момент я не до конца понимал, где я действительно находился. Я вроде бы смотрел на себя просыпающегося, а затем что-то потянуло меня к краю дороги, и я очнулся, протирая глаза.

Последовала длинная пауза. Я не знал, что сказать.

– Что ты сделал потом? – спросил дон Хуан.

Они засмеялись, и я понял, что дон Хуан поддразнивает меня. Это была пародия на мою манеру задавать вопросы.

Дон Хенаро продолжил. Он сказал, что на секунду застыл, а затем пошел все проверить.

– Место, где я прятался, было в точности таким, каким я его видел, – сказал он. – И люди, которые прошли мимо меня, удалялись по дороге. Я сбежал с холма и убедился, что это были те самые люди, которых я видел. Я шел с ними до самого города. Должно быть, они посчитали меня ненормальным. Я расспрашивал их, не видели ли они моего друга, спящего у дороги. Все они сказали, что не видели.

– Как видишь, – сказал дон Хуан, – все мы проходим через одни и те же сомнения. Мы боимся сойти с ума. Но, к несчастью для нас, мы все уже и так сумасшедшие.

– Однако ты чуть больше сумасшедший, чем все мы, – сказал мне дон Хенаро и подмигнул. – И более подозрительный.

Они посмеялись над моей подозрительностью, и дон Хенаро стал рассказывать дальше.

– Все мы изрядные тупицы, – сказал он. – Так что не ты один такой, Карлитос. Пару дней я был выбит из колеи этим сном, но затем мне пришлось зарабатывать себе на жизнь и заботиться о множестве других вещей. И у меня действительно не было времени раздумывать над загадкой своих снов. Так что скоро я вообще забыл об этом. Я был очень похож на тебя.

Но однажды, несколько месяцев спустя, после ужасно утомительного дня, я заснул после обеда, как бревно. Как раз пошел дождь, и течь в крыше разбудила меня. Я вскочил с постели и забрался на крышу дома, чтобы починить ее прежде, чем натечет много воды. Я чувствовал себя таким бодрым и сильным, что закончил работу в одну минуту, даже не вымокнув. Я подумал, что мой короткий сон подействовал на меня очень хорошо. Когда я все закончил, я вернулся в дом, чтобы поесть что-нибудь, но обнаружил, что не могу глотать. Я подумал, что заболел и, размяв кое-каких корней и листьев, привязал их к шее, а затем отправился в постель. И, когда я подошел к своей постели, я опять чуть не уронил штаны. Я был там, в постели, и спал! Я хотел было потрясти самого себя и разбудить, но чувствовал, что это сильно не та вещь, которую я должен сделать. Поэтому я выбежал из дому Охваченный паникой,

я бесцельно бродил среди холмов. У меня не было ни малейшего представления, куда я иду, и, хотя я жил там всю жизнь, я заблудился. Я шел под дождем и даже не замечал его. Похоже было на то, что я не мог думать. А затем молния и гром стали настолько интенсивными, что я проснулся опять.

На секунду он сделал паузу.

– Ты хочешь узнать, где я проснулся?

– Конечно, хочет, – ответил дон Хуан.

– Я проснулся в холмах под дождем.

– Но как ты узнал, что ты проснулся? – спросил я.

– Мое тело знало это, – ответил он.

– Это был глупый вопрос, – вставил дон Хуан. – Ты ведь и сам знаешь, что что-то в войне всегда осознает каждое изменение. И целью пути воина как раз является усиление и поддержание этого осознания. Воин заботится о нем, очищает и полирует до блеска.

Он был прав. Я вынужден был признать, что какая-то часть меня действительно всегда осознает и регистрирует все, что бы я ни делал.

Однако же это не имело ничего общего с моим обыденным осознанием самого себя. Это было что-то другое, чего я не мог обозначить. Я сказал им, что, возможно, дон Хенаро сможет описать это лучше меня.

– Ты отлично все делаешь и сам, – сказал дон Хенаро. – Это внутренний голос, который говорит тебе, что есть что. И в тот раз он сказал мне, что я проснулся вторично. Проснувшись, я вначале решил, что нахожусь в сновидении. Затем я понял, что это не было настоящим сновидением, хотя и не было обычным сном. Поэтому я остановился на другой версии: что я ходил во сне полупроснувшись. Я не мог тогда понять этого иначе.

Дон Хенаро сказал, что его бенефактор объяснил ему, что испытанное им совсем не было сном, и он не должен настаивать на том, чтобы рассматривать это как хождение во сне.

– Он сказал тебе, что это было? – спросил я.

– Он сказал, что это была бука, – ответил Хенаро голосом маленького ребенка.

Я объяснил, что хочу знать, объяснял ли бенефактор дона Хенаро эти вещи так же, как они объясняют их мне.

– Конечно, объяснял, – сказал дон Хуан.

– Мой бенефактор сказал, что тот сон, в котором человек смотрит на себя спящего, – продолжал дон Хенаро, – является временем дубля. Он рекомендовал мне не растрачивать свою силу на удивление или на вопросы самому себе, а использовать возможность действовать и быть готовым к следующему шансу.

Следующий шанс представился, когда я был в доме моего бенефактора. Дом моего бенефактора был большим. Он был богатым человеком, на него работало много людей.

В тот день я помогал ему в работе по дому. Затем я лег отдохнуть и, по обыкновению, крепко заснул. Его дом определенно был местом силы и помог мне. Внезапно я проснулся от громкого шума. Звук походил на шум от лопаты, которой копают гравий. Я сел, прислушиваясь, а затем поднялся. Звук был очень беспокоящим, и я не мог понять почему. Я подумал, не пойти ли мне посмотреть, что там такое, и вдруг увидел самого себя спящим на полу. На этот раз, однако, я знал, чего мне ожидать и что делать, и последовал за звуком. Я прошел вглубь дома. Там никого не было. Звук, казалось, доносился извне. Я продолжал следовать за ним. Чем дальше я шел, тем быстрее мог двигаться. В конце концов, я оказался в отдаленном месте, где стал свидетелем невероятных вещей.

Он объяснил, что хотя в то время он был начинающим и в области сновидения сделал еще очень мало, но при этом обладал

сверхъестественной легкостью сновидеть, что он смотрит на себя самого.

– И куда же ты пришел, дон Хенаро? – спросил я.

– Тогда я в первый раз действительно двигался в сновидении, – сказал он. – Однако я уже знал о нем достаточно, чтобы вести себя правильно. Я ни на что не смотрел прямо, и в конце концов оказался в глубоком овраге, где у моего бенефактора росли некоторые из его растений силы.

– Так ты думаешь, что в этом случае лучше знать о сновидении не слишком много? – спросил я.

– Нет, – вставил дон Хуан. – У каждого из нас есть способность что-нибудь делать с особой легкостью. У Хенаро – талант к сновидению.

– Что ты увидел в овраге, дон Хенаро? – спросил я.

– Я увидел, как мой бенефактор выполняет некоторые опасные маневры с людьми. Я думал, что нахожусь здесь, чтобы помочь ему, и спрятался за деревьями. Однако я не знал, чем помочь. Но вскоре догадался, что эта сцена для того, чтобы я наблюдал за ней, а не участвовал.

– Где, как и когда ты проснулся?

– Я не знаю, когда я проснулся. Должно быть, прошло несколько часов. Я знаю только, что последовал за моим бенефактором и другими людьми. По пути они громко спорили, и когда вошли в дом, шум их голосов разбудил меня. Я был на том же месте, где видел себя спящим.

Проснувшись, я понял, что все, что я видел или делал, не было сном. Я действительно уходил на какое-то расстояние, ведомый звуком.

– Знал ли твой бенефактор, что ты делаешь?

– Конечно. Он специально производил этот звук лопатой, чтобы помочь мне выполнить свою задачу. Войдя в дом, он сделал вид, что недоволен тем, что я заснул. Я знал, что он видел меня. Позднее, когда его друзья ушли, он рассказал мне, что заметил мое свечение, скрывающееся за деревьями.

Дон Хенаро считал, что эти три случая поставили его на тропу сновидения, и добавил, что у него ушло пятнадцать лет на то, чтобы дождаться следующего раза.

– Четвертое видение было еще более странным и сложным, – сказал он. – Я оказался посреди возделанного поля, обнаружив себя спящим на боку. Я знал, что нахожусь в сновидении, потому что каждую ночь настраивался на сновидение. Обычно каждый раз, когда я видел себя спящим, я был на том месте, где заснул. На этот раз я не был у себя в постели, хотя и знал, что вечером уснул там. В этом сновидении был день. Итак, я начал исследовать. Я отошел от того места, где лежал, и сориентировался. На самом деле я находился не так уж далеко от дома – милях в двух, не больше. Я прошелся вокруг, обращая внимание на каждую деталь, встал в тени большого дерева, росшего поблизости, и посмотрел через небольшую равнину на кукурузные поля, расположенные по склону холма. И тут меня поразило нечто совершенно необычное: детали окружающего не менялись и не исчезали, как бы долго я на них не смотрел. Испугавшись, я побежал обратно к тому месту, где спал. Я был еще там, как и прежде. Я стал рассматривать себя. У меня было жуткое ощущение безразличия по отношению к телу, на которое я смотрел.

Затем я услышал, что приближаются люди. Люди, казалось, всегда крутились вокруг меня. Я взбежал на небольшой холм и осторожно посмотрел оттуда. Десять человек приближались к тому полю, где я находился. Все они были молодыми людьми. Я бегом вернулся к борозде, и пережил ужаснейшие моменты в своей жизни, пока смотрел на самого себя, лежащего и храпящего, как свинья. Я знал, что должен разбудить себя, но не имел представления, как это сделать. Я знал также, что смерти подобно для меня разбудить себя самого. Но если бы эти молодые люди обнаружили бы меня там, они бы очень сильно вышли из себя. Все эти соображения, пронесшиеся

у меня в голове, на самом деле не были мыслями. Они, скорее, были сценами у меня перед глазами. Моя обеспокоенность была, например, сценой, в которой я смотрел на самого себя, ощущая при этом, как меня лупят кулаками. Я называю это обеспокоенностью. После того первого раза такое бывало со мной неоднократно.

Итак, поскольку я не знал, что предпринять, то стоял, глядя на самого себя в ожидании самого худшего. Группа быстротечных образов пронеслась у меня перед глазами. В особенности я уцепился за вид моего дома и моей постели. Картина была очень ясной. О, как я хотел оказаться опять в своей постели! Затем что-то встряхнуло меня, как будто кто-то меня ударил, и я проснулся. Я был у себя в постели! Очевидно, я сновидел.

Я выскочил из постели и побежал к месту моего сновидения. Все было в точности таким, как я видел. Молодые люди работали там. Я долгое время наблюдал за ними. Это были те же самые молодые люди.

Я вернулся туда к вечеру, когда все ушли, и остановился на том месте, где видел себя спящим. Да, кто-то лежал здесь. Трава была примята!

Дон Хуан и дон Хенаро наблюдали за мной. Они были похожи на двух странных животных. По спине у меня пробежал озноб. Я был на грани индугирования в очень рациональном страхе, что они не были в действительности людьми, подобными мне, но тут дон Хенаро рассмеялся.

— В те дни, — сказал он, — я был совершенно таким же, как ты, Карлитос. Я хотел все проверить. Я был таким же подозрительным, как и ты.

Он остановился, поднял палец и погрозил мне, а затем повернулся к дону Хуану.

— Ты не был таким подозрительным, как этот парень? — спросил он.

— Нисколько, — сказал дон Хуан. Он — чемпион.

Дон Хенаро повернулся ко мне и изобразил жест извинения. – Кажется, я ошибся, – сказал он. – Я не был таким подозрительным, как ты.

Они тихо засмеялись, как бы не желая шуметь. Тело дона Хуана сотрясилось от приглушенного смеха.

– Это твое место силы, – сказал дон Хенаро шепотом. – Ты уже списал до костей все пальцы на том месте, где сидишь. Ты когда-нибудь делал здесь какое-нибудь могучее сновидение?

– Нет, он не делал, – сказал дон Хуан тихим голосом. – Но зато он делал могучее писание.

Казалось, они не хотели громко смеяться. Их тела сотрясались. Тихий смех был похож на ритмическое покашливание.

Дон Хенаро выпрямился и подсел ко мне поближе. Он несколько раз похлопал меня по плечу, говоря, что я негодай, а затем с огромной силой рванул меня за левую руку к себе. Потеряв равновесие, я упал вперед, едва не ударившись лицом о твердый грунт. Я успел лишь выбросить перед собой правую руку и смягчить падение. Кто-то из них схватил меня за шею и прижал к земле. Я не был уверен, кто именно. Державшая меня рука была похожа на руку дона Хенаро, и я испытал момент опустошительной паники. Я чувствовал, что теряю сознание. Возможно, это и произошло. Давление в животе было настолько интенсивным, что меня вырвало. Следующим ясным восприятием было, что кто-то помогает мне сесть.

Я повернулся в поисках дона Хуана, но его нигде не было видно. Передо мной на корточках с сияющей улыбкой сидел дон Хенаро. Его глаза блестели. Он пристально смотрел на меня. Я спросил его, что он со мной сделал, и он сказал, что я разбит на части. Судя по его тону, он был то ли недоволен, то ли раздражен мной. Дон Хенаро несколько раз повторил, что я разбит на части и что я должен собраться вновь. Он попытался разыграть суровый тон, но засмеялся на середине фразы. Он сказал, что это совершенно ужасно – я рассыпан по всему этому месту, и ему, пожалуй, понадобится метла, чтобы смести все части в одну кучу. Потом он добавил, что какие-нибудь части могут оказаться у меня не на тех

местах, и все кончится тем, что мой пенис окажется на месте большого пальца. Здесь он снова засмеялся. Я тоже хотел было засмеяться, но вдруг испытал совершенно необычайное ощущение. Мое тело развалилось! Казалось, я был заводной механической игрушкой, которая попросту рассыпалась на части. У меня не было никаких физических ощущений, и точно так же я не чувствовал ни страха, ни озабоченности. Распад на части был сценой, которую я наблюдал с точки зрения воспринимающего, но при этом ничего не чувствовал.

Дальше я осознал, что дон Хенаро манипулирует моим телом. Тут у меня уже были физические ощущения – вибрация настолько интенсивная, что заставила меня потерять из виду все окружающее.

Я снова почувствовал, что кто-то помогает мне сесть, и снова увидел, сидящего передо мной на корточках, дона Хенаро. Он поднял меня и помог мне идти. Я не мог понять, где нахожусь. Мне казалось, что все происходит во сне, но при этом было полное ощущение непрерывности времени. Я остро осознавал, что только что находился вместе с доном Хенаро на веранде дома дона Хуана. Дон Хенаро шел рядом, поддерживая меня под левую руку. Видимый мной пейзаж непрерывно изменялся, однако я не мог определить природу того, что я наблюдал. То, что находилось перед моими глазами, более походило на чувство или настроение, а центр, откуда исходили все эти изменения, находился в моем животе. Я определил эту связь не как мысль или соображение, но как телесное ощущение, которое внезапно стало фиксированным и доминирующим. Изменения вокруг меня исходили из моего живота. Я создавал мир, бесконечный поток чувств и образов. Тут было все, что я знал. Это само по себе было чувством, а не мыслью или сознательной оценкой.

Какое-то время из-за своей почти неискоренимой привычки все отмечать я пытался продолжать регистрировать, но в определенный момент процесс регистрирования исчез, и что-то безымянное обволокло меня со всеми моими чувствами и образами.

Когда в какой-то момент что-то внутри меня опять принялось за регистрацию, я заметил, что один образ все время повторяется:

дон Хуан и дон Хенаро, которые пытаются пробраться ко мне. Образ был мимолетным. Он быстро проходил мимо меня. Это было что-то сравнимое с видением из окна движущегося автомобиля. Казалось, они пытались поймать меня, когда я проходил мимо.

По мере того, как эта картина возвращалась, она становилось все более ясной и длительной. В какой-то момент я понял, что намеренно выделяю ее из бесчисленного множества других картин. Я словно проносился через все остальное именно к этой картине. Наконец, я смог удерживать ее, думая о ней. Как только я начал думать, мои обычные процессы взяли верх. Они не были настолько четкими как обычно, но достаточно ясными, чтобы знать, что выделяемая мною сцена или чувство – это дон Хуан и дон Хенаро, поддерживающие меня подмышками на веранде дома дона Хуана. Я хотел сохранить это чувство среди других, но другие образы мешали мне сделать это. Секунду я боролся, чувствуя себя легким и счастливым. Оба они мне очень нравились. Я не боялся и даже хотел пошутить с ними, но не знал как, и продолжал смеяться, похлопывая их по плечам. У меня было и другое любопытное осознание. Я был уверен, что я в сновидении, потому что все, на чем я фокусировал взгляд, немедленно начинало расплываться.

Дон Хуан и дон Хенаро обращались ко мне, но я не мог удержать смысл их слов и не различал, кто именно из них говорит. Дон Хуан развернул меня и указал на какую-то фигуру, лежащую на земле. Дон Хенаро подтащил меня к ней поближе и заставил обойти вокруг. Это был человек, который лежал на животе, повернув голову вправо. Снова и снова они показывали мне на него и что-то говорили. Они перемещали меня и поворачивали так, чтобы я мог рассмотреть человека с разных сторон. Я никак не мог сфокусировать на нем глаза, но в конце концов обрел чувство спокойствия и уравновешенности и посмотрел на него. Медленно пришло осознание, что человек, лежавший на земле, – это я сам. Осознание этого не вызвало ужаса или дискомфорта. Я просто понял это без всяких эмоций. В тот момент я не совсем спал, но и не был в своем трезвом сознании. Я стал лучше понимать дон Хуана и дон Хенаро и смог разобрать их слова. Дон Хуан сказал, что мы пойдем к месту силы – круглой площадке в чапарале. Как только он это произнес, в моем уме тут же возник образ этого места. Я увидел

темную массу кустов вокруг него. Я повернулся вправо. Дон Хуан и дон Хенаро тоже были тут. Я вздрогнул и почувствовал, что боюсь их, — они выглядели как две угрожающие тени. Они подошли ближе, и страх исчез, стоило мне различить их черты. Я снова любил их. Я был как пьяный и не мог ни за что твердо ухватиться. Они держали меня за плечи и синхронно трясли, приказывая проснуться. Я слышал их голоса ясно и отдельно. Затем произошло нечто уникальное: я удерживал в своем уме два образа, два сна. Я почувствовал, как что-то, прежде глубоко спавшее во мне, пробуждается, и обнаружил себя лежащим на полу веранды, где дон Хуан и дон Хенаро трясли меня. Но в то же время я находился на месте силы, и дон Хуан и дон Хенаро трясли меня и там. В один критический момент я не находился ни там, ни здесь, а был скорее одновременно в двух местах, наблюдая обе сцены. У меня было невероятное ощущение, что в тот момент я мог перейти на любую сторону. Все, что мне нужно было сделать — это изменить перспективу, и вместо того, чтобы наблюдать сцену извне, почувствовать ее с точки зрения субъекта.

Было что-то очень притягательное в доме дона Хуана, и я предпочел эту сцену.

Затем я испытал ужасающий спазм, настолько потрясший меня, что ко мне мгновенно вернулось мое обычное сознание. Дон Хуан и дон Хенаро ведрами лили на меня воду. Я был на веранде дома дона Хуана.

Спустя несколько часов мы сидели на кухне. Дон Хуан велел мне вести себя так, словно ничего не случилось. Он дал мне какой-то еды и посоветовал есть побольше, чтобы компенсировать расход энергии.

Когда мы принялись за еду, я взглянул на часы. Был десятый час вечера. Мой опыт длился несколько часов, но с точки зрения того, что я помнил, казалось, что я заснул лишь ненадолго.

Я полностью пришел в себя, хотя все еще был каким-то оцепеневшим. Обычное сознание вернулось ко мне только тогда, когда я начал делать записи. Я был очередной раз поражен,

насколько мгновенно это занятие возвращает мне трезвость. Как только я стал «самим собой», немедленно хлынул поток разумных объяснений всего происшедшего. Например, я тут же «знал», что дон Хенаро загипнотизировал меня в тот момент, когда прижал к земле. Правда, я не пытался понять, как он это сделал.

Оба они истерически хохотали, когда я поделился с ними своими мыслями. Дон Хенаро внимательно осмотрел мой карандаш и сказал, что он является тем ключиком, которым заводится моя основная пружина. Я был усталым, раздраженным и чувствовал себя очень воинственно. В конце концов я сорвался на крик, а они смеялись надо мной до упаду.

Дон Хуан сказал, что позволительно ступить мимо лодки, но уж не настолько далеко и что дон Хенаро прибыл исключительно для того, чтобы помочь мне показать тайну сновидящего и сновидимого.

Моя раздражительность достигла предела. Дон Хуан движением головы сделал знак дону Хенаро. Оба они поднялись и повели меня за дом. Там дон Хенаро продемонстрировал свой огромный репертуар рычания и криков различных животных и сказал, что я могу выбрать любой из них, и он научит меня его воспроизводить.

После нескольких часов практики я научился подражать ему довольно хорошо. Кончилось тем, что они смеялись до слез, наслаждаясь моим нелепым видом, а я избавился от своего напряжения, имитируя громкий крик животного. Я сказал им, что в моей имитации есть что-то действительно ужасающее. Спокойная расслабленность моего тела была ни с чем не сравнима. Дон Хуан сказал, что если я усовершенствую этот крик, то смогу превратить его в действие силы или просто использовать для ослабления напряжения, когда мне это будет нужно. Он предложил мне отдохнуть, но я боялся спать. Еще некоторое время я сидел рядом с ними у кухонного очага, а затем незаметно погрузился в глубокий сон.

Проснулся я на рассвете. Дон Хенаро спал у двери. Казалось, он открыл глаза одновременно со мной. Я был укрыт, под головой

вместо подушки лежал свернутый пиджак. Я чувствовал себя очень спокойным и хорошо отдохнувшим. Я заметил дону Хенаро, что прошлая ночь совсем обессилила меня. Он сказал, что его тоже, а затем прошептал, как бы доверяясь мне, что дон Хуан устал еще больше, потому что он старше.

– Мы с тобой молоды, – сказал он с блеском в глазах, – а он стар. Сейчас ему, наверное, уже около трехсот.

Я поспешно сел. Дон Хенаро прикрыл лицо одеялом и захохотал. В этот момент в комнату вошел дон Хуан. Я чувствовал завершенность и покой. Хоть однажды ничто действительно не имело значения. Мне было так легко, что хотелось плакать.

Дон Хуан сказал, что прошлой ночью я начал осознавать свое свечение. Он предупредил меня, чтобы я не индальгировал в своем хорошем самочувствии, как я это делаю сейчас, иначе оно обратится в самодовольство.

– В данный момент, – сказал я, – я ничего не хочу объяснять. Не имеет никакого значения, что дон Хенаро сделал со мной прошлой ночью.

– Я ничего с тобой не делал, – бросил дон Хенаро. – Смотри, это я, Хенаро. Твой Хенаро! Потрогай меня!

Я обнял дону Хенаро, и мы смеялись, как два ребенка. Он спросил меня, не кажется ли мне странным, что я могу обнять его, тогда как в прошлый раз, когда мы виделись, я был не способен к нему даже прикоснуться. Я заверил, что эти вопросы меня больше не волнуют.

Дон Хуан заметил, что я индальгирую в широкомыслии и хорошем самочувствии.

– Берегись, – сказал он. – Воин всегда настороже. Если ты будешь продолжать быть таким же счастливым, то выпустишь последнюю маленькую силу, которая в тебе еще осталась.

– Что я должен делать? – спросил я.

– Быть самим собой, – сказал он. – Сомневаться во всем, быть подозрительным.

– Но мне не нравится быть таким, дон Хуан.

– Не имеет никакого значения, нравится тебе это или нет. Значение имеет то, что ты можешь использовать как щит. Воин должен использовать все доступные ему средства, чтобы прикрыть свой смертельный просвет, когда он открывается. Поэтому неважно, что тебе на самом деле не нравится быть подозрительным или задавать вопросы. Сейчас это – твой единственный щит.

– Пиши, пиши. Иначе ты умрешь, – сказал он. – Умереть в восторженном состоянии – дрянной способ умирания.

– Тогда как должен умирать воин? – спросил дон Хенаро, в совершенстве имитируя мою интонацию.

– Воин умирает трудно, – сказал дон Хуан. – Смерть должна бороться, чтобы заполучить его. Воин не отдается ей.

Дон Хенаро раскрыл глаза до огромных размеров, а затем мигнул.

– То, что Хенаро показал тебе вчера – крайне важно, – продолжил дон Хуан. – Ты не можешь избавиться от этого, просто слепо приняв. Вчера ты сказал мне, что тебя сводит с ума идея дубля. Но взгляни на себя сейчас. Тебе больше нет до этого дела. В том-то и беда с людьми, которые сходят с ума. Они сходят с ума в обе стороны. Вчера ты весь был вопросом, сегодня ты весь – принятие.

Я сказал, что он всегда находит изъян в том, что я делаю, вне зависимости от того, как я это делаю.

– Это неправда! – воскликнул он. – В пути воина нет изъянов. Следуй ему, и никто не сможет тебя упрекнуть. Возьми, например, вчерашний день. Путем воина было бы, во-первых, задавать вопросы без страха и подозрений, а затем позволить Хенаро показать тебе тайну сновидящего и сновидимого без борьбы с ним или опустошения себя. Сегодня путем воина было бы собрать все, чему

ты научился, без самодовольства и слепого принятия. Делай так, и никто не найдет в этом никаких изъяснов.

Судя по его тону, я подумал, что дон Хуан и вправду раздражен моими просчетами, но он улыбнулся мне, а затем рассмеялся, как если бы его рассмешили его собственные слова.

Я сказал ему, что просто сдерживаюсь, потому что не хочу нагружать их своими вопросами. Я действительно был переполнен впечатлениями от того, что дон Хенаро сделал со мной. Я был убежден, хотя это больше и не имело значения, что дон Хенаро ожидал в кустах, пока дон Хуан не позвал его. Затем, позднее, он воспользовался моим испугом, чтобы ошеломить меня. После того, как я был прижат к земле, я, без сомнения, потерял сознание, и тогда дон Хенаро, должно быть, загипнотизировал меня.

Дон Хуан возразил, что я слишком силен, чтобы поддаться так легко.

– Что же тогда произошло на самом деле? – спросил я.

– Хенаро пришел навестить тебя, чтобы рассказать тебе нечто исключительное, – сказал он. – Когда он вышел из кустов, он был Хенаро-дубль. Есть способ объяснить это понятнее, но сейчас я не могу им воспользоваться.

– Почему, дон Хуан?

– Потому что ты еще не готов говорить о целостности самого себя. Пока что я скажу лишь, что сейчас Хенаро – не дубль. Он кивнул в сторону дон Хенаро. Тот заморгал.

– Прошлой ночью Хенаро был дублем, а дубль, как я уже тебе говорил, имеет невообразимую силу. Он показал тебе очень важную вещь. Чтобы сделать это, ему пришлось коснуться тебя. Дубль просто коснулся твоей шеи в том месте, где союзник наступил на тебя несколько лет назад. И, естественно, ты выключился, как свет. Естественно также, что ты индольгировал, как сукин сын. Нам понадобилось несколько часов, чтобы раскрутить тебя. Таким

образом, ты рассеял свою силу, и когда пришло время выполнить подвиг воина, тебе ее не хватило.

– Что это был за подвиг, дон Хуан?

– Я говорил, что Хенаро пришел показать тебе нечто, тайну светящихся существ как видящих сны. Ты хотел узнать о дубле. Он начинается во снах. Но затем ты спросил: «Что такое дубль?» Я сказал, что дубль – это "я"³. "Я" видит во сне (сновидит) дубля⁴. Это должно быть простым, разве что нет ничего простого относительно нас. Может быть, обычные сны "я" просты, но это не значит, что "я" просто. Когда оно учится видеть во сне дубля, то прибывает на этот колдовской перекресток, и настает момент, когда человек осознаешь, что это дубль видит во сне "я"⁵.

Я тщательно записал все, что он сказал, но не понял его.

Дон Хуан повторил свои заявления.

– Урок прошлой ночи, как я сказал тебе, был о сновидящем и сновидимом или о том, кто кого видит во сне (кто кого сновидит).

– Извини, я не понял, – сказал я. Оба они покатались со смеху.

– Прошлой ночью, – продолжал дон Хуан, – ты почти выбрал проснуться на месте силы.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– Это был бы подвиг. Если бы ты не индальгировал в своей обычной дурацкой манере, то у тебя было бы достаточно силы, чтобы склонить чашу весов, и ты, без сомнения, перепугался бы до смерти. К счастью или к несчастью, но как бы там ни было, силы у тебя было недостаточно. На деле ты до такой степени растратил свою силу в бесполезном замешательстве, что тебе ее едва хватило, чтобы выжить.

³ The self – собственная личность, сам, "я", эго.

⁴ The self dreams the double.

⁵... that it is the double who dreams the self.

Поэтому, как ты можешь теперь понять, indulgировать в своих мелких причудах не только глупо и расточительно, но и вредно.

Воин, который опустошает себя, не способен выжить. Тело можно разрушить. Ты мог тяжело заболеть, и этого не случилось просто потому, что мы с Хенаро отклонили часть твоей чепухи. До меня начал полностью доходить смысл его слов.

– Прошлой ночью Хенаро провел тебя через сложности дубля, – продолжал дон Хуан. – Только он мог сделать это для тебя. И когда ты увидел себя, лежащего на земле, это не было ни видением, ни галлюцинацией. Ты мог бы понять это очень ясно, если бы не заблудился в своем indulgировании. И ты знал бы тогда, что сам ты являешься сном, что твой блъ видит тебя во сне точно так же, как ты его видел во сне прошлой ночью.

– Но как это может быть?

– Никто не знает, как это происходит. Мы знаем лишь то, что это случается. В этом – наша тайна как светящихся существ. Прошлой ночью у тебя было два сна, и ты мог проснуться в любом из них. Но у тебя было недостаточно силы, чтобы понять это.

Секунду они пристально смотрели на меня.

– Я думаю, он понимает, – сказал дон Хенаро.

3. Секрет светящихся существ

Дон Хенаро долгое время развлекал меня какими-то абсурдными инструкциями относительно того, как я должен управляться со своим повседневным миром. Дон Хуан посоветовал мне самым серьезным образом отнестись к рекомендациям дона Хенаро, потому что, хоть они и забавны, но ни в коем случае не являются шутками.

Около полудня дон Хенаро поднялся и, не сказав ни слова, пошел в кусты. Я тоже начал вставать, но дон Хуан придержал меня и торжественным голосом заявил, что Хенаро попытается сделать со мной еще одну вещь.

– Что он задумал? – спросил я. – Что еще он собирается делать со мной?

Дон Хуан заверил меня, что мне не нужно беспокоиться.

– Ты приближаешься к перекрестку, – сказал он. – Определенному перекрестку, к которому подходит каждый воин.

У меня мелькнула мысль, что он говорит о моей смерти. Он, казалось, предвидел мой вопрос и сделал мне знак помолчать.

– Мы не будем обсуждать этот предмет, – сказал он. – Удовлетворись тем, что перекресток, о котором я говорю, является объяснением магов. Хенаро считает, что ты к нему готов.

– Когда ты собираешься рассказать мне о нем?

– Я не знаю. Ты получатель, поэтому это зависит от тебя. Ты сам должен решить, когда.

– А чем плохо, если сейчас?

– Решить – это не значит выбрать время наугад.

Решить — означает, что ты безупречно привел в порядок свой дух и что ты сделал все возможное, чтобы быть достойным знания и силы.

Сегодня, однако, для Хенаро ты должен будешь решить одну маленькую задачку. Он ушел раньше и будет ожидать нас где-то в чапарале. Мы не знаем ни места, где он будет находиться, ни времени, когда нужно будет отправиться к нему. Если ты сумеешь правильно определить время для нашего выхода из дома, то ты сможешь также и привести нас туда, где он ждет нас.

Я сказал, что и представить не могу, как решить такую задачу.

— Как может уход из дома в определенное время вести меня туда, где находится дон Хенаро? — спросил я.

Дон Хуан улыбнулся и начал напевать какую-то мелодию. Казалось, мое возбуждение доставляло ему удовольствие.

— Это и есть та проблема, которую Хенаро поставил перед тобой, — сказал он. — Если у тебя достаточно личной силы, то ты абсолютно точно определишь правильное время для выхода из дома. Как именно точное время будет вести тебя, не знает никто. Но если у тебя хватит личной силы, то ты убедишься, что так оно и будет.

— Но что значит «будет вести», дон Хуан?

— Этого тоже никто не знает.

— Мне кажется, дон Хенаро просто надувает меня.

— Тогда лучше поберегись: если Хенаро тебя надувает, то ты можешь лопнуть.

Дон Хуан рассмеялся над своей собственной шуткой. Я никак не мог к нему присоединиться. Мой страх перед возможной опасностью, связанной с манипуляциями дон Хенаро, был слишком реален.

— Может, ты pomoжешь мне хотя бы намеком? — спросил я.

– Здесь нет места для намеков, – сказал он отрывисто.

– Почему дон Хенаро затеял все это?

– Он хочет испытать тебя, – сказал он. – Скажем так, ему очень важно узнать, сможешь ли ты получить объяснение магов. Если ты решишь задачу, из этого будет следовать, что ты накопил достаточно личной силы и что ты готов. Но если ты провалишься, то это произойдет потому, что личной силы у тебя недостаточно. В таком случае объяснение магов не будет иметь для тебя никакого смысла. Лично я думаю, что мы должны дать тебе это объяснение независимо от того, поймешь ты его или нет. Но, в отличие от меня, Хенаро более консервативный воин. Он любит, чтобы все было в должном порядке, и не хочет давать тебе его до тех пор, пока не сочтет, что ты готов.

– Почему бы тебе самому не дать мне объяснение магов?

– Потому что тем, кто помогает тебе, должен быть Хенаро.

– Почему, дон Хуан?

– Пока что Хенаро не хочет, чтобы я рассказывал тебе, почему.

– Разве мне повредит, если я узнаю объяснение магов?

– Я так не думаю.

– Тогда прошу тебя, дон Хуан, расскажи мне.

– Ты, должно быть, шутишь. У Хенаро есть свои соображения по этому поводу, и мы должны уважать их.

Он сделал повелительный жест, чтобы утихомирить меня. После долгой успокаивающей паузы я спросил:

– Но как же я смогу решить эту задачу, дон Хуан?

– Я действительно не знаю этого, поэтому ничего не могу тебе посоветовать, – сказал он. – Хенаро бесконечно эффективен в своих поступках. Он спланировал эту задачу исключительно для тебя. И

поскольку он делает это ради твоего же блага, то он настроен только на тебя одного. Поэтому только ты один можешь выбрать точное время, чтобы выйти из дому. Он сам позовет тебя и будет вести тебя посредством своего зова.

– Каким будет его зов?

– Я не знаю, его зов для тебя, а не для меня. Он будет касаться непосредственно твоей воли. Иными словами, ты должен использовать свою волю, чтобы узнать зов Хенаро. Хенаро чувствует, что должен удостовериться в том, что к этому моменту ты сохранил достаточно личной силы, чтобы быть способным превратить свою волю в действующую единицу.

«Воля» была еще одной концепцией дона Хуана, которую он тщательно обосновал, отчего, правда, она не стала для меня более ясной. Я понял из его объяснений лишь то, что «воля» является какой-то силой, исходящей из живота через невидимое отверстие чуть ниже пупка, которое он называл «просвет». «Воля» намеренно культивировалась только магами. Она приходила к практикующим таинственным образом и якобы давала им возможность совершать необычайные поступки.

Я заметил дону Хуану, что не вижу для себя ни малейшего шанса сделать действующим началом в своей жизни нечто столь неопределенное.

– Здесь ты ошибаешься, – сказал он, – воля развивается в войне, несмотря на любое сопротивление разума.

– Разве не мог дон Хенаро, будучи магом, узнать, готов ли я, не проверяя меня? – спросил я.

– Конечно, мог, – сказал он. – Но такое знание не имело бы никакой ценности или последствий, потому что оно было бы изолировано от тебя. Ты – тот, кто учится. Поэтому ты сам должен провозгласить знание силой, а не Хенаро. Хенаро интересуется не его знание, а твое. Ты сам должен обнаружить, работает или нет твоя воля. Это очень трудно сделать. Несмотря на все то, что мы с Хенаро знаем о тебе, ты должен доказать самому себе, что способен

провозгласить знание силой. Другими словами, ты должен убедиться сам, что можешь использовать свою волю. Если это не так, значит ты должен убедиться в этом сегодня. Если ты не сможешь выполнить эту задачу, тогда дон Хенаро решит, что, несмотря на все, что он видит относительно тебя, ты еще не готов.

Меня переполняло волнение.

– Это действительно необходимо? – спросил я.

– Это – просьба Хенаро, и она должна быть выполнена, – сказал он твердо, но дружелюбно.

– Но какое отношение ко мне имеет дон Хенаро?

– Может быть, сегодня ты это обнаружишь, – сказал он улыбаясь.

Я упрашивал дона Хуана, чтобы он не мучил меня и объяснил свои таинственные заявления. Он засмеялся, похлопал меня по груди и пошутил насчет мексиканского штангиста, у которого огромные грудные мускулы, но он не может выполнять тяжелой физической работы, потому что у него слабая спина.

– Следи за теми мышцами, – сказал он. – Они должны быть не только для вида.

– Мои мышцы не имеют отношения к тому, что ты говоришь, – сказал я воинственно.

– Имеют, – ответил он. – Чтобы воля стала действующим началом, тело должно быть совершенным.

Дон Хуан опять увел меня в сторону. Я чувствовал беспокойство и разочарование. Поднявшись, я пошел на кухню выпить воды. Дон Хуан последовал за мной и предложил мне потренироваться в воспроизведении крика животного, которому дон Хенаро обучил меня. Мы отошли от дома, я сел на поленницу дров и сосредоточился на имитации этого крика. Пару раз дон Хуан поправил меня и показал, как правильно дышать. Конечным результатом было

состояние полной релаксации. Мы вернулись на веранду и снова сели. Я сказал, что моя беспомощность иногда раздражает меня самого.

– Нет ничего неправильного в чувстве собственной беспомощности, – сказал дон Хуан. – Все мы хорошо знакомы с ним. Вспомни, что мы провели целую вечность как беспомощные младенцы. Я уже говорил тебе, что сейчас ты похож на младенца, который не может выбраться сам из колыбели, а тем более – действовать самостоятельно. Хенаро вынимает тебя из колыбели, скажем, берет тебя на руки. Но ребенок хочет действовать, а поскольку он не может, он жалуется. В этом нет ничего неправильного, но совсем другое дело – indulgировать, протестуя и жалуясь.

Он велел мне оставаться расслабленным и предложил задавать вопросы до тех пор, пока мой ум не прояснится.

Какое-то время я был в затруднении и не мог решить, что спросить. Дон Хуан развернул соломенную циновку и сказал, чтобы я сел на нее. Затем он наполнил водой большую тыквенную флягу и положил ее в сумку. Казалось, он готовился к путешествию. Он снова сел и выжидательно поднял брови, как бы приглашая задавать вопросы.

Я попросил его еще раз рассказать мне о бабочке. Он бросил на меня изучающий взгляд и усмехнулся.

– Это союзник, – сказал он. – Ты знаешь это.

– Что такое в действительности союзник? – спросил я.

– Невозможно сказать, чем в действительности является союзник. Точно так же, как невозможно сказать, чем является дерево.

– Дерево – это живой организм, – сказал я.

– Мне это мало о чем говорит, – сказал он. – Я могу сказать также, что союзник – это сила, напряжение, и я уже говорил тебе это, но это мало что сказало тебе о союзнике.

Так же как и в случае с деревом, узнать, что такое союзник, – значит познать его на опыте. Годами я боролся, чтобы подготовить тебя к мимолетному столкновению с союзником. Ты, возможно, не понимаешь этого, но тебе потребовалось несколько лет подготовки для того, чтобы встретиться с деревом. Встреча с союзником – это то же самое. Учитель должен знакомить своего ученика с союзником мало-помалу, шаг за шагом. С годами ты накопил достаточно знаний об этом, и теперь ты способен собрать эти знания воедино и ввести в свой опыт союзника так же, как ты ввел в свой опыт дерево.

– Я и понятия не имел, что делаю это.

– Твой разум не осознает этого прежде всего потому, что он не может принять саму возможность существования союзника. К счастью, совсем не разум собирает союзника вместе. Это делает тело. Ты воспринимал союзника много раз и в различной степени. Каждое из этих восприятий откладывалось в твоём теле. Суммой всех этих кусочков и является союзник. Я не знаю никакого другого способа описать его.

Я сказал, что не могу представить себе, что мое тело может действовать само по себе, словно отдельное существо, независимое от моего рассудка.

– Они не разделены, это мы их сделали такими, – сказал он. – Наш мелочный разум всегда в разногласии с телом. Это, конечно, только способ говорить, но триумф человека знания как раз и состоит в том, что он объединяет эти две части воедино. Поскольку ты не являешься человеком знания, то твоё тело сейчас делает вещи, которые твой разум не способен постичь. Союзник – одна из таких вещей. Ты не был безумен и не спал, когда ты воспринимал союзника в ту ночь прямо здесь,

Я спросил о той пугающей идее, которую они с доном Хенаро зачем-то внушили мне, что союзник является существом, ожидающим меня на краю маленькой долины в горах северной

Мексики. Они сказали мне, что рано или поздно я должен буду пойти на это свидание с союзником, чтобы бороться с ним.

– Все это лишь способы говорить о тех тайнах, для которых не существует слов. Мы с Хенаро сказали, что на краю той долины тебя ожидал союзник. Это заявление было правильным, но не в том смысле, который ты ему придаешь. Союзник ждет тебя, это совершенно верно. Но не на краю какой-либо долины, а прямо здесь, или вон там, или в любом другом месте. Союзник ждет тебя точно так же, как ждет тебя смерть – повсюду и нигде.

– Зачем он меня ждет?

– Затем же, зачем тебя ждет смерть, – сказал он. – Потому что ты был рожден. В данный момент невозможно объяснить, какой смысл кроется за всем этим. Сначала ты должен ввести союзника в свой опыт. Ты должен воспринять его всего, в полной силе. Тогда объяснение магов сможет пролить на это свет. Пока что у тебя было достаточно силы, чтобы прояснить по крайней мере один момент, что союзник – это бабочка.

Несколько лет назад мы ходили в горы, и там ты столкнулся с чем-то неизвестным. Тогда я не мог рассказать тебе, что именно происходит. Ты видел странную тень, летающую взад и вперед над костром. Ты сам сказал, что она выглядела как бабочка. Хотя ты не знал, о чем говоришь, ты был абсолютно прав. Тень была бабочкой. Затем при других обстоятельствах что-то очень сильно испугало тебя после того, как ты заснул опять-таки перед огнем. Я предупреждал тебя, чтобы ты не спал, но ты не обратил внимания на мои слова. Ты заснул, и это отдало тебя во власть союзника, и бабочка наступила тебе на шею. Почему ты остался жив, навсегда останется для меня загадкой. Тогда ты этого не знал, но я уже считал тебя мертвым. Настолько серьезной была твоя оплошность.

С тех пор каждый раз, когда мы бывали в горах или в пустыне, ты даже не замечал, что бабочка всегда следовала за тобой. Так что в общем мы можем сказать, что для тебя союзник – это бабочка. Но я не имею в виду, что это бабочка в обычном смысле этого слова.

Называть союзника бабочкой — опять-таки только способ говорить, способ сделать эту безбрежность вокруг нас понятной.

— А для тебя союзник тоже бабочка? — спросил я.

— Нет, то, как каждый понимает союзника — это его личное дело.

Я заметил, что мы опять вернулись к тому, с чего начали. Он так и не рассказал мне, чем в действительности является союзник.

— Не стоит приходить в замешательство, — сказал он. — Замешательство — это настроение, в него можно войти, но точно так же и выйти. В данный момент нет возможности прояснить что-либо. Может быть, еще сегодня мы сможем рассмотреть эти вещи более детально. Все зависит от тебя. Или, скорее, от твоей личной силы.

Больше он не проронил ни слова. Я стал очень нервничать от страха, что провалю испытание. Дон Хуан отвел меня за дом и усадил на циновку возле оросительной канавы. Вода текла так медленно, что казалась почти застывшей. Он приказал мне сесть спокойно, остановить внутренний диалог и смотреть на воду. Несколько лет назад я узнал от него, что у меня есть какая-то особая близость с водой, чувство наиболее подходящее для тех испытаний, в которые я был вовлечен. Я заметил ему тогда, что у меня нет никакой особой любви к водоемам, хотя и неприязни тоже нет. Он сказал, что как раз потому вода так благоприятна для меня, что я был безразличен к ней. В условиях стресса вода не может схватить меня, но не может и оттолкнуть.

Он сел чуть позади меня справа и велел мне не бояться, потому что он рядом и поможет, если возникнет необходимость.

На мгновение я испугался. Я посмотрел на него, ожидая дальнейших инструкций. Он с силой повернул мою голову в направлении воды и приказал мне начинать. У меня не было ни малейшего представления о том, чего он хочет от меня, и я просто расслабился. Когда я смотрел на воду, то краем глаза заметил камышинки на противоположной стороне. Бессознательно я остановил на них несфокусированные глаза. Медленное течение

заставляло их дрожать. Вода имела окраску пустынной почвы. Я заметил, что завихрения воды вокруг камышинок были похожи на щели или борозды на гладкой поверхности. В какой-то момент эти камышинки стали гигантскими, и вода превратилась в гладкую охристую поверхность, а затем через какие-то секунды я крепко спал, или, может быть, впал в состояние, для которого у меня нет другого названия. Больше всего это было похоже на то, что я заснул и увидел очень ясный сон.

Я чувствовал, что могу оставаться в этом состоянии бесконечно, если захочу. Но я намеренно прервал его, включив свой внутренний диалог. Я раскрыл глаза. Я лежал на соломенной циновке, а дон Хуан был в нескольких футах от меня. Мой сон был настолько великолепен, что я тут же начал пересказывать его. Дон Хуан знаком велел мне молчать. Взяв прутик, он указал им на две длинные тени от сухих веток чапарала и очертил по земле сначала одну из них, а затем другую. Тени были около фута длиной и дюйма шириной на расстоянии пяти-шести дюймов друг от друга. Движения прутика нарушили мою фокусировку, и я обнаружил, что смотрю сведенными глазами на четыре тени. Внезапно две тени в середине слились в одну и создали необычайное ощущение глубины. В тени, образовавшейся таким образом, была какая-то необъяснимая округлость и глубина. Она почти походила на прозрачную трубу, круглую балку из какой-то неизвестной субстанции. Я знал, что мои глаза сведены, и, тем не менее, они казались сфокусированными на одном месте. Поле моего зрения в этом месте было кристально ясным. Я мог двигать глазами, не нарушая общей картины.

Я продолжал наблюдать, стараясь не терять контроля. Я ощутил любопытный порыв отступить и погрузиться в наблюдаемую сцену. Что-то в том, что я наблюдал, казалось, тянуло меня. Но что-то внутри меня пробило на поверхность, я начал полусознательный диалог с самим собой и почти мгновенно осознал окружающее в мире повседневной жизни.

Дон Хуан наблюдал за мной. Он, казалось, был озадачен. Я спросил его, все ли в порядке. Не отвечая, он помог мне сесть.

Только тогда я сообразил, что лежал на спине, глядя в небо, а дон Хуан склонился надо мной.

Моим первым порывом было рассказать ему, что я в действительности видел тени на земле, в то время как смотрел в небо, но он приложил мне руку ко рту. Некоторое время мы сидели молча. У меня не было мыслей. Я испытывал необычайное ощущение мира и покоя, а затем совершенно внезапно почувствовал непреодолимое желание встать и пойти в чапараль на поиски дон Хенаро,

Я сделал попытку заговорить с доном Хуаном, но он вздернул подбородок и сжал губы, молчаливо приказывая мне не разговаривать. Я попытался организовать свои ощущения разумным образом, но моя внутренняя тишина мне настолько нравилась, что не было никакого желания утруждать себя логическими соображениями.

После минутной паузы я опять почувствовал настоятельную необходимость идти в чапараль. Я пошел по тропинке. Дон Хуан шел позади меня, как если бы я был лидером.

Мы шли около часа. Мне по-прежнему удавалось оставаться без всяких мыслей. Наконец мы пришли к склону холма. Дон Хенаро сидел у гребня скалы. Он с большим воодушевлением приветствовал меня, но ему приходилось почти кричать, так как он находился примерно в пятидесяти футах над землей. Дон Хуан усадил меня и сел рядом. Дон Хенаро объяснил, что я нашел то место, где он прятался, потому что меня вел звук, который он издавал. Тут я понял, что действительно слышал какой-то звук, который до сих пор считал звоном в ушах. Казалось, он имел внутреннее происхождение, был состоянием тела, настолько неопределенным ощущением звука, что находился за пределами сознательных оценок и интерпретаций. Мне показалось, что в левой руке у дон Хенаро был какой-то маленький инструмент. С того места, где я сидел, я не мог его рассмотреть. Инструмент был похож на варган. С его помощью он производил мягкий неземной звук, который был практически неразличим. Он продолжал играть на нем некоторое время, как бы давая мне возможность осознать то, что он мне сказал.

Затем он раскрыл ладонь. Никакого инструмента там не было. Меня ввело в заблуждение то, как он прикладывал руку ко рту. В действительности он издавал звук при помощи губ и края ладони между большим и указательным пальцами,

Я повернулся к дону Хуану, собираясь объяснить ему, что дон Хенаро одурачил меня своими движениями. Дон Хуан быстрым жестом велел мне не разговаривать, а наблюдать за действиями дона Хенаро. Я повернулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро, но его не было. Я подумал, что он уже спустился вниз. Несколько секунд я ждал, пока он появится из-за кустов. Скала, на которой он стоял, была любопытным образованием. Она больше походила на огромный карниз сбоку от еще большей скалы. Я, должно быть, отвел от него глаза всего на пару секунд. Если бы он забрался наверх, то я успел бы заметить его, прежде чем он достиг бы верха каменной стены. Если бы он спустился вниз, то его тоже можно было бы видеть с того места, где я сидел.

Я спросил, куда делся дон Хенаро. Дон Хуан ответил, что тот все еще стоит на выступе. Насколько я видел, там никого не было, но он настойчиво утверждал, что дон Хенаро все еще стоит на скале. Казалось, он не шутил. Его глаза были жесткими и яростными. Он отрывисто сказал, что мои чувства находились на линии, неподходящей для восприятия действий дона Хенаро, и приказал остановить внутренний диалог. Я мгновение боролся и начал закрывать глаза, но он бросился ко мне, встряхнул за плечи и прошептал, чтобы я смотрел на каменный карниз.

Я чувствовал дремоту и слышал слова дона Хуана так, как будто они долетали издалека. Автоматически я взглянул на карниз и снова увидел там дона Хенаро, но это почему-то оставило меня равнодушным. Почти бессознательно я отметил, что мне очень трудно дышать, но не успел я подумать об этом, как дон Хенаро прыгнул вниз со скалы. Это не произвело на меня никакого впечатления. Он подошел ко мне и помог встать, держа за руку. Дон Хуан держал меня за другую руку. Затем дон Хенаро помог мне сделать несколько шагов. Он прошептал мне на ухо что-то непонятное, и внезапно я почувствовал, что он дернул мое тело каким-то невероятным образом. Он, образно говоря, словно он

вцепился в кожу моего живота и потянул меня на карниз или, возможно, на другую скалу. Я знал только, что мгновенно оказался на скале. Картина была мимолетной, и я не успел разобрать деталей, но тем не менее мог бы поклясться, что это был тот самый каменный карниз. Затем что-то во мне дрогнуло, и я полетел назад. У меня было неопределенное чувство страдания или, возможно, неудобства. Через какое-то время я осознал, что дон Хуан обращается ко мне. Я не понимал его и сконцентрировал внимание на его губах. Я был как во сне, пытаюсь разорвать изнутри, окутавшую меня, пленкообразную пелену, тогда как дон Хуан пытался прорвать ее снаружи. Наконец она действительно лопнула, и я отчетливо услышал слова дон Хуана. Он приказывал мне выбираться на поверхность. Я отчаянно боролся за обретение трезвости, но безуспешно, наполовину сознательно удивляясь тому, как это сложно.

Я старался заговорить с самим собой. Дон Хуан, казалось, осознавал мои сложности. Он настойчиво приказывал приложить больше усилий. Что-то извне не давало мне начать привычный внутренний диалог. Казалось, какая-то неведомая сила делала меня сонным и безучастным. Я продолжал бороться с ней, пока не начал задыхаться. Я слышал, как дон Хуан что-то сказал мне. Мое тело непроизвольно изогнулось от напряжения. Я почувствовал себя так, как будто я стиснут и втянут в смертельную битву с чем-то, не дающим мне дышать. У меня не было страха. Скорее, какая-то неконтролируемая ярость овладела мной и достигла такой степени, что я рычал и визжал, как животное. Затем мое тело охватили судороги, и я испытал толчок, который мгновенно остановил меня. Я опять мог нормально дышать и понял, что дон Хуан льет воду из фляги мне на живот и шею.

Он помог мне сесть. Дон Хенаро стоял на карнизе. Он позвал меня по имени, а затем спрыгнул на землю. Я увидел его падение с высоты около пятидесяти футов и испытал непереносимое ощущение в области пупка. Такое же ощущение у меня бывало, когда я падал во сне.

Дон Хенаро подошел ко мне и, улыбаясь, спросил, понравился ли мне его прыжок. Я безуспешно пытался что-нибудь сказать. Он опять позвал меня по имени.

– Карлитос! Следи за мной!

Он взмахнул руками в стороны четыре или пять раз, как бы набирая инерцию, а затем прыгнул и исчез из виду или сделал что-то такое, чего я не смог бы описать. Он был в пяти-шести футах от меня, а затем исчез, как будто его втянула какая-то неконтролируемая сила.

Я чувствовал себя утомленным и безучастным. Было ощущение безразличия, и я не хотел ни думать, ни говорить с самим собой. Я чувствовал не испуг, а необъяснимую печаль. Мне хотелось плакать. Дон Хуан несколько раз ударил меня костяшками пальцев по голове и засмеялся, как если бы все, что случилось, было шуткой. Затем он потребовал, чтобы я разговаривал с собой, потому что на этот раз внутренний диалог был отчаянно нужен. Я слышал, как он приказывает мне: «Разговаривай! Разговаривай!»

Губы сводила судорога. Мой рот двигался без единого звука. Я вспомнил, как дон Хенаро двигал ртом подобным же образом, когда устраивал клоунаду, и хотел бы сказать, как сказал он: «Мой рот не хочет разговаривать». Я попытался произнести что-нибудь, и мои губы болезненно искривились. Дон Хуан, казалось, вот-вот свалится от смеха. Его радость была так заразительна, что я тоже засмеялся. Наконец он помог мне подняться. Я спросил, собирается ли дон Хенаро вернуться. Он сказал, что на сегодня с меня достаточно.

– Ты почти сделал это, – сказал дон Хуан. Мы сидели у огня, горящего в земляной печи. Дон Хуан настаивал, чтобы я поел, но я не чувствовал ни голода, ни усталости. Мною овладела необычайная меланхолия; я чувствовал себя отстраненным от событий дня. Дон Хуан вручил мне мой блокнот. Я сделал огромное усилие, чтобы вернуть свое обычное состояние и сделал какие-то краткие комментарии. Понемногу я вернул себя к своей старой модели. Казалось, что поднялась завеса, и я вновь оказался в привычном состоянии заинтересованности и ошеломленности.

– Хорошо, хорошо, – сказал дон Хуан, погладив меня по голове, – Я говорил тебе, что подлинным искусством воина является умение уравнивать ужас и удивление.

Настроение дон Хуана было необычным. Он выглядел каким-то нервным, встревоженным. Казалось, он о чем-то хотел поговорить со мной. Я решил, что он готовит меня к объяснению магов, и сам встревожился. В его глазах был странный блеск, который прежде я видел лишь несколько раз. Я спросил, что с ним. Дон Хуан ответил, что рад за меня и что как воин он разделяет радость побед окружающих его людей, если только это победы духа. Он добавил, что я, к сожалению, еще не готов к объяснению магов, несмотря на то, что решил задачу дон Хенаро. Он сказал, что когда он лил воду на мое тело, я действительно умирал, и что все достигнутое мной было полностью перечеркнуто моей неспособностью отразить последнюю атаку дон Хенаро.

– Сила Хенаро была подобна приливу, который поглотил тебя, – сказал он.

– Разве дон Хенаро желает мне вреда? – спросил я.

– Нет, – сказал он. – Хенаро хочет помочь тебе, но сила может быть встречена только силой. Он испытывал тебя, и ты не выдержал испытания.

– Но ведь я решил его задачу, не так ли?

– Это ты сделал прекрасно, – сказал он. – Настолько хорошо, что Хенаро решил, что ты способен к настоящей задаче воина. И ты почти выполнил ее. Но на этот раз тебя подкосило не индальгирование.

– А что же?

– Ты слишком нетерпелив и в тебе слишком много насилия. Вместо того чтобы расслабиться и идти вместе с Хенаро, ты стал сопротивляться ему. Ты не можешь победить его. Он сильнее тебя.

Затем дон Хуан дал мне несколько советов относительно моих отношений с людьми вообще. Его замечания, в сущности, были переложением на серьезный лад недавних шуточных поучений дона Хенаро. Он был благодушно настроен и без всяких уговоров с моей стороны стал объяснять, что происходило во время двух моих последних приездов.

– Как ты знаешь, – сказал он, – главная помеха в магии – внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научился останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми. Ключом ко всем таинственным и сверхъестественным вещам, которые ты пережил недавно, был тот факт, что ты смог остановить внутренний разговор с самим собой. В трезвом уме ты видел союзника, дубля Хенаро, сновидящего и сновидимого, а сегодня был близок к тому, чтобы узнать о целостности самого себя. Это было задачей воина, и Хенаро считал, что ты ее выполнишь, потому что к тому времени ты уже накопил достаточно личной силы. В прошлый твой визит я увидел очень благоприятный знак. Когда ты приехал, я услышал, что союзник бродит вокруг. Я услышал его мягкие шаги, а потом увидел бабочку, которая смотрела, как ты выходил из машины. Союзник был неподвижен, наблюдая за тобой. Это было наилучшим знаком. Если бы он возбужденно двигался вокруг, как это бывало раньше, словно недовольный твоим присутствием, то ход событий был бы совсем другим. Много раз я замечал союзника, недружелюбно настроенного по отношению к тебе, но в этот раз знак был верный, и я знал, что у него есть для тебя кусочек знания. Вот почему я сказал тебе, что у тебя назначено свидание со знанием, свидание с бабочкой, которое долго откладывалось. По какой-то непонятной для нас причине союзник предпочел явиться тебе в форме бабочки.

– Но ты говорил, что союзник бесформенный и что о нем можно судить только по его проявлениям, – сказал я.

– Верно, – ответил он. – Но союзник является бабочкой и для связанных с тобой наблюдателей – Хенаро и меня. Для тебя союзник – только проявление, ощущение в твоём теле или звук, или золотые крупинки знания. Тем не менее, факт остается фактом: избрав форму бабочки, союзник говорит мне и Хенаро что-то очень важное.

Бабочки дают знание, они друзья и помощники магов. Именно потому, что союзник предпочел быть рядом с тобой бабочкой, Хенаро поставил на тебя так много.

В ту ночь твоя встреча с бабочкой, как я и предвидел, была для тебя истинным свиданием со знанием. Ты узнал зов бабочки, почувствовал золотую пыльцу на ее крыльях, но главное, в ту ночь ты впервые осознал, что видел, а твое тело узнало, что мы – светящиеся существа. Ты еще не полностью оценил это поразительное событие в твоей жизни. Хенаро продемонстрировал тебе с огромной силой и ясностью, что мы являемся чувством, а то, что мы называем своим телом – это пучок светящихся волокон, наделенных осознанием.

Прошлой ночью ты вновь находился под покровительством союзника. Когда ты приехал, я посмотрел на тебя и понял, что нужно позвать Хенаро, чтобы он смог объяснить тебе тайну сновидящего и сновидимого. Как обычно, ты считал тогда, что я тебя разыгрываю, но Хенаро вовсе не прятался в кустах, как ты полагал. Он действительно появился ради тебя, даже если твой разум отказывается в это поверить.

Эта часть разъяснений дона Хуана была действительно слишком трудной, чтобы принять ее на веру. Я не мог ее признать и сказал, что дон Хенаро был реальным и относился к этому миру.

– Все, что ты видел и чему до сих пор был свидетелем, было реальным и относилось этому миру, – сказал он. – Другого мира нет. Твой камень преткновения – это особая настойчивость с твоей стороны, и эту твою особенность нельзя вылечить объяснениями, поэтому сегодня Хенаро обращался непосредственно к твоему телу. Тщательный анализ того, что ты сделал сегодня, покажет тебе, что твое тело превосходно смогло объединить вещи вместе. Каким-то образом ты воздержался от indulgирования в своих видениях у оросительной канавы. Ты удерживал редкостный контроль и отрешенность, как это и должен делать воин; ты ничего не принимал на веру, и все же действовал эффективно и поэтому смог последовать зову Хенаро. Ты действительно нашел его без всякой помощи с моей стороны.

Когда мы подошли к каменному выступу, ты был пропитан силой, и ты увидел Хенаро стоящим там, где с той же целью стояли другие маги. Он подошел к тебе после того, как спрыгнул с выступа. Он сам был силой. Если бы ты продолжал действовать так же, как у оросительной канавы, то ты бы увидел его таким, каким он является в действительности — светящимся существом. Вместо этого ты испугался, особенно когда Хенаро заставил тебя прыгнуть. Одного этого прыжка было бы достаточно, чтобы вывести тебя из твоих собственных границ. Но у тебя не было сил, и ты вновь рухнул в мир своего разума. После этого ты, конечно, вступил в смертельную битву с самим собой. Что-то в тебе — твоя воля — хотело идти с Хенаро, тогда как твой разум сопротивлялся ему. Если бы я тебе не помог, ты бы лежал сейчас мертвый и был похоронен на месте силы. Но был момент, когда исход был сомнительным даже несмотря на мою помощь.

Несколько минут мы молчали. Я ждал, что он заговорит. В конце концов я спросил:

— Дон Хенаро действительно заставил меня прыгнуть на каменный выступ?

— Это не был прыжок в том смысле, в каком ты привык его понимать. Повторяю тебе еще раз, что это только способ говорить. До тех пор, пока ты думаешь, что ты твердое тело, ты не способен постичь моего объяснения.

Он насыпал на землю пепел возле лампы, покрыв участок примерно в два квадратных фута, и пальцем нарисовал диаграмму, состоящую из восьми точек, соединенных между собой линиями. Это была геометрическая фигура. Такую же фигуру он рисовал мне год назад, пытаясь объяснить, что когда я наблюдал четыре раза подряд падение одного и того же листа с одного и того же дерева, это не было иллюзией.

Диаграмма на пепле имела два центра. Один он назвал «разумом», а второй — «волей». «Разум» был непосредственно соединен с точкой, названной им «разговор». Через «разговор»

«разум» косвенно был соединен с тремя точками: «чувство⁶», «сновидение» и «видение». Другой центр, «воля», был непосредственно связан с «чувством», «сновидением» и «видением», но только косвенно с «разумом» и «разговором».

Я отметил, что диаграмма отличалась от той, которую я зарисовал в своем блокноте год назад,

– Внешняя форма не имеет значения, – сказал он.

– Эти точки представляют человека и могут быть нарисованы как угодно.

– Они представляют тело? – спросил я.

– Не называй это телом, – сказал он. – На волокнах светящегося существа есть восемь точек. Маги говорят, как ты можешь видеть на диаграмме, что человеческие существа являются прежде всего волей, потому что она непосредственно связана с тремя точками: чувством, сновидением и видением. И лишь во вторую очередь человек – это разум. Центр разум действительно играет меньшую роль, чем воля, так как соединен только с разговором.

– А что значат две другие точки, дон Хуан?

Он взглянул на меня и улыбнулся.

– Сейчас ты намного сильнее, чем тогда, когда мы впервые говорили об этой диаграмме, но еще недостаточно силен, чтобы знать все восемь точек. Со временем Хенаро покажет тебе оставшиеся две.

– У каждого ли есть все 8 точек, или только у магов?

– Можно сказать, что каждый приносит в мир эти восемь точек. Две из них – разум и разговор – известны всем. Так или иначе, мы знакомы и с чувством, хотя и смутно. Но лишь в мире магов достигается знакомство со сновидением, видением и волей. Наконец

⁶Feeling – ощущение, чувство, чувствительность.

на краю этого мира встречаешься еще с двумя. Восемь точек образуют целостность самого себя.

Он показал на диаграмме, что все точки могут косвенно соединяться друг с другом.

Я снова спросил о двух таинственных точках. Он сказал, что они соединяются только с «волей», удалены от «чувства», «сновидения» и «видения» и еще дальше – от «разговора» и «разума», показав пальцем, что они изолированы не только от остальных точек, но и друг от друга.

– Эти две точки недоступны ни разговору, ни разуму, – сказал он. – Только воля может иметь с ними дело, разум настолько удален от них, что пытаться понять их совершенно бессмысленно. Это вещь является самой тяжелой для понимания. В конце концов сила разума и заключается в том, чтобы разобраться во всем (найти во всем смысл).

Я спросил его, соответствуют ли эти восемь точек участкам тела или отдельным органам.

– Соответствуют, – сухо ответил он и стер диаграмму.

Он стал показывать центры, прикасаясь к соответствующим местам на моем теле. Голова была центром «разума» и «разговора», верхушка грудины – центром «чувства», место чуть ниже пупка – «воли». Центр «сновидения» был с правой стороны против ребер, а «видения» – с левой. Он сказал, что у некоторых воинов центры «видения» и «сновидения» расположены на правой стороне.

– А где остальные две точки? – спросил я.

Он дал мне совершенно непристойный ответ и расхохотался.

– Ты очень хитрый, – сказал он, – Думаешь, что я сонный старый козел, не так ли?

Я объяснил, что спросил скорее по инерции,

– Не торопись, – сказал он. – В свое время ты это узнаешь, но с той поры будешь предоставлен самому себе.

– Ты хочешь сказать, что я никогда больше не увижу тебя?

– Никогда, – сказал он. – Мы с Хенаро станем тем, чем были всегда – пылью на дороге.

Я почувствовал толчок под ложечкой.

– О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Я говорю о том, что все мы – непостижимые существа, светящиеся и безграничные. Ты, Хенаро и я связаны одной целью, которая не является нашим личным выбором.

– Что это за цель?

– Учиться пути воина. Ты не можешь сойти с него, и мы тоже. До тех пор, пока паше главное достижение впереди, ты будешь находить меня или Хенаро. Но когда мы с ним достигнем своей цели, ты полетишь свободно, и никому не известно, куда понесет тебя сила твоей жизни.

– Какую роль играет в этом дон Хенаро?

– Пока что эта тема не для тебя. Сегодня я должен закрепить в тебе тот факт, который вчера открыл тебе Хенаро, факт того, что мы – светящиеся существа. Мы – воспринимающие. Мы являемся осознанием. Мы не являемся объектами и не обладаем твердостью. Мы – безграничны. Мир объектов и твердости – это лишь способ сделать наш путь по земле удобным. Это просто описание, которое было создано для того, чтобы помочь нам. Мы или скорее наш разум забывает о том, что описание является лишь описанием и вследствие этого заключает целостность себя в порочный круг, из которого мы редко вырываемся в течение жизни.

Сейчас, например, ты пытаешься высвободиться из пут разума. Появление дона Хенаро на краю чапарала кажется тебе абсурдным

и немислимым; тем не менее, ты не можешь отрицать, что был свидетелем этого. Ты воспринял это как таковое.

Дон Хуан усмехнулся и тщательно нарисовал на пепле другую диаграмму, но не позволил ее скопировать, прикрыв шляпой.

– Мы – воспринимающие существа, – продолжал он. – Однако воспринимаемый нами мир является иллюзией. Он создан описанием, которое нам сообщали с момента нашего рождения.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое зацепляется очень скоро после нашего рождения, есть разум и его компаньон, разговор. Между собой они стряпают и поддерживают мир.

Так что, в сущности, тот мир, который хочется поддерживать твоему разуму, это мир, созданный описанием и его догматическими и нерушимыми законами, которые разум научился принимать и отстаивать.

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть второе кольцо силы, которое никогда не используется – воля. Уловка мага – это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание, но только обычный человек поддерживает свое при помощи разума, а маг – при помощи воли. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но воля по сравнению с разумом более всеобъемлюща, и в этом преимущество мага.

Сейчас я хочу тебе предложить, чтобы, начиная с этой минуты, ты позволил себе воспринимать в обоих случаях: когда описание поддерживается твоим разумом или когда оно поддерживается твоей волей. Я чувствую, что для тебя это единственный способ использовать свой повседневный мир как вызов и как средство накопить достаточно личной силы для обретения целостности самого себя.

И тогда, быть может, тебе ее хватит уже в следующий твой приезд. Но жди до тех пор, пока не почувствуешь, как сегодня у оросительной канавы, что внутренний голос подсказывает тебе

поступить именно так, а не иначе. Если ты приедешь в каком-то другом случае, это будет для тебя опасным, и ты просто потеряешь время.

Я заметил, что если мне следует ждать такого голоса, то мы, вероятно, больше никогда не увидимся.

– Ты не представляешь себе, насколько хорошо можно действовать, когда тебя прижмут к стенке, – сказал он.

Дон Хуан поднялся, взял охапку дров и подбросил в глиняную печь несколько сухих палок: разгоревшееся пламя отбрасывало на землю желтоватые отблески. Потушив лампу, он сел на корточки перед своей шляпой, которая накрывала рисунок, сделанный им на пепле.

Он велел мне расслабиться, выключить внутренний диалог и смотреть на шляпу. С минуту я боролся с собой, а затем возникло ощущение парения или падения с высоты. Казалось, меня ничто не поддерживало, я как бы не сидел или не имел тела.

Дон Хуан поднял шляпу. Под ней были спирали пепла. Я смотрел на них, не думая. Я чувствовал движение спиралей. Я чувствовал их в своем животе. Пепел, казалось, собрался в кучу, а затем зашевелился, вспучился, и внезапно я увидел дона Хенаро, сидящего передо мной.

Это зрелище мгновенно вернуло мой внутренний диалог. Думая, что это сон, я начал прерывисто дышать и попытался открыть глаза, но они и так были открыты.

Я слышал, как дон Хуан велит мне вставать и двигаться. Вскочив, я побежал на веранду. Дон Хуан и дон Хенаро бросились за мной. Дон Хуан пошел в дом, вынес лампу и повесил ее на балку. Я никак не мог перевести дыхание и пытался успокоиться, как делал это раньше, повернувшись к западу и выполняя бег на месте. Я поднял руки и начал дышать. Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал, что эти движения делаются только в сумерках.

Дон Хенаро закричал, что для меня это сумерки, и оба они рассмеялись. Дон Хенаро побежал к кустам, а затем прыгнул обратно на веранду, как если бы он был привязан к огромной резиновой ленте, которая растянулась, а затем дернула его обратно. Он повторил это движение три-четыре раза, а затем подошел ко мне. Дон Хуан пристально смотрел на меня, хихикая, как ребенок. Они незаметно переглянулись, и дон Хуан громким голосом сказал дону Хенаро, что мой разум опасен и что он может убить меня, если его не усмирить.

– Бога ради! – взревел дон Хенаро. – Усмири его разум!

Они подпрыгивали и смеялись, как дети. Дон Хуан усадил меня на освещенное лампой место и вручил блокнот.

– Сегодня мы действительно разыграли тебя, – сказал он тоном заговорщика. – Не бойся. Хенаро просто прятался под моей шляпой.

Часть вторая

Тональ и нагуаль

1. Должен верить

Я шел к центру города по улице Пасео да ла Реформа. Я был утомлен; высота города Мехико над уровнем моря несомненно имела к этому отношение. Можно было сесть на автобус или взять такси, но почему-то хотелось пройтись, несмотря на усталость. Был воскресный день. Движение было незначительным, и все же выхлопные газы автобусов и машин с дизельными двигателями делали узкие улочки центрального района города похожими на каньоны, наполненные смогом.

Дойдя до Зокало, я заметил, что кафедральный собор Мехико еще больше обветшал со времени моего последнего приезда. Я вошел под огромные своды. В голову пришла циничная мысль.

Оттуда я направился на базар Лагунилья. Какое-то время я бесцельно бродил там, ни к чему особенно не приглядываясь, пока не остановился у лотка со старыми монетами и книгами.

– Привет, привет! Кого я вижу! – сказал кто-то, хлопнув меня по плечу.

Подскочив от неожиданности, я быстро обернулся и разинул рот от удивления. Передо мной стоял дон Хуан.

– Господи, дон Хуан! – воскликнул я, и дрожь встряхнула меня с головы до пяток, – Что ты здесь делаешь? – Что ты здесь делаешь? – эхом откликнулся он. Я сказал, что остановился в городе на пару дней, собираясь затем отправиться к нему в горы Центральной Мексики.

– Ну что ж, можно сказать, что я спустился с этих гор, чтобы найти тебя, – сказал он, улыбаясь.

Он вновь похлопал меня по плечу и, казалось, был рад меня видеть. Подбоченившись, он выпятил грудь и спросил, нравится ли мне его вид. Только сейчас я заметил, что он был в костюме, и вся тяжесть подобной несообразности обрушилась на меня. Я был ошарашен.

– Тебе нравится мой такуче? – спросил он, сияя. Он употребил жаргонное слово «такуче» вместо испанского «трахе» – костюм.

– Да, сегодня я в костюме, – сказал он, как бы объясняясь, и добавил, указывая на мой рот: – Закрой, закрой.

Я рассеянno засмеялся. Он заметил мое смущение и затрясся от смеха, поворачиваясь, чтобы я мог рассмотреть его со всех сторон. Невероятно! На нем был идеально отутюженный светло-коричневый костюм, коричневые ботинки и белая рубашка. И галстук! Интересно, подумал я, есть ли на нем носки, или же он просто надел туфли на босу ногу?

Мое ошеломление усугублялось тем безумным чувством, что когда я обернулся к хлопнувшему меня по плечу дону Хуану, то мне показалось, что я вижу его в штанах цвета хаки, рубашке и соломенной шляпе. А когда он заставил меня осознать каждую деталь своего наряда, его новая внешность стала фиксированной, как если бы я мысленно создал ее. Мой рот, казалось, был частью тела, наиболее пораженной удивлением. Он открывался произвольно. Как бы помогая закрыть его, дон Хуан коснулся моего подбородка.

– Ты определенно развиваешь второй подбородок, – сказал он с коротким смешком.

Лишь теперь я понял, что он без шляпы, и его коротко подстриженные седые волосы зачесаны не правую сторону. Он выглядел типичным горожанином, таким пожилым мексиканским джентльменом.

Я сказал, что разнервничался, увидев его здесь, и хотел бы где-нибудь присесть. Он отнесся к этому с пониманием и предложил пойти в ближайший парк.

Мы молча прошли несколько кварталов к площади Гарибальди, своеобразной бирже труда для музыкантов. Там мы смешались с толпой зевак и туристов и прошли в парк. Вскоре он остановился, оперевшись на стену, и слегка поддернул брюки на коленях. На нем были светло-коричневые носки. Я попросил объяснить, к чему весь этот загадочный вид. Он уклончиво ответил, что сегодня ему необходимо быть в костюме по причинам, которые будут мне ясны позже.

Вид дона Хуана, одетого в костюм, был настолько неземным, что моя нервозность стала почти неконтролируемой. Мы не виделись несколько месяцев, и больше всего на свете я хотел поговорить с ним, но обстановка не располагала к этому, и мое внимание рассеивалось. Заметив мое беспокойство, дон Хуан предложил пойти в парк Ла Аламеда, более тихое место в нескольких кварталах отсюда.

Здесь было меньше людей, и мы быстро нашли пустую скамейку. Мы сели, и моя нервозность сменилась чувством неловкости. Я не смел поднять глаза на дона Хуана.

После длинной напряженной паузы, все еще не глядя на него, я сказал, что внутренний голос в конце концов погнал меня искать его, что поразительные события, свидетелем которых я был в его доме, глубоко повлияли на мою жизнь и что мне необходимо поговорить о них.

Он сделал нетерпеливый жест и сказал, что никогда не учил меня жить событиями прошлого.

– Главное, что ты последовал моему совету и принял свой повседневный мир как вызов, – сказал он, – Доказательством тому, что ты сохранил достаточно силы, является то, что ты без малейшей сложности нашел меня на том самом месте, где и должен был.

– Что-то не верится, – сказал я.

– Я знаю только одно – я ждал тебя, и ты появился, – сказал он.
– Воину этого достаточно.

– И что теперь, когда я нашел тебя? – спросил я.

– Во-первых, мы не будем обсуждать дилеммы твоего разума, так как они относятся к другому времени и к другому настроению. Собственно это лишь ступени бесконечной лестницы, и делать на них ударение означало бы уходить от значимости того, что происходит сейчас. Воин не может себе этого позволить.

У меня было почти неодолимое желание жаловаться, но не потому, что я сожалел о чем-то случившемся. Просто я искал утешения и сочувствия. Казалось, дон Хуан видел меня насквозь; он заговорил так, словно я действительно произнес вслух то, что думал.

– Только если человек – воин, он может выстоять на пути знания, – сказал он. – Воин не может ни на что жаловаться и ни о чем сожалеть. Его жизнь – бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы – это просто вызовы.

Он говорил сухо и сурово, но улыбка была теплой и обезоруживающей.

– Теперь, когда ты здесь, мы будем ждать знак, – сказал он.

– Какой знак?

– Мы должны выяснить, сможет ли твоя личная сила выстоять сама по себе, – сказал он. – В прошлый раз она ужасно истощилась, но сейчас, как кажется на первый взгляд, обстоятельства твоей личной жизни дали тебе все необходимое для того, чтобы иметь дело (столкнуться) с объяснением магов.

– Так ты сможешь рассказать мне о нем?

– Это зависит от твоей личной силы. Ты знаешь, что в том, что касается делания и неделания воинов, значение всегда имеет только личная сила. Но я могу сказать, что пока ты действовал неплохо.

После секундной паузы он поднялся и, как бы желая сменить тему, указал мне на свой костюм.

– Я надел свой костюм ради тебя, – таинственно сказал он. – Этот костюм – мой вызов. Смотри, как хорошо я выгляжу в нем! Как легко! А? Не правда ли?

Дон Хуан действительно выглядел прекрасно. Для сравнения я вспомнил о своем дедушке, когда он надевал свой тяжелый английский фланелевый костюм. Мне всегда казалось, что он чувствует себя в нем неестественно. Дон Хуан же, напротив, смотрелся очень непринужденно.

– Думаешь, мне легко выглядеть естественно в костюме? – спросил он.

Я не знал, что ответить, но про себя подумал, что, судя по его виду и поведению, для него это самая легкая вещь в мире.

– Носить костюм – это вызов для меня, – сказал он. – Вызов такой же трудный, как для тебя – носить сандалии и пончо. Однако у тебя никогда не было необходимости принимать это как вызов. Мой случай другой. Я – индеец.

Мы посмотрели друг на друга. Он вопросительно поднял брови, как бы ожидая моих замечаний.

– Основное отличие между воином и обычным человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие. Факт, что сегодня ты здесь, указывает на то, что ты склонил чашу весов в пользу пути воина.

Его пристальный взгляд беспокоил меня. Я хотел было встать и пройти, но он удержал меня.

– Ты будешь спокойно сидеть здесь до тех пор, пока мы не закончим. Мы ждем знака; мы не можем продолжать без него, так как только одного того, что ты нашел меня здесь, – недостаточно, как недостаточно было лишь найти в тот день Хенаро в пустыне. Твоя сила должна накрутиться здесь и дать нам указание.

– Не могу понять, чего ты хочешь, – сказал я.

– Я видел как что-то кружилось вокруг парка, – сказал он.

– Это был союзник?

– Нет, не союзник. Поэтому мы должны оставаться здесь и выяснить, что за знак накручивает твоя сила.

Он попросил подробно рассказать о том, как я следовал его рекомендациям в отношении своей повседневной жизни и взаимоотношений с окружающими. Я был несколько смущен, но он расслабил меня, сказав, что мои личные дела не были личными, а включали в себя магическую задачу, поставленную передо мной им и Хенаро. Я, шутя, заметил, что из-за этой магической задачи моя жизнь разрушилась, и рассказал, как трудно мне теперь поддерживать мир своей повседневной жизни.

Я говорил долго. Дон Хуан смеялся до слез. Пару раз он хлопал себя по ляжкам, и этот жест, который я видел в его исполнении сотни раз, был не слишком уместен для человека, одетого в костюм. Я чувствовал невыразимое опасение.

– Твой костюм пугает меня больше всего того, что ты делал со мной, – сказал я.

– Ты привыкнешь к нему, – сказал он. – Воин должен быть текучим и сдвигаться в гармонии с окружающим миром, будь это мир разума или мир воли.

Самый опасный момент в этом сдвиге возникает тогда, когда воин обнаруживает, что мир – это ни то и ни другое. Я говорил тебе, что единственный способ добиться успеха в этом решающем сдвиге – это продолжать действовать так, как если бы ты верил. Другими словами, секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это как выбор, как выражение его глубочайшего предрасположения. Воин не верит, воин должен верить.

Несколько секунд он молча наблюдал за тем, как я записываю. Я так и не уловил разницы, но мне не хотелось ни спорить, ни задавать вопросов. Мне хотелось обдумать сказанное им, но меня отвлекало происходящее вокруг. На улице позади нас стояла длинная вереница непрерывно сигнализирующих автомобилей и автобусов, а на краю парка, метрах в сорока от нашей скамейки, стояла группа из семи или восьми человек, включая трех полицейских в светло-серой форме. Они склонились над каким-то мужчиной, неподвижно лежащим на траве. Вероятно, он был или пьян, или серьезно болен. Взглянув на дона Хуана, я заметил, что он тоже смотрит на этого человека. Я сказал ему, что почему-то никак не могу разобраться в том, что он только что сказал мне.

– Я не хочу больше задавать вопросов, – сказал я, – Но если я не попрошу тебя объяснить, то сам не пойму. Не задавать вопросов – совершенно ненормально для меня.

– Прошу тебя быть нормальным любыми средствами, – сказал он с наигранной серьезностью.

Я сказал, что не понимаю разницы между тем, когда веришь и когда должен верить. Для меня это – одно и то же.

– Помнишь историю, которую ты рассказывал мне о своей подруге и ее кошках? – спросил он спокойно.

Взглянув на небо, он откинулся на скамейке, вытянул ноги и, заложив руки за голову, напряг мышцы всего тела. Как обычно, при этом его суставы громко хрустнули.

Он имел в виду историю, которую я как-то ему рассказал. Моя подруга нашла однажды в сушилке прачечной двух почти мертвых котят. Она взяла их домой, выходила, и со временем котята выросли в двух огромных котов – черного и рыжего. Через два года она продала свой дом. Поскольку взять котов с собой не было возможности, а новых хозяев для них не нашлось, оставалось единственное – отвезти их в ветеринарную больницу, чтобы там их усыпили.

Я помогал ей отвозить котов в больницу. Коты никогда раньше не бывали в машине, и она старалась их успокоить. Они царапались и кусались, особенно рыжий, по кличке Макс. Когда мы, наконец, подъехали к больнице, она взяла черного кота на руки и, ни слова не говоря, вышла из машины. Кот играл с ней, слегка трогая ее лапой, когда она толкнула стеклянную дверь.

Я взглянул на Макса. Он сидел на заднем сидении. Мое движение, должно быть, испугало его, потому что он нырнул под сидение водителя. Я откинул сидение, так как не хотел лезть за ним, опасаясь, что он исцарапает мне руки. Кот лежал в углублении пола машины. Он казался сильно возбужденным и учащенно дышал. Он смотрел на меня. Наши глаза встретились, и непреодолимое чувство овладело мной: какая-то тревога, отчаяние или, возможно, смущение оттого, что я принимаю участие в этом деле.

Мне захотелось объяснить Макс, что это было решением моей подруги, а я только помогаю ей. Кот продолжал смотреть на меня, как бы понимая мои слова.

Я посмотрел, не идет ли она. Через стеклянную дверь я видел, как она разговаривает с приемщицей. Тело мое ощутило странный толчок, и я автоматически открыл дверь.

– Беги, Макс, беги! – сказал я коту. Он выпрыгнул из машины и помчался через улицу, стелясь над землей, как настоящая дикая кошка. Противоположная сторона улицы была пустой. Машины там не стояли, и я видел, как Макс бежит по улице вдоль тротуара. Он добежал до угла бульвара, а затем нырнул в канализационный люк.

Моя подруга вернулась. Я сказал ей, что Макс убежал. Она села в машину, и мы уехали, не проронив ни слова.

В последующие месяцы этот инцидент стал для меня символом. Я видел, а может и вообразил, странный блеск в глазах Макса, когда он взглянул на меня, прежде чем выпрыгнуть из машины. И я верил в то, что на какое-то мгновение это кастрированное, перекормленное и бесполезное животное-игрушка стало настоящим котом.

Я убежден, сказал я дону Хуану, что Макс перебежал улицу и нырнул в канализационный люк, когда его «кошачий дух» был безупречен, и, возможно, не было другого времени в его жизни, когда его «кошачесть» была столь очевидной. Этот случай произвел на меня неизгладимое впечатление.

Я рассказывал эту историю всем своим друзьям, и все больше удовольствия доставляло мне отождествление себя с этим котом.

Я считал себя похожим на Макса, чересчур разбалованного, одомашненного всевозможными способами, и все же я надеялся, что однажды человеческий дух сможет овладеть всем моим существом точно так же, как дух «кошачести» овладел разжиревшим и бесполезным телом Макса.

Дону Хуану история понравилась, и он сделал несколько замечаний на этот счет. Он сказал, что не так уж сложно позволить человеческому духу потечь и овладеть нами. Однако поддерживать его способен лишь воин.

– Так что об истории с кошками? – спросил я.

– Ты, кажется, веришь, что используешь свой шанс, как это сделал Макс?

– Да, я верю, что это так.

– Я пытался рассказать тебе, что, будучи воином, ты не можешь просто верить и этом остановиться. Например, в случае с Максом «должен верить» означает, что ты принимаешь тот факт, что его побег мог быть совершенно бесполезным порывом. Он мог нырнуть в канализационный люк и погибнуть. Он мог утонуть или умереть от голода, или же его могли съесть крысы. Воин учитывает все эти возможности, а затем выбирает верить в ту из них, которая соответствует его глубочайшему предрасположению.

Как воин ты должен верить, что Макс сделал это – то есть, что он не только убежал, но и сохранил свою силу. Ты должен верить в это. Скажем так, без этой веры у тебя нет ничего.

Различие стало ясным. Я подумал, что действительно избрал верить, что Макс выжил, зная, что он избалован жизнью на мягких подушках.

– Верить – это нечто надежное, – продолжал дон Хуан. – Должен верить – нечто совершенно иное, – и в этом случае, например, сила дала тебе великолепный урок. Но ты предпочел использовать лишь часть его. Однако если ты должен верить, то должен использовать все событие.

– Я понял, что ты имеешь в виду, – сказал я. Мне действительно казалось, что я понимаю его с необыкновенной ясностью.

– Боюсь, что ты все еще не понял, – сказал он почти шепотом и пристально посмотрел на меня. Секунду я выдерживал его взгляд.

– Как насчет другого кота? – спросил он.

– А? Другого кота? – повторил я невольно.

Я забыл о нем. Мой символ касался только Макса. Другой кот не имел ко мне никакого отношения.

– Но он имеет! – воскликнул дон Хуан после того, как я сказал ему об этом.

– Должен верить означает, что ты должен знать и принимать в расчет и другого кота, того, который игриво лизал руки, несущие его к року. Это был тот кот, который пошел к своей смерти доверчиво, полный своих кошачий суждений.

Ты думаешь, что похож на Макса, и поэтому ты забыл о другом коте. Ты даже не знаешь его имени. Должен верить означает, что ты обязан учитывать все, и прежде чем решить, что ты похож на Макса, ты должен принять в расчет, что ты можешь быть похож и на другого кота. Вместо того чтобы бежать, спасая свою жизнь, и использовать каждый шанс, ты, быть может, так же идешь навстречу року, наполненный своими суждениями.

В его словах была непонятная печаль, а может быть печаль была моей. Долгое время мы молчали. Мне действительно никогда не приходило в голову, что я могу быть похожим и на второго кота. Мысль об этом была для меня очень неприятной.

Из состояния задумчивости меня вывела суета и приглушенный шум голосов. Полицейские разгоняли людей, столпившихся вокруг человека, лежащего на траве. Кто-то положил ему под голову свернутый пиджак. Человек лежал параллельно улице лицом к востоку. С того места, где я сидел, я почти наверняка мог сказать, что его глаза были открыты.

Дон Хуан вздохнул.

– Какой чудесный день, – сказал он, глядя на небо.

– Я не люблю Мехико, – сказал я.

– Почему?

– Я ненавижу смог.

Он слегка покачал головой, как бы соглашаясь со мной.

– Лучше бы мы были с тобой в горах или в пустыне, – сказал я.

– На твоём месте я бы так не говорил, – ответил он.

– Но я не имел в виду ничего предосудительного, дон Хуан.

– Мы оба знаем это. Однако имеет значение не то, что ты имел в виду. Воин, как и любой другой человек, в этом смысле, не имеет возможности желать быть где-нибудь в другом месте, потому что воин живет по вызову, а обычный человек не знает, где найдет его смерть. Взгляни на того мужчину, который лежит сейчас на траве. Как ты думаешь, что с ним?

– Пьян, наверное, или болен.

– Он умирает! – с абсолютной уверенностью сказал дон Хуан. – Как только мы сели здесь, я сразу же увидел отблеск смерти,

которая кружилась вокруг него. Вот почему я запретил тебе вставать. Что бы там ни было – дождь или солнце – но ты не должен вставать с этой скамейки, пока все не выяснится. Это и есть тот знак, которого мы ожидали. Сейчас конец дня, и солнце уже коснулось горизонта. Это твой час силы. Взгляни! Картина умирающего человека – только для нас.

И он указал мне, что с того места, где мы сидели, ничто не мешало нам видеть этого человека. Толпа зевак собралась возле него полукругом с противоположной от нас стороны.

Картина человека, лежащего на траве, стала очень беспокоить меня. Он был худощавый, темнокожий, еще молодой. Его черные волосы были короткими и вились. Рубашка была расстегнута, грудь открыта. На нем была оранжевая кофта с дырами на локтях, старые серые брюки и выцветшие развязанные ботинки. Он был напряжен. Я не мог сказать, дышит он или нет. Я раздумывал над тем, действительно ли этот человек умирает или же дон Хуан просто использует ситуацию для обоснования своей позиции. Я не раз уже обращал внимание, что каким-то образом ему всегда удавалось любое событие подгонять под свои таинственные схемы.

После долгого молчания я повернулся к дону Хуану. Его глаза были закрыты.

– Этот человек сейчас умрет, – сказал он, не поднимая век. – Хотя ты и не веришь этому, правда? – Он открыл глаза, и секунду пристально на меня смотрел. Его взгляд был настолько пронзительным, что ошеломил меня.

– Не верю, – сказал я.

Мне действительно казалось, что все было слишком уж просто, словно кем-то подстроено. Не успели мы прийти в парк и сразу же наткнулись на умирающего человека.

– Мир подстраивается под себя самого⁷, – сказал он в ответ на мои сомнения. – Это не что-то подстроенное, а знак, действие силы.

Мир разума превращает это в событие, которое ненадолго предстает перед нами на нашем пути к более важным делам. Все, что мы можем об этом сказать, это то, что какой-то человек просто лежит на траве, наверное, пьяный.

Но мир, поддерживаемый волей, превращает это в действие силы, которое мы можем видеть. Мы можем видеть смерть, кружащую вокруг человека. Она все глубже и глубже погружает свои когти в его светящиеся волокна, и они, медленно теряя свое натяжение, исчезают одно за другим.

Вот две возможности, открытые для нас как для светящихся существ. Ты – где-то посередине, все еще желая, чтобы мир был под рубрикой разума. И все-таки, как ты не можешь отрицать тот факт, что твоя личная сила накрутила знак. Мы пришли в этот парк после того, как ты нашел меня именно там, где я тебя ждал. В какой-то момент ты просто наткнулся на меня, не думая, ничего не планируя, не используя намеренно свой разум. А затем мы садимся здесь и ждем знака. Оба мы начинаем осознавать этого человека, но каждый замечает его по-своему. Ты – своим разумом, я – своей волей.

Этот умирающий – и есть тот кубический сантиметр шанса, который сила всегда предоставляет воину. Искусство воина состоит в том, чтобы всегда быть текучим для того, чтобы выхватить его. Я его выхватил, а как насчет тебя?

Я не отвечал, начиная осознавать бесконечную пропасть внутри себя, и на какое-то мгновение действительно ощутил те два мира, о которых он говорил.

– Какой это исключительный знак! – продолжал дон Хуан. – И все для тебя. Сила показала тебе, что смерть – это необходимая добавка к долгу верить. Без осознания смерти все становится обычным, незначительным. Мир потому и является неизмеримой

⁷ The world adjust itself to itself

загадкой, что смерть постоянно отслеживает нас. Сила показала тебе это. Что касается меня, то я лишь собрал воедино детали этого знака, чтобы указать тебе направление. Однако, собирая эти детали, я также должен показать тебе, что все, сказанное мною тебе сегодня, – это то, во что я должен верить сам, потому что таково предрасположение моего духа.

Мгновение мы смотрели друг другу в глаза.

– Помнишь, ты читал мне стихотворение, – сказал он, отводя глаза. – О человеке, который дал обет умереть в Париже. Как там?

Это было стихотворение Сесара Вальехо «Черный камень на белом камне». Я не раз читал ему по его просьбе первые две строфы. ✦

Это стихотворение вызывало у меня чувство невыразимой печали.

Дон Хуан прошептал, что я должен верить, что у умирающего было достаточно личной силы, чтобы самому избрать улицы Мехико местом своей смерти.

*Я умру в Париже, когда идет дождь.
В день, который я уже помню.
Я умру в Париже – и не убегу прочь
Может быть, осенью, во вторник, как сегодня.
Это будет вторник, потому что сегодня.
Когда я пишу эти строки – вторник.
Я костями чувствую этот поворот.
И никогда как сегодня за весь мой путь
Я не видел себя настолько одиноким.*

– Мы снова возвращаемся к истории о двух котах, – сказал он. – Мы должны верить, что у Макса было достаточно личной силы, чтобы осознать то, что подкрадывалась к нему и, подобно этому человеку на траве, сознательно выбрать, по крайней мере, место своего конца. Но был и другой кот, как есть и другие люди, чья смерть окружит их, когда они будут одни и не будут осознавать этого, глядя на стены и потолок своей опостылевшей, скучной комнаты.

С другой стороны, этот человек умирает там, где он всегда жил – на улице. Трое полицейских – его почетный караул. И когда он угасал, его глаза уловили последний отблеск огня в магазинах на противоположной стороне улицы, машины, деревья и вереницы людей, снующих вокруг, а его уши были наполнены в последний раз

звуками транспорта и голосами проходящих мимо мужчин и женщин.

Так что, как видишь, без осознания присутствия нашей смерти нет ни силы, ни тайны.

Я долго смотрел на человека. Он не двигался. Возможно, он был действительно мертв. Но мое неверие не имело больше никакого значения. Дон Хуан был прав. Долг верить, что мир таинственен и непостижим, был выражением самого глубокого предрасположения воина, без которого он не имел ничего.

2. Остров тональ

Мы встретились на следующий день в том же парке около полудня. Он и сегодня был в своем коричневом костюме. Сняв пиджак, он тщательно, но с изящной небрежностью сложил его и положил на скамейку. Его небрежность казалась одновременно и рассчитанной и совершенно естественной. Я поймал себя на том, что попросту глазею на него. Он, казалось, осознавал парадокс, перед которым меня поставил, и улыбался. Он поправил галстук. Бежевая рубашка с длинными рукавами шла ему чрезвычайно.

– На мне все еще этот костюм, потому что я хочу сказать тебе одну очень важную вещь, – сказал он, похлопав меня по плечу. – Вчера ты выступил хорошо, а сейчас самое время прийти к некоторому окончательному соглашению.

Он сделал долгую паузу. Казалось, он готовится к важному заявлению. У меня появилось странное ощущение в животе. Я немедленно заключил, что он собирается открыть мне объяснение магов. Он пару раз поднимался и начинал прохаживаться, как будто ему трудно было подобрать слова.

– Пойдем в ресторан напротив и перекусим, – сказал он наконец.

Он развернул свой пиджак и, прежде чем надеть его, показал мне, как тот превосходно сшит.

– Сделано на заказ, – сказал он и улыбнулся так, как если бы гордился этим, как если бы это имело значение.

– Я должен был обратить на это твое внимание, а то бы ты просто не заметил. Сейчас очень важно, чтобы ты это осознал. Ты начинаешь осознавать все только тогда, когда думаешь, что должен делать это. Воин же находится в состоянии постоянного осознания всего.

Мой костюм и все эти мелочи важны, потому что по ним можно судить о моем состоянии в жизни, или, скорее, о состоянии одной из двух частей моей целостности. Этот разговор давно назрел. Я чувствую, что сейчас для него пришло время. Но он должен быть проведен как следует, или это совсем не будет иметь для тебя смысла. Я хотел при помощи костюма дать тебе первый намек. Я считаю, что ты его получил. Теперь время поговорить, потому что полное понимание этой темы без разговора невозможно.

– Что это за тема, дон Хуан?

– Целостность самого себя.

Он резко поднялся и повел меня в ресторан в большом отеле напротив. Хозяйка довольно недружелюбно показала нам столик в дальнем углу. Очевидно, места для избранных были вдоль окон.

Я сказал дону Хуану, что эта женщина напомнила мне другую хозяйку в Аризоне, где мы с ним когда-то ели. Прежде чем вручить нам меню, та спросила, хватит ли у нас денег, чтобы расплатиться.

– Я не виню этих бедных женщин, – сказал дон Хуан, словно сочувствуя ей. – Эта так же, как и та, другая, боится мексиканцев.

Он мягко засмеялся. Несколько посетителей ресторана обернулись и посмотрели на нас.

Дон Хуан сказал, что, сама того не зная, а то и вопреки своему желанию, хозяйка отвела нам самый лучший столик в зале. Здесь мы можем свободно разговаривать, а я могу писать сколько душе угодно.

Как только я вынул блокнот из кармана и положил его на стол, к нам внезапно подлетел официант. Казалось, он тоже был в плохом настроении. Он стоял над нами с вызывающим видом.

Дон Хуан начал заказывать для себя весьма сложный обед. Он заказывал, не глядя в меню, как если бы знал его наизусть. Я растерялся. Официант появился неожиданно, и я не успел даже заглянуть в меню, поэтому сказал, что хочу то же самое.

Дон Хуан пошептал мне на ухо: – Держу пари, у них нет ничего из того, что я заказал.

Он уютно устроился в кресле и предложил мне расслабиться и сесть поудобнее, потому что пройдет целая вечность, пока нам приготовят обед.

– Ты на очень примечательном перекрестке, – сказал он. – Может быть, на последнем и самом трудном для понимания. Наверное, некоторые вещи из того, что я скажу тебе, полностью ясными не станут никогда. Но они и не должны быть ясными. Поэтому не смущайся и не будь обескураженным. Все мы – изрядные тупицы, когда вступаем в мир магии. Да и это не гарантирует нам перемен к лучшему. Некоторые из нас остаются идиотами до самого конца.

Мне понравилось, что он включил и себя в число идиотов. Я знал, что он сделал это не по доброте душевной, но чтобы я лучше усвоил сказанное.

– Не теряйся, если ты не уловишь смысла того, что я скажу тебе, – продолжал он. – Учитывая твой темперамент, я боюсь, что ты можешь выбиться из сил, стремясь понять. Не надо! То, что я собираюсь сказать, лишь укажет тебе направление.

Внезапно меня охватила тревога. Предупреждение дона Хуана вызвало у меня в уме настоящий хаос. Он и раньше предупреждал меня точно таким же образом, и всякий раз это оборачивалось каким-нибудь разрушительным событием.

– Я начинаю очень нервничать, когда ты так разговариваешь со мной, – сказал я.

– Знаю, – сказал он спокойно. – Я специально заставляю тебя подняться на цыпочки. Мне нужно твое внимание, твое нераздельное внимание.

Он сделал паузу и взглянул на меня. У меня вырвался нервный смешок. Я знал, что он нарочно усиливает драматические возможности ситуации, насколько это возможно.

– Я говорю тебе все это не для эффекта, – сказал он, как бы прочитав мои мысли. – Я просто даю тебе время для правильной настройки.

В этот момент к нашему столу подошел официант и заявил, что у них нет ничего из заказанного нами. Дон Хуан громко рассмеялся и заказал тортильи с мясом и бобы. Официант презрительно усмехнулся и, сказав, что они такого не готовят, предложил бифштекс и цыпленка. Мы выбрали суп. Ели мы молча. Мне суп не понравился, и я его так и не доел, но дон Хуан съел свой полностью.

– Я надел свой пиджак, – сказал он внезапно, – для того, чтобы рассказать уже известные тебе вещи. Но чтобы это знание стало эффективным, оно нуждается в разъяснении. Я откладывал это до сих пор, потому что Хенаро считает, что недостаточно одного твоего желания пойти по пути знания. Твои усилия, сами по себе, должны быть достаточно безупречны, чтобы ты стал достойным этого знания. Ты действовал хорошо. Теперь я расскажу тебе объяснение магов.

Он опять сделал паузу, потер щеки и подвигал языком внутри рта, как бы ощупывая зубы.

– Я собираюсь рассказать тебе о тонале и нагуале, – сказал он наконец и пронзительно посмотрел на меня.

Мне впервые за время нашего знакомства довелось услышать от него эти два термина. Я смутно помнил их из антропологической литературы о культурах центральной Мексики. Я знал, что «тональ» (произносится как тох-на'хл) был своего рода охранительным духом, обычно животным, которого ребенок получал при рождении и с которым он был связан глубокими узами до конца своей жизни.

«Нагуаль» (произносится как нах-уа'хл) – название, дававшееся или животному, в которое маг мог превращаться, или тому магу, который практиковал такие превращения.

– Это мой тональ, – сказал дон Хуан, потерев руками грудь.

– Твой костюм?

– Нет, моя личность.

Он похлопал себя по груди, по ногам и по ребрам.

– Мой тональ – все это.

Он объяснил, что каждое человеческое существо имеет две стороны, две отдельных сущности, две противоположности, начинающие функционировать в момент рождения. Одна называется «тональ», другая – «нагуаль».

Я рассказал ему о мнении антропологов об этих двух понятиях.

Он позволил мне говорить, не перебивая.

– Ну, все что ты о них знаешь или думаешь – сплошная ерунда, – сказал он наконец. – Я могу заявить это с полной уверенностью, потому что ты ни коим образом не мог знать того, что я скажу о тоне и нагуале. Дураку ясно, что ты ничего об этом не знаешь: для того, чтобы познакомиться с этим, следует быть магом. А ты – не маг. Ты мог поговорить об этом с другим магом, но этого не было. Поэтому отбрось то, что ты слышал об этом раньше, потому что это никому не нужно.

– Это было только замечание, – сказал я.

Он комически поднял брови.

– Сейчас твои замечания неуместны, – сказал он, – На этот раз мне нужно твое нераздельное внимание. Я собираюсь познакомить тебя с тоналем и нагуалем. У магов к этому знанию интерес особый и уникальный. Я бы сказал, что тональ и нагуаль находятся исключительно в сфере людей знания. Для тебя это пока та заслонка, которая закрывает все то, чему я тебя обучал. Поэтому я и ждал до этих пор, чтобы рассказать тебе о них.

Тональ – это не животное, которое охраняет человека. Я бы сказал, пожалуй, что это хранитель, который может быть представлен и как животное, но это не главное.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

– Теперь я использую твои собственные слова, – сказал он, – Тональ – это социальное лицо.

Он засмеялся, как мне показалось, над моим недоумением.

– Тональ является по праву защитником, хранителем. Хранителем, который чаще всего превращается в охранника.

Пытаясь быть внимательным к его словам, я неловко обращался с блокнотом. Он засмеялся и передразнил мои нервные движения.

– Тональ – это организатор мира, – продолжал он, – Может быть, лучше всего его колоссальную работу было бы определить так: на его плечах покоится задача превращения хаоса в мир порядка. Не будет преувеличением сказать, что все, что мы знаем и делаем как люди, – работа тоналя. Так говорят маги.

В данный момент, например, все, что участвует в попытке найти смысл в нашем разговоре, является тоналем. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и из моих слов ты не понял бы ничего.

Скажу далее, тональ – это хранитель, который охраняет нечто бесценное – само наше существование. Поэтому врожденными качествами тоналя являются уклончивость⁸ и ревнивость относительно своих действий. А поскольку его действия являются самой что ни на есть важной частью нашей жизни, то не удивительно, что он в конце концов в каждом из нас превращается из хранителя в охранника.

Он остановился и спросил, понял ли я. Я машинально кивнул головой, и он недоверчиво улыбнулся.

– Хранитель мыслит широко и все понимает, – объяснил он. – Но охранник – бдительный, ограниченный и чаще всего деспот. Я бы сказал, что тональ во всех нас превратился в мелочного и

⁸ Sagey – уклончивый в ответах, осторожный.

деспотичного охранника, тогда как он должен быть широко мыслящим хранителем.

Я явно не улавливал нити его объяснения. Хотя я расслышал и записал каждое слово, но, казалось, был привязан к какому-то своему внутреннему диалогу.

– Мне очень трудно следить за тобой, – пожаловался я.

– Если бы ты не цеплялся за разговоры с самим собой, то у тебя не было бы этих трудностей, – отрезал он.

Я начал долго и нудно объяснять что-то в свою защиту, но в конце концов спохватился и извинился за свою привычку постоянно оправдываться.

Он улыбнулся и жестом дал понять, что мое поведение ему не досаждают.

– Тональ – это все, чем мы являемся, – продолжал он. – Назови его! Все, для чего у нас есть слово – это тональ. А поскольку тональ и есть его собственные деяния, то все, естественно, должно подпадать под его сферу.

Я напомнил ему, что он сказал, будто бы «тональ» является «социальным лицом». Этим термином в разговорах с ним пользовался я сам, чтобы определить человека как конечный результат процесса социализации. Я указал, что если «тональ» был этим результатом, то он не может быть «все», потому что мир вокруг нас не является результатом социальных процессов.

Дон Хуан возразил, что мой аргумент для него безоснователен, ведь он уже говорил мне, что никакого мира в широком смысле не существует, а есть только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как нечто само собой разумеющееся.

– Тональ – это все, что мы знаем, – сказал он, – Я думаю, что это само по себе уже достаточная причина, чтобы тональ был настолько подавляющей⁹ вещью.

Он на секунду остановился, явно ожидая вопросов или замечаний, но у меня их не было. Но я все-таки чувствовал себя обязанным задать вопрос и попытаться сформулировать подходящий. Мне это не удалось. Я чувствовал, что те предостережения, которыми он начал этот разговор, каким-то образом удерживали меня от задавания любых вопросов. Меня охватило непонятное оцепенение, и я был неспособен сосредоточиться и привести в порядок свои мысли. Фактически, я чувствовал и знал без тени сомнения, что не способен думать, но знал это не думая, если только такое возможно.

Я взглянул на дона Хуана. Он смотрел на среднюю часть моего тела. Но вот он поднял глаза, и ко мне мгновенно вернулась ясность мысли.

– Тональ – это все, что мы знаем, – медленно повторил он. – И это включает не только нас как личности, но и все в нашем мире. Можно сказать, что тональ – это все, что мы способны видеть глазами.

Мы начинаем возвращать его с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, с ним мы вдыхаем и силу для тоналя. Поэтому правильным будет сказать, что тональ человеческого существа сокровенно связан с его рождением.

Ты должен запомнить это. Понимание всего этого очень важно. Тональ начинается с рождения и заканчивается смертью.

Мне хотелось, чтобы он повторил все это еще раз, и уже открыл было рот, чтобы попросить его об этом, но к своему изумлению не смог произнести ни слова. Эта моя неспособность говорить была очень любопытной. Слова мои были тяжелыми, и у меня совершенно не было возможности контролировать это ощущение.

⁹ Overpowering – непреодолимый, подавляющий; необоримый, неодолимый; всепоглощающий.

Я взглянул на дона Хуана, пытаюсь показать ему, что я не могу говорить. Он опять смотрел на мой живот. Потом он поднял глаза и спросил, как я себя чувствую.

Слова полились из меня, словно прорвало плотину. Я рассказал ему, что испытывал любопытное ощущение, будто я не могу ни говорить, ни думать, и в то же время мои мысли были кристально ясными.

– Твои мысли были кристально ясными? – переспросил он.

И тут я понял, что ясность относилась не к моим мыслям, а только к моему восприятию мира.

– Ты что-нибудь делаешь со мной, дон Хуан? – спросил я.

– Я пытаюсь убедить тебя в том, что твои замечания не нужны, – сказал он и засмеялся.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я задавал вопросы?

– Нет, нет, спрашивай все, что хочешь, только не позволяй отвлекаться своему вниманию.

Я вынужден был признать, что растерялся из-за безбрежности темы.

– Я все еще не могу понять, дон Хуан, что ты подразумеваешь под утверждением, что тональ – это все? – спросил я после секундной паузы.

– Тональ – это то, что создает мир.

– Тональ является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

– Тональ создает мир только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и, тем не менее, он творит мир, потому что его функция – судить, оценивать и свидетельствовать. Я говорю, что тональ творит мир, потому что он свидетельствует и оценивает

его согласно своим правилам, правилам тоналя. Очень странным образом тональ является творцом, который не творит ни единой вещи. Другими словами, тональ создает законы, посредством которых он постигает¹⁰, значит, в каком-то смысле он творит мир.

Дон Хуан мурлыкал популярную мелодию, отбивая ритм пальцами на краю стула. Его глаза сияли. Казалось, они искрятся. Он усмехнулся и покачал головой.

– Ты не следишь за мной, – сказал он и улыбнулся.

– Я слежу, нет проблем, – сказал я не очень убежденно.

– Тональ – это остров, – объяснил он. – Лучшим способом описать его будет сравнение вот с этим.

Он пробежал рукой над поверхностью стола.

– Мы можем сказать, что тональ похож на поверхность этого стола, он похож на остров, и на этом острове мы имеем все. Этот остров фактически является миром.

У каждого из нас есть личные тоналы и есть коллективный тональ для нас всех в любое определенное время, и его мы можем назвать тоналем времени.

Он показал на ряд столов в ресторане.

– Взгляни, все столы одинаковы, на каждом из них есть одни и те же предметы. Но каждый из них имеет и свои собственные индивидуальные отличия. За одним столом больше людей, чем за другим. На них разная пища, разная посуда, различная атмосфера. Но мы должны согласиться, что все столы в ресторане очень похожи. То же происходит и с тоналем. Можно сказать, что тональ времени – это то, что делает нас похожими, как он делает похожими все столы в ресторане. Тем не менее каждый отдельный стол индивидуален, как и личный тональ каждого из нас. Однако следует помнить очень важную вещь: все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, находится на острове тоналя. Понимаешь, о чем я?

¹⁰ To apprehend – понимать, постигать, разгадывать, схватывать.

– Если тональ – это все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, то что же такое нагуаль?

– Нагуаль – это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

– Прости, я не понял.

– Нагуаль – это та часть нас, для которой нет никакого описания – ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний.

– Но это противоречие, дон Хуан. По моему мнению, если это нельзя почувствовать, описать или назвать, то оно просто не существует.

– Это – противоречие только по твоему мнению. Я предупреждал тебя ранее, чтобы ты не выбивался из сил, стараясь понять это.

– Не хочешь ли ты сказать, что нагуаль – это ум?

– Нет, ум – это предмет на столе, ум – это часть тоналя. Скажем так, ум – это чилийский соус. Он взял бутылку соуса и поставил ее передо мной.

– Может быть, нагуаль – это душа?

– Нет, душа тоже на столе. Скажем, душа – это пепельница.

– Может, это мысли людей?

– Нет, мысли тоже на столе. Мысли – столовое серебро.

Он взял вилку и положил ее рядом с бутылкой соуса и пепельницей.

– Может, это состояние благодати, небеса?

– И не это тоже. Это, чем бы оно ни было, часть тоналя. Это, скажем, – бумажная салфетка.

Я продолжал перечислять всевозможные способы описания того, о чем он говорит: чистый интеллект, психика, энергия, жизненная сила, бессмертие, принцип жизни. Для всего, что я называл, он находил на столе что-нибудь для сравнения и ставил это напротив меня, пока все предметы на столе не были собраны в одну кучу.

Дон Хуан, казалось, наслаждался бесконечно. Он посмеивался, потирая руки каждый раз, когда я высказывал очередное предположение.

– Может быть, нагуаль – это Высшая Сущность, Всемогущий, Господь Бог? – спросил я.

– Нет, Бог тоже на столе. Скажем так, Бог – это скатерть.

Он сделал шутливый жест, как бы скомкав скатерть и положив ее передо мной к другим предметам.

– Но значит, по-твоему, Бога не существует?

– Нет, я не сказал этого. Я сказал только, что нагуаль – не Бог, потому что Бог – часть нашего личного тоналя и тоналя времени. Итак, тональ – это все то, из чего, как мы думаем, состоит мир, включая и Бога, конечно. Бог не более важен, чем часть тоналя нашего времени.

– В моем понимании, дон Хуан, Бог – это все. Разве мы не говорим об одной и той же вещи?

– Нет, Бог – это всего лишь все то, о чем ты можешь думать, поэтому, правильно говоря, он только один из предметов на этом острове. Нельзя увидеть Бога по собственному желанию, о нем можно только говорить. Нагуаль же всегда к услугам воина, ты можешь быть его свидетелем, но о нем невозможно сказать словами.

– Если нагуаль не является ни одной из тех вещей, которые я перечислил, то, может быть, ты сможешь сказать мне о его местоположении. Где он?

Дон Хуан сделал широкий жест и показал на пространство вокруг стола. Он провел рукой, как если бы ее тыльной стороной очистил воображаемую поверхность за краями стола.

– Нагуаль – там, – сказал он. – Там, вокруг острова. Нагуаль там, где находится (свободно парит) сила. Мы чувствуем с самого момента рождения, что есть две части нас самих. В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком нагуалем. Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. Тональ отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем тональ начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего функционирования. Настолько необходимым, что затеняет сияние нагуаля, подавляет его. С того момента, когда мы целиком становимся тоналем, мы не делаем ничего другого, кроме как увеличиваем то старое чувство неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть еще и другая часть, которая дала бы нам целостность.

С того момента, как мы становимся целиком тоналем, мы начинаем составлять пары. Мы ощущаем две наши стороны, но всегда представляем их предметами тоналя. Мы говорим, что две наши части – душа и тело, или мысль и материя, или добро и зло, Бог и дьявол. Мы никогда не осознаем, что просто объединяем в пары вещи на одном и том же острове, как кофе и чай, хлеб и лепешки или чилийский соус и горчицу. Скажу я тебе, мы – странные животные. Нас унесло в сторону, и в своем безумии мы верим сами себе, создавая идеальный смысл.

Дон Хуан поднялся и обратился ко мне с видом оратора. Он ткнул в меня указательным пальцем и затряс головой.

– Человек движется не между добром и злом, – сказал он смехотворно-риторически, схватив солонку и перечницу и потрясая ими, – его истинное движение – между отрицательным и положительным.

Он поставил солонку и перечницу и схватил нож и вилку.

– Вы не правы! Никакого движения тут нет, – продолжал он, как бы возражая сам себе. – Человек – это только разум.

Он взял бутылку соуса и поднял ее. Затем опустил.

– Как видишь, – сказал он мягко, – мы легко можем заменить разум чилийским соусом и договориться до того, что «человек – это только чилийский соус». Это не сделает нас более сумасшедшими, чем мы уже есть.

– Боюсь, я задал неверный вопрос, – сказал я, – Может я бы лучше понял, если бы спросил, что именно человек может найти в области за островом.

– Нет возможности ответить на это. Если я скажу – «ничего», то я только сделаю нагуаль частью тоналя. Могу сказать только, что за границами острова человек находит нагуаль.

– Но когда ты называешь его нагуалем, разве ты не помещаешь его на остров?

– Нет, я назвал его только затем, чтобы дать тебе возможность осознать его существование.

– Хорошо! Но разве мое осознание не превращает нагуаль в новый предмет моего тоналя?

– Боюсь, что ты не понимаешь. Я назвал нагуаль и тональ как истинную пару. Это все, что я сделал.

Он напомнил мне, как однажды, пытаясь объяснить ему свою настойчивую потребность во всем находить смысл, я говорил, что дети, может быть, не способны воспринимать разницу между «отцом» и «матерью», пока не достаточно разовьются с точки зрения понимания смысла. И что они, возможно, верят, что отец – это тот, кто носит брюки, а мать – юбки, или учитывают какие-нибудь другие различия в прическе, сложении или предметах одежды.

– Мы явно делаем то же самое с нашими двумя частями, – сказал он, – Мы чувствуем, что есть еще одна часть нас самих, но когда стараемся определить эту другую сторону, тональ захватывает рычаги управления, а как директор он крайне мелочен и ревнив. Он ослепляет своими хитростями и заставляет нас забыть малейшие намеки на другую часть истинной пары – нагуаль.

3. День тоналя

Когда мы выходили из ресторана, я сказал дону Хуану, что он был прав, предупреждая меня о трудности темы. Всей моей интеллектуальной удали явно не хватало для того, чтобы ухватить его концепции и объяснения. Я сказал, что если пойду в гостиницу и почитаю свои заметки, то наверное смогу лучше понять эту тему. Он попытался расслабить меня, сказав, что не стоит так волноваться по поводу слов.

Пока он говорил, я ощутил дрожь и на мгновение почувствовал, что внутри меня действительно есть другая область. Когда я сказал об этом дону Хуану, он посмотрел на меня с нескрываемым любопытством. Я объяснил, что подобные ощущения бывали со мной и раньше. Они, казалось, были кратковременными провалами, разрывами в моем потоке сознания. Обычно они начинались с ощущения толчка в теле, после чего я чувствовал себя как бы взвешенным в чем-то.

Мы, не спеша, пошли к центру города. Дон Хуан попросил подробнее рассказать об этих «провалах», но мне было крайне трудно описать их, кроме как называя моментами забывчивости, рассеянности, невнимательности к тому, что я делал. Он терпеливо не согласился со мной, сказав, что я был требовательным человеком, имел отличную память и был очень внимателен к своим действиям.

Сначала я связывал эти странные провалы с остановкой внутреннего диалога, но затем вспомнил, что они случались со мной и тогда, когда я вовсе разговаривал сам с собой. Казалось, они исходили из области, независимой от всего того, что я знаю.

Дон Хуан похлопал меня по спине, удовлетворенно улыбаясь.

— Наконец-то ты начинаешь устанавливать реальные связи, — сказал он.

Я попросил его объяснить это загадочное явление, но он резко оборвал разговор и сделал знак следовать за ним. Мы пришли в небольшой парк перед собором.

– Здесь мы и остановимся, – сказал он, садясь на скамейку. – Это идеальное место для наблюдения за людьми. Отсюда мы сможем видеть как прохожих на улице, так и людей, идущих в церковь.

Он указал на широкую людную улицу и на дорожку, усыпанную гравием, ведущую к церкви. Наша скамья находилась как раз посередине между церковью и улицей.

– Это моя любимая скамейка, – сказал он, поглаживая ее.

Он подмигнул мне и добавил с улыбкой:

– Она любит меня, вот почему на ней никто не сидит. Она знала, что я приду.

– Скамейка знала?

– Нет, не скамейка – мой нагуаль.

– Нагуаль имеет сознание? Он осознает предметы?

– Конечно, он осознает все. Вот почему меня интересует твой отчет. То, что ты называешь провалами и ощущениями – это нагуаль. Чтобы говорить о нем, мы должны заимствовать понятия с острова тональ, поэтому лучше не объяснять его, а просто говорить о его эффектах.

Мне хотелось поговорить об этих странных ощущениях, но он велел мне замолчать.

– Хватит, сегодня не день нагуаля. Сегодня – день тоналя. Я надел костюм, потому что сегодня я – целиком тональ.

Он смотрел на меня. Я хотел сказать ему, что эта тема, похоже, оказалась для меня труднее всего, что он когда-либо объяснял. Он, казалось, предвидел мои слова.

– Это трудно, – продолжал он. – Я знаю это. Но поскольку эта тема является твоим последним барьером и заключительным этапом моего учения, можно без преувеличения сказать, что она охватывает все, о чем я говорил тебе с первого дня нашей встречи.

Мы долго молчали. Я чувствовал, что мне нужно подождать, пока он не продолжит свое объяснение, но ощутил внезапный приступ тревоги и поспешно спросил:

– Нагуаль и тональ внутри нас?

Он пристально посмотрел на меня.

– Очень трудный вопрос, – сказал он. – Сам ты сказал бы, что они внутри нас. Я бы сказал, что это не так, но мы оба были бы неправы. Тональ твоего времени призывает тебя утверждать, что все, имеющее отношение к твоим мыслям и чувствам, находится внутри тебя. Тональ магов говорит противоположное – все снаружи. Кто прав? Никто. Внутри ли, снаружи – это совершенно не имеет значения.

Я не отступал. Я сказал, что когда он говорит о «тонале» и «нагуале», то это звучит так, словно существует еще и третья часть. Он сказал, что «тональ» «заставляет нас» совершать поступки. Я поинтересовался; кого это «нас»?

Он уклонился от прямого ответа.

– Все это не так просто объяснить, – сказал он. – Какими бы умными ни были контрольные пункты тоналя, факт в том, что нагуаль иногда поднимается на поверхность. Однако его проявления всегда ненамеренны. Величайшее искусство тоналя – это подавление любых проявлений нагуаля таким образом, что даже если его присутствие будет самой очевидной вещью на свете, оно останется незамеченным.

– Незамеченным для кого?

Он усмехнулся, покачивая головой. Я настаивал на ответе.

– Для тоналя, – ответил он, – Речь идет исключительно о нем. Я могу ходить кругами, но пусть это тебя не удивляет и не раздражает. Ведь я предупреждал – понять то, о чем я говорю, очень трудно. Мне приходится погружаться вместе с тобой во все это пустозвонство, потому что мой тональ осознает, что это разговор о нем самом. Другими словами, мой тональ использует себя самого, чтобы понять ту информацию, которую я хочу сделать ясной для твоего тоналя. Скажем, что тональ, поскольку он остро осознает, насколько это тяжело – говорить о себе самом, в качестве противовеса вынужден создавать слова «я», «меня» и им подобные, чтобы говорить о себе самом как с другими тоналями, так и самим собой.

Далее, когда я говорю, что тональ заставляет нас делать что-либо, я не имею в виду, что есть какая-то третья часть. Очевидно, он заставляет самого себя следовать своим суждениям.

Однако в определенных случаях или при определенных особых обстоятельствах что-то в самом тонале начинает осознавать, что кроме него для нас есть существует кое-что еще. Это что-то вроде голоса, который приходит из глубин, голоса нагуаля. Видишь ли, целостность является нашим естественным состоянием, которое тональ не может полностью стереть. И бывают моменты, особенно в жизни воинов, когда целостность становится явной. Именно в эти моменты мы получаем возможность осознать и оценить, чем мы являемся в действительности.

Меня заинтересовали толчки, о которых ты говорил, потому что именно так нагуаль и выходит на поверхность. В эти моменты тональ начинает осознавать целостность самого себя. Такое осознание – это всегда толчок, потому что оно разрывает нашу временную успокоенность. Я называю это осознание целостностью существа, которое умрет. Суть в том, что в момент смерти другой член истинной пары – нагуаль – становится полностью действенным. Все осознание, воспоминания, восприятие, накопившиеся в наших икрах и бедрах, в нашей спине, плечах и шее, начинают расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они разделяются без связующей нити жизни.

Он посмотрел на меня. Его глаза были мирными. Я чувствовал себя глупо и неловко.

– Целостность самого себя очень тягучее¹¹ дело, – сказал он. – Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Маг задается вопросом: если мы умираем с целостностью себя, то почему бы тогда не жить с ней?

Он сделал мне знак головой, чтобы я следил за вереницей проходивших мимо людей.

– Все они – тональ, – сказал он. – Я буду указывать тебе на некоторых из них, чтобы твой тональ оценил их, а, оценивая их, он оценит самого себя.

Он обратил мое внимание на двух пожилых дам, только что вышедших из церкви. С минуту они постояли наверху лестницы из известняка, а затем с бесконечной тревогой начали спускаться, отдыхая на каждой ступеньке.

– Внимательно следи за этими женщинами, – сказал он. – Но не рассматривай их в качестве личностей или людей, похожих на нас, а смотри на них, как на тонали. Женщины, держась друг за друга, дошли наконец до конца лестницы и опасно пошли по гравийной дорожке, как по льду, на котором они в любой момент могли поскользнуться.

– Смотри на них, – тихо сказал дон Хуан, – эти женщины являют собой пример наиболее жалкого тоналя.

Обе женщины были тонкокостными, но очень толстыми. Им было, пожалуй, за пятьдесят. Вид у них был такой измученный, словно идти по ступенькам церкви было выше их сил.

Поравнявшись с нами, они в нерешительности остановились – на дорожке была еще одна ступенька.

¹¹ Tasku – липкий, клейкий.

– Смотрите под ноги, дамы! – драматически воскликнул дон Хуан, поднимаясь с места. Они взглянули на него, явно смущенные этим выпадом.

– Моя мать однажды сломала здесь ребро, – сказал он и быстро подскочил к ним, помогая преодолеть ступеньку.

Они многословно поблагодарили его, а он участливо посоветовал им в случае падения лежать неподвижно, пока не приедет скорая помощь. Его тон был искренним и убедительным. Женщины перекрестились.

Дон Хуан вернулся и сел. Его глаза сияли. Он тихо заговорил:

– Эти женщины не настолько стары и слабы, однако же они – совершенно немощны. Все в них отчаянно скучно, тоскливо – одежда, запах, отношение к жизни. Как ты думаешь, почему?

– Может, они такими родились?

– Никто не рождается таким. Мы делаем себя такими. Тональ этих женщин слаб и боязлив.

Я сказал, что сегодня день тоналя, потому что сегодня хочу иметь дело только с ним. Я также сказал, что надел свой костюм с особой целью. С его помощью я хотел показать, что воин обращается со своим тоналем особым образом. Я указал тебе на то, что мой костюм сшит на закази что все, надетое на мне сегодня, идеально мне подходит. Но тщеславие здесь ни при чем – я хотел показать тебе свой дух воина, свой тональ воина.

Эти две женщины дали тебе первый взгляд на тональ сегодня. Если ты будешь небрежен со своим тоналем, жизнь обойдется с тобой так же безжалостно. Им я противопоставляю себя. Если ты все понимаешь правильно, то мне не нужно более углубляться в этот вопрос.

Неожиданно я ощутил приступ неуверенности и попросил его выразить то, что я должен был понять. Должно быть в моем тоне прозвучало отчаяние. Дон Хуан громко рассмеялся.

– Взгляни на этого парня в зеленых штанах и розовой рубашке, – прошептал он, указывая на тощего, темнокожего молодого человека с острыми чертами лица, стоявшего почти перед нами. Казалось, он не знал, куда пойти – к церкви или к улице. Дважды он поднимал руку в направлении церкви, как бы уговаривая себя идти туда. Затем он уставился на меня отсутствующим взглядом.

– Посмотри, как он одет. Посмотри на его ботинки, – шепотом сказал дон Хуан.

Одежда молодого человека была мятой и оборванной, а его ботинки пора было выбрасывать на помойку.

– Вероятно, он очень беден, – сказал я.

– И это все, что ты можешь сказать о нем? – спросил он.

Я перечислил возможные причины бедственного положения молодого человека: плохое здоровье, невезение, леность, безразличие к своей внешности, и в конце концов предположил, что он только что вышел из тюрьмы.

Дон Хуан сказал, что я просто строю догадки, и его не интересуют мои попытки оправдывать других, предполагая, что они – жертвы неких необоримых сил.

– А может быть он – секретный агент, который должен выглядеть оборванцем, – сказал я шутя.

Молодой человек нетвердой походкой пошел в направлении улицы.

– Он и есть самый настоящий оборванец, – сказал дон Хуан. – Посмотри на его слабое тело, тонкие руки и ноги. Он же еле ходит. Невозможно притворяться до такой степени. С ним явно что-то неладно, но дело тут не в обстоятельствах. Еще раз повторяю, что сегодня ты должен смотреть на людей как на тонали.

– Что значит видеть человека как тональ?

– Это значит перестать судить его в моральном плане и оправдывать на том лишь основании, что он похож на лист, отданный на волю ветра. Другими словами, это означает видеть человека, не думая о его безнадежности и беспомощности. Ты абсолютно точно знаешь, что я имею в виду. Ты можешь оценить этого человека, не обвиняя его и не оправдывая.

– Он слишком много пьет, – вдруг сказал я. Эти слова вырвались у меня непроизвольно, на мгновение мне даже показалось, что их произнес кто-то другой, стоящий за мной. Мне захотелось объяснить, что это заявление было очередной моей спекуляцией.

– Это не так, – сказал дон Хуан. – На этот раз в твоем голосе была уверенность, которой не было прежде. Ты ведь не сказал: «Может быть, он пьяница».

Я почувствовал смущение, хотя и не мог объяснить почему. Дон Хуан рассмеялся.

– Ты видел этого человека насквозь, – сказал он. – Это было видение. Видение именно таково. В его случае утверждения делаются с огромной уверенностью, и человек не понимает, как это происходит. Ты знал, что тональ этого молодого человека испорчен, но ты не знал, откуда ты знаешь это.

Я признался, что именно это и почувствовал.

– Ты прав, – сказал дон Хуан. – Его молодость не имеет никакого значения. Он так же немощен, как и те две женщины. Молодость никоим образом не является барьером против разрушения тоналя. Пытаясь объяснить состояние этого человека, ты придумывал множество причин. Я считаю, что причина только одна – его тональ. И его тональ слаб вовсе не потому, что он пьет. Как раз наоборот – он пьет из-за слабости своего тоналя. Именно эта слабость делает его таким, каков он есть. Но что-то подобные в той или иной форме происходит со всеми нами.

– Но разве, ты также не оправдываешь его поведения, говоря, что это его тональ?

– Я даю тебе объяснение, с которым ты раньше никогда не встречался. Однако это не оправдание и не осуждение. Тональ этого молодого человека слаб и боязлив, но он не одинок в этом. Все мы более или менее в одной и той же лодке.

В этот момент мимо нас прошел в направлении церкви очень грузный мужчина в дорогом темно-сером костюме. Он нес портфель, воротник рубашки у него был расстегнут, галстук расслаблен. Он обливался потом. Он был очень бледен, и это делало пот еще более заметным.

– Следи за ним, – приказал мне дон Хуан.

Человек шел короткими тяжелыми шагами, раскачиваясь при ходьбе. Он не стал подниматься к церкви, обошел ее и исчез за углом.

– Нет никакой необходимости обращаться с телом таким ужасным образом, – сказал дон Хуан с ноткой укора. – Но как ни печально, все мы в совершенстве научились делать свой тональ слабым. Я называю это индальгированием.

Положив руку на блокнот, он сказал, чтобы я перестал писать, так как это нарушает мою концентрацию. Он предложил расслабиться, остановить внутренний диалог и отпустить, «сливаясь» с людьми, за которыми я буду наблюдать.

Я спросил, что он имеет в виду под слиянием. Он ответил, что объяснить это невозможно. Это нечто такое, что тело чувствует или делает при визуальном контакте с другими телами. Затем он пояснил это, сказав, что в прошлом называл этот процесс «видением» и что он состоит в установлении истинной внутренней тишины, за которой следует внешнее удлинение наружу чего-то изнутри нас. Удлинение, которое встречается и сливается с другим телом или с чем-либо еще в поле нашего осознания.

Очень хотелось записать все это, но он остановил меня и начал выбирать отдельных людей из проходящей мимо толпы. Он обратил мое внимание на десятки людей, составивших широкий диапазон различных типов мужчин, женщин и детей различного возраста.

Дон Хуан сказал, что выбирает лиц, чей слабый «тональ», по его словам, может подойти к некоторой классификационной схеме определенных категорий, и что таким образом он познакомит меня с намеченными им формами индульгирования.

Я не запомнил всех тех людей, на которых он мне указывал и которых мы обсуждали. Я пожаловался на то, что если бы я делал записи, то, по крайней мере, смог бы набросать заметки к его схеме индульгирования. Однако он не захотел повторять, а может быть, и сам всего не запомнил.

Он засмеялся и сказал, что не помнит ее, потому что в жизни мага за творчество отвечает «нагуаль». Он взглянул на небо и сказал, что уже поздно, и что с этого момента мы должны изменить направление. Вместо слабых «тоналей» мы станем ждать появления «надлежащего¹² тоналя». Он добавил, что только воин может иметь «надлежащий тональ» и что у обычного человека может быть в лучшем случае «правильный тональ».

После нескольких минут ожидания он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

– Ты посмотри, кто идет, – сказал он, указывая на улицу движением подбородка. – Они как будто сделаны на заказ.

К нам приближались трое индейцев. Все они были в коротких шерстяных пончо, белых штанах, доходящих до середины икр, белых рубашках с длинными рукавами, грязных изношенных сандалиях и старых соломенных шляпах: у каждого был заплечный мешок.

Дон Хуан поднялся и пошел к ним навстречу. Он окликнул их. Индейцы были удивлены и с улыбками окружили его. Видимо, он рассказывал им что-то обо мне. Все трое повернулись в мою сторону и улыбнулись. Они были в трех-четырех метрах. Я слушал внимательно, но не мог понять, о чем они говорили.

¹² Proper – правильный, должный, надлежащий, подходящий.

Дон Хуан достал из кармана несколько ассигнаций и отдал им. Индейцы казались очень довольными. Они смущенно переминались с ноги на ногу. Мне они очень понравились. Они напоминали детей. У всех были белые мелкие зубы и очень приятные мягкие черты лица. Старший носил усы. Его глаза были усталыми и очень добрыми. Он снял шляпу и подошел ближе к скамейке. Остальные последовали за ним. Все трое в один голос приветствовали меня. Мы пожали друг другу руки. Дон Хуан сказал мне, чтобы я дал им денег. Они поблагодарили меня и после вежливого молчания попрощались. Дон Хуан сел на скамейку, и мы проводили их взглядом, пока они не исчезли в толпе.

Я сказал дону Хуану, что почему-то они мне очень понравились.

– Ничего удивительного, – сказал он. – Ты должен был почувствовать, что их тональ как раз правильный. Он правильный, но не для нашего времени. Наверное ты почувствовал, что они похожи на детей. Они и есть дети. И это очень тяжело. Я понимаю их лучше тебя, поэтому не мог не почувствовать привкуса печали. Индейцы – как собаки, у них ничего нет. Но такова их судьба, и я не должен был чувствовать печаль. Моя печаль – это мой собственный способ индугировать.

– Откуда они, дон Хуан?

– С гор. Сюда они пришли в поисках счастья. Они братья и хотят стать торговцами. Я сказал им, что тоже пришел с гор и что я сам торговец. Тебя я представил как своего компаньона. Деньги, которые мы дали им, были символом¹³. Воин должен давать подобные символы всегда. Им, без сомнения, нужны деньги, но необходимость не должна быть существенным соображением в случае с символом. Обращать внимание следует на чувства. Лично меня тронули эти трое.

Индейцы в наше время – это те, кто теряет. Их падение началось с испанцами, а теперь, под владычеством их потомков,

¹³ Token - знак, символ; опознавательный знак; признак, примета; подарок на память; талон, жетон.

индейцы потеряли все. Не будет преувеличением сказать, что индейцы потеряли свой тональ.

– Это метафора, дон Хуан?

– Нет, это факт. Тональ очень уязвим, он не выдерживает плохого обращения. С того дня, как белые ступили на эту землю, они постоянно разрушали не только индейский тональ времени, но и личный тональ каждого индейца. Легко можно представить, что для бедного среднего индейца владычество белого человека было настоящим адом. Но, однако же, ирония в том, что для других индейцев оно было чистым благом.

– О ком ты говоришь? Что это за другие индейцы?

– Маги. Для магов Конкиста была вызовом жизни. Они – единственные, кто не был уничтожен ею, но приспособился к ней и использовал ее с полной выгодой для себя.

– Как это было возможно, дон Хуан? Мне казалось, что испанцы не оставили камня на камне.

– Скажем так, они перевернули все камни, которые находились в границах их собственного тоналя. Но в жизни индейцев были вещи, непостижимые для белого человека, и он их даже не наметил. Может быть магам просто повезло, а может быть, их спасло знание. После того, как тональ времени и личный тональ каждого индейца были разрушены, маги обнаружили, что удерживаются за единственную вещь, оставшуюся незатронутой, нагуаль. Другими словами, их тональ нашел убежище в их нагуале. Этого не могло бы произойти, если бы не мучительное положение побежденных людей.

Люди знания сегодняшнего дня – это продукт таких условий. Они так же – единственные знатоки нагуаля, потому что они остались там совершенно одни. Туда белый человек никогда не заглядывал. Фактически, он даже не подозревал о его существовании.

Здесь я вмешался, искренне утверждая, что европейская мысль знакома с тем, что он называл «нагуалем» и привел концепцию

Трансцендентного Эго или ненаблюдаемого Наблюдателя, незримо присутствующего во всех наших мыслях, восприятиях и ощущениях. Я объяснил дону Хуану, что именно через это Эго индивидуум и способен воспринимать или интуитивно чувствовать самого себя в качестве личности, потому что это единственное в нас, что способно судить, способно раскрыть реальность в сфере нашего осознания.

На дона Хуана это не произвело впечатления. Он засмеялся.

– Раскрытие реальности, – сказал он, подражая мне, – это тональ.

Я настаивал, что тоналем может быть названо Эмпирическое Эго, существующее лишь в преходящем потоке сознания или опыта человека, тогда как Трансцендентное Эго пребывает вне этого потока.

– Наблюдая, я полагаю, – сказал он насмешливо.

– Правильно, наблюдая самого себя, – сказал я.

– Я слышу твои слова, – сказал он. – Но ты не говоришь ничего. Нагуаль – это не опыт, не интуиция и не сознание. Эти термины и все остальное, что бы ты ни сказал, являются только предметами острова тоналя. С другой стороны, нагуаль – это только эффект. Тональ начинается с рождением и кончается со смертью, но нагуаль не кончается никогда. Нагуаль – беспределен. Я сказал, что нагуаль это нечто, где находится сила – это был единственный способ упомянуть о нем. Из-за его проявлений нагуаль лучше всего понимать в терминах силы. Сегодня утром, например, когда ты почувствовал себя онемевшим и потерял дар речи, я, в сущности, успокаивал тебя, то есть мой нагуаль действовал в отношении тебя.

– Как это возможно, дон Хуан?

– Ты не поверишь, но никто не знает как. Я знаю только, что хотел целиком твоего нераздельного внимания, а затем мой нагуаль приступил к работе над тобой. Я знаю это, потому что был свидетелем его проявления, но я не знаю, как он работает.

Он замолчал. Я хотел продолжить разговор и попытался задать вопрос, но он остановил меня.

– Можно сказать, что нагуаль отвечает за творчество, – сказал он наконец и пристально посмотрел на меня. – Нагуаль – единственное в нас, что способно творить.

Дон Хуан спокойно смотрел на меня. Я чувствовал, что он определенно подводит меня к некой теме, которую, я надеялся, он объяснит подробнее. Он сказал, что тональ не создает ничего – это лишь свидетель и оценщик. Я спросил, как он объясняет тот факт, что мы конструируем великолепные здания и сложнейшие механизмы.

– Это не творчество, – сказал он, – это только формовка. Своими руками или вместе с руками других тоналей, мы можем сформировать что угодно. Группы тоналей могут формировать что угодно. Великолепные здания, как ты сказал.

– Но тогда что же такое творчество, дон Хуан?

Он пристально посмотрел на меня, прищутив глаза, усмехнулся, поднял правую руку над головой и резко двинул кистью, как бы поворачивая дверную ручку.

– Творчество вот, – сказал он и поднес ладонь к моим глазам.

Я очень долго не мог сфокусировать взгляд на его руке. Я чувствовал, что некая прозрачная оболочка сковала все мое тело так, что, не разорвав ее, я не мог перевести глаза на его ладонь.

Я боролся, пока капли пота не попали в глаза. Наконец я услышал или ощутил хлопок, и голова дернулась, освободившись.

На его правой ладони находился любопытнейший грызун, похожий на белку. Однако хвост у него был как у дикобраза, покрытый жесткими иглами.

– Потрогай его, – сказал дон Хуан тихо.

Я машинально повиновался и погладил пальцем по мягкой спинке. Дон Хуан поднес руку ближе, и тогда я заметил нечто, из-за чего у меня начались нервные спазмы: у белки были очки и очень большие зубы.

– Он похож на японца, – сказал я и истерически засмеялся.

Грызун стал расти на руке дона Хуана, и, пока мои глаза были еще полны слез от смеха, грызун стал таким большим, что буквально исчез из моего поля зрения. Это произошло так быстро, что я даже не успел перестать смеяться. Когда я протер глаза и снова посмотрел на дона Хуана, он сидел на скамейке, а я стоял перед ним, хотя и не помнил, как встал.

На мгновение моя нервозность стала неконтролируемой. Дон Хуан спокойно поднялся, усадил меня, зажал мой подбородок между бицепсом и локтем левой руки и ударил меня по макушке костяшками правой. Эффект был подобен удару электрическим током, и я тут же успокоился.

Я хотел спросить его о многом. Но мои слова не могли пробиться через эти вопросы. До меня вдруг дошло, что я потерял контроль над голосовыми связками. Но мне не хотелось бороться, чтобы заговорить, и я просто откинулся на скамейку. Дон Хуан велел мне собраться и перестать indulgировать. У меня слегка закружилась голова. Он приказал мне писать и вручил блокнот и карандаш, подобрав их из-под скамейки.

Я сделал огромное усилие, пытаюсь выдавить из себя хоть слово, и ясно ощутил, что меня вновь сковывает какая-то прозрачная оболочка. Дон Хуан хохотал, глядя на меня, а я пыхтел и стонал, пока не услышал или ощутил еще один хлопок.

Я тут же бросился записывать. Дон Хуан заговорил, как бы диктуя мне.

– Один из принципов воина заключается в том, чтобы ничему не давать воздействовать на себя, – сказал он, – и поэтому воин может видеть хоть самого дьявола, но по нему этого никогда не скажешь. Контроль воина должен быть безупречным.

Он подождал, пока я не закончу писать, и спросил меня, смеясь:

– Ты все уловил?

Я проголодался и предложил пойти в ресторан поужинать. Он сказал, что мы должны оставаться здесь до появления «надлежащего тоналя». Он серьезно добавил, что если даже этого не произойдет сегодня, то мы все равно будем сидеть на этой скамейке до тех пор, пока «надлежащий тональ» не вздумает появиться.

– Что такое надлежащий тональ? – спросил я.

– Тональ, который совершенно правилен, уравновешен и гармоничен. Предполагается, что один такой ты сегодня найдешь, или, вернее, – что твоя сила приведет его к нам.

– Но как я смогу отличить его от других тоналей?

– Об этом не думай, я покажу его тебе.

– На что он похож, дон Хуан?

– Трудно сказать, это зависит от тебя. Это представление – для тебя, поэтому ты сам и поставишь эти условия.

– Как?

– Я не знаю. Твоя сила, твой нагуаль сделает это. Грубо говоря, у каждого тоналя есть две стороны. Одна – внешняя сторона, бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и действием – грубая сторона. Другая часть – это решения и суждения, внутренний тональ – более мягкий, более нежный, более сложный.

Надлежащий тональ – это такой тональ, где оба уровня находятся в идеальной гармонии и равновесии.

Дон Хуан замолчал. К тому времени стало довольно темно, и мне трудно было записывать. Он велел мне потянуться и расслабиться и сказал, что день сегодня был очень утомительным,

но очень полезным. И что он уверен в том, что надлежащий тональ появится.

Десятки людей прошли мимо. Расслабившись, минут десять-пятнадцать мы сидели молча. Затем дон Хуан резко поднялся.

– Ей-богу, ты это сделал! Посмотри, кто там идет. Девушка!

Кивком головы он указал на молодую девушку, которая пересекала парк и приближалась к нашей скамейке. Дон Хуан сказал, что эта молодая женщина была надлежащим тоналем и что если она остановится и заговорит с кем-то из нас, то это будет необычайным знаком, и мы должны будем сделать все, что она захочет.

Я не мог ясно рассмотреть черт лица молодой женщины, хотя было еще довольно светло. Она прошла мимо в двух шагах от нас, но не глядя на нас. Дон Хуан велел мне догнать ее и заговорить с ней.

Я побежал за ней и спросил о каком-то направлении. Я подошел к ней очень близко. Она была молода, наверное, лет двадцати пяти, среднего роста, очень привлекательная и ухоженная. Ее глаза были ясными и спокойными. Она улыбалась мне. В ней было какое-то очарование. Мне она очень понравилась, так же, как и те три индейца.

Я вернулся к скамейке и сел.

– Она воин? – спросил я.

– Не совсем, – ответил дон Хуан, – Твоя сила еще не настолько отточена, чтобы привести воина. Но у нее очень правильный тональ. Такой, который может стать надлежащим тоналем. Воины получают из такого теста.

Его заявление очень заинтересовало меня. Я спросил, могут ли женщины быть воинами. Он посмотрел на меня, явно пораженный моим вопросом.

– Конечно могут, – ответил он. – И они даже лучше мужчин экипированы для пути знания. Мужчины, правда, немного устойчивей, но все же у женщин явно есть небольшое преимущество.

Я удивился, что мы никогда не говорили о женщинах в связи с его знанием.

– Ты мужчина, – сказал он, – поэтому я использовал мужской род, когда говорил с тобой. Только и всего. Остальное все то же.

Я хотел продолжить расспросы, но он махнул рукой, как бы закрывая эту тему. Он посмотрел наверх. Небо было почти черным, но оставались еще участки, где облака были слегка оранжевыми.

– Конец дня – твое лучшее время, – сказал дон Хуан. – Появление этой молодой женщины на самом краю дня является знаком. Мы разговаривали о тонале, поэтому этот знак относится к твоему тоналю.

– Что он означает, дон Хуан?

– Он означает, что у тебя очень мало времени, чтобы организовать свои планы. Все твои планы должны быть жизненно важными, потому что у тебя не будет времени построить другие. Твои планы должны воплощаться сейчас, иначе они – не планы вообще.

Я предлагаю тебе, вернувшись домой, проверить свои линии¹⁴ и убедиться в их крепости. Они тебе пригодятся.

– Что со мной произойдет, дон Хуан?

– Однажды ты сделал ставку на силу. Ты прошел через трудности учения как подобает – без суеты, спешки и медлительности. И сейчас ты на краю дня.

– Что это значит?

¹⁴ Скорее всего – линии поведения, способы действия. В оригинале – *line*, у этого слова очень много возможностей перевода.

– Для надлежащего тоналя все, что есть на острове тональ, является вызовом. Иными словами, для воина все в мире является вызовом. И, разумеется, величайшим вызовом из всех является его ставка на силу. Но сила приходит из нагуалья. И когда воин оказывается на краю дня, это означает, что нагуаль уже близок. Час силы воина приближается.

– Я все еще не понимаю, дон Хуан. Значит ли это, что я скоро умру?

– Если ты глуп, то умрешь, – отрезал он. – Но если говорить более мягко, то ты скоро наложишь в штаны. Однажды ты поставил на силу, и эта ставка необратима. Я не могу сказать, что ты вот-вот исполнишь свою судьбу, потому что нет никакой судьбы. Единственное, что можно сказать, – это что ты близок к обретению своей силы. Знак был ясным. Эта молодая женщина пришла к тебе на краю дня. У тебя осталось мало времени и совсем не осталось времени для ерунды. Превосходное состояние! Я бы сказал, что лучшее в нас проявляется, когда нас прижимают к стенке. Когда мы ощущаем меч, нависший над нами. Лично я не хотел бы, чтобы было иначе.

4. Сжатие тоналя

В среду, около десяти утра я вышел из отеля минут за пятнадцать до встречи, назначенной доном Хуаном. Мы договорились встретиться возле авиакасс на Пасео де Ла Реформа, в пяти-шести кварталах отсюда.

Я только что позавтракал с одним из своих приятелей. Он хотел пройтись со мной, но я сделал вид, что иду на свидание с девушкой. Я намеренно пошел по противоположной стороне улицы, а не по той, где находились кассы авиакомпании. Меня не покидало неприятное ощущение, что мой приятель, который давно уже просил меня познакомить его с доном Хуаном, догадывается, что я иду на встречу с ним, и может увязаться следом.

Я увидел дона Хуана у журнального киоска на другой стороне. Переходя дорогу, я остановился посередине, пережидая машины. Осторожно оглянувшись, я увидел, что мой приятель следует за мной. Он стоял на углу, ухмыляясь, и разводил руками, как бы говоря, что не смог удержаться. Я бросился через улицу, не давая ему времени догнать меня.

Дон Хуан, видимо, понимал мое положение. Когда я подбежал к нему, он бросил беглый взгляд через мое плечо.

– Он подходит, – сказал он. – Нам лучше свернуть на боковую улицу.

Он указал на улицу, которая по диагонали сливалась с Пасео де ла Реформа в том месте, где мы стояли. Я быстро сориентировался. На этой улице я никогда не был, но два дня назад я был в авиакассах и примерно помнил план этого здания. Контора находилась на узком углу, образованном этими улицами. Она имела по двери, выходящей на каждую из этих улиц, и расстояние между ними было три-четыре метра. В конторе имелся проход от одной двери к другой, и можно было легко перейти с одной улицы на другую. В тот день, когда я туда заглядывал, в ней было полно народу.

Мне хотелось немедленно бежать туда, но шаги дона Хуана были размеренными. Когда мы достигли дверей конторы на диагональной улице, я спиной почувствовал, что мой приятель тоже перебежал через бульвар и вот-вот перейдет на улицу, по которой мы идем. Я взглянул на дона Хуана в надежде, что у него есть какое-то решение. Он пожал плечами. Я чувствовал раздражение и ничего не мог придумать сам, разве что стукнуть моего приятеля по носу.

Должно быть, в этот момент я то ли вдохнул, то ли выдохнул, потому что в следующее мгновение ощутил внезапную потерю воздуха от сильного и резкого толчка, который дал мне дон Хуан и от которого я волчком влетел через дверь конторы. Дон Хуан до такой степени застал меня врасплох, что мое тело не оказало никакого сопротивления. Мой испуг слился с настоящим потрясением от его чудовищного толчка.

Я непроизвольно выставил руки перед собой, защищая лицо. Толчок был такой сильный, что, когда я ворвался в комнату, в глазах у меня потемнело и слюна брызнула изо рта. Я едва не потерял равновесие и с огромным трудом удержался на ногах, несколько раз кругнувшись вокруг своей оси. Сцена была неясной, видимо, из-за скорости моего движения. Я смутно различил толпу посетителей, занимающихся своими делами, и почувствовал сильное смущение в уверенности, что все смотрят, как я тут кручусь по комнате. Мысль о том, что я выгляжу дураком, была очень неприятной.

Ряд мыслей промелькнул у меня в голове. Я боялся упасть лицом вниз или налететь на одного из посетителей: может быть – на пожилую даму, которая покалечится при столкновении. Или, того хуже – стеклянная дверь на другой стороне будет закрыта, и я разобью себе голову.

В помутненном сознании я достиг двери, ведущей на Пасео де ла Реформа. Она была открыта, и я вылетел из нее. В тот момент я был озабочен тем, чтобы сохранять спокойствие, повернуть направо и идти по бульвару в направлении центра города, как если бы ничего не произошло. Я был уверен, что дон Хуан присоединится ко

мне и что мой друг, возможно, будет продолжать идти по диагональной улице.

Я открыл глаза или пожалуй сфокусировал их на том, что было передо мной. Я долго был в оцепенении, прежде чем осознал, что же произошло. Я был не на Пасео де ла Реформа, как думал, а на базаре Лагунилья в полутора милях от касс.

Изумление, испытываемое мной в тот момент, было настолько сильным, что все, что я мог, это ошеломленно глазеть по сторонам.

Я оглянулся, пытаюсь сориентироваться, и понял, что нахожусь неподалеку от места, где впервые встретился с доном Хуаном в Мехико. Возможно даже, что это было то же самое место. Прилавки нумизматов были в полутора метрах от меня. С огромным усилием я взял себя в руки. Видимо, я галлюцинировал. Иначе объяснить это было невозможно. Я быстро повернулся, чтобы вернуться в контору, но за мной были только прилавки со старыми книгами и журналами. Дон Хуан, широко улыбаясь, стоял справа от меня.

В голове появилась тяжесть и в носу защипало, словно у меня через нос выходил газ от содовой. Слов не было. Я попытался что-нибудь произнести, но безуспешно.

Я отчетливо расслышал, как дон Хуан велит мне не пытаться думать или говорить, но хотелось сказать хоть что-нибудь, все равно что. Ужасная нервозность росла в моей груди. Я чувствовал, что слезы катятся у меня по щекам.

Дон Хуан не встряхнул меня, как обычно, когда я поддавался неконтролируемому страху. Вместо этого он погладил меня по голове.

– Ну, ну, маленький Карлос, – сказал он, – не теряй своих шариков.

Мгновение он держал мое лицо в своих ладонях.

– Не пытайся разговаривать, – сказал он. Он отпустил мое лицо и указал на окружающее.

– Это не для разговоров, – сказал он. – Это только для наблюдения. Следи! Следи за всем!

Я в самом деле плакал, но моя реакция на это была очень странной. Я продолжал плакать, не заботясь об этом. В этот момент для меня не имело значения, кажусь я дураком или нет.

Я оглянулся. Прямо передо мной стоял мужчина средних лет в розовой рубашке и темно-серых брюках, по виду американец. Круглолицая женщина, похоже, его жена, держала его за руку. Мужчина перебирал монеты, в то время как мальчик тринадцати или четырнадцати лет, очевидно, сын продавца, смотрел на него. Мальчик следил за каждым движением мужчины. Наконец тот положил монеты обратно на стол, и мальчик немедленно расслабился.

– Следи за всем, – опять потребовал дон Хуан. Вокруг не было ничего настолько необычного, что привлекло бы мое внимание. Люди проходили мимо в различных направлениях. Я повернулся. Мужчина, который, казалось, был владельцем журнального киоска, смотрел на меня, то и дело щурясь, как бы спросонья. Он выглядел обмякшим и казался утомленным или больным.

У меня было такое впечатление, что следить здесь не за чем – по крайней мере, ничего стоящего я не видел. Я смотрел по сторонам, но ни на чем не мог сконцентрироваться. Дон Хуан обошел вокруг меня. Казалось, он что-то во мне оценивает. Он покачал головой и выпятил губы.

– Идем, идем! – сказал он, беря меня за руку. – Время пройтись.

Как только мы двинулись, я почувствовал, что мое тело было необычайно легким. Фактически я чувствовал, что мои подошвы были будто из губки. Они были словно резиновые и обладали пружинящим качеством.

Дон Хуан, должно быть, осознавал мои ощущения. Он крепко держал меня, как бы не давая убежать. Он прижимал меня книзу,

словно боясь, что я взлечу, как воздушный шарик, и он не сможет меня поймать.

Прогулка принесла мне облегчение. Мое самочувствие улучшилось, нервозность сменилась приятной легкостью.

Дон Хуан продолжал настаивать, чтобы я наблюдал за всем происходящим. Я сказал ему, что наблюдать тут не за чем и что меня совершенно не интересует, что люди делают на базаре, и что мне не хочется чувствовать себя идиотом, старательно наблюдая за какими-то покупателями монет и старых книг, тогда как реальные вещи проходят мимо меня.

– Что такое «реальная вещь»? – спросил он.

Остановившись, я убежденно сказал, что, по моему мнению, важным было то, что он сделал для того, чтобы заставить меня ощутить, будто я мгновенно покрыл расстояние между авиакассами и рынком. При этих словах меня пробрала дрожь, и я почувствовал, что мне сейчас станет плохо. Дон Хуан заставил меня прижать ладони к животу.

Он обвел рукой вокруг и опять прозаично заявил, что окружающая нас повседневная деятельность является единственно важной вещью.

Я почувствовал раздражение. У меня появилось физическое ощущение вращения, и я глубоко вздохнул.

– Что это ты такое сделал, дон Хуан? – спросил я с деланной небрежностью.

Успокаивающим голосом он сказал, что может объяснить мне это в любое время, но вот то, что происходит вокруг меня, никогда не повторится. С этим я не спорил. Понятно, что сцены, которые я наблюдал, никогда больше не повторятся во всех деталях. Однако же я считал, что подобные вещи я смогу увидеть в любое время. Куда более важным мне казалось то, что я каким-то образом был перенесен через пространство.

Когда я сказал это, дон Хуан скривился, словно мои слова и вправду причинили ему боль.

Некоторое время мы шли молча. Меня лихорадило. Я почувствовал жар в ладонях и ступнях. Такой же необычный жар появился в ноздрях и на веках.

– Что ты сделал, дон Хуан? – жалобно спросил я.

Вместо ответа он похлопал меня по груди и рассмеялся. Он сказал, что люди очень хрупкие существа и своим индальгированием делают себя еще более хрупкими. Очень серьезным тоном он призвал меня прекратить чувствовать, что я вот-вот умру, вытолкнуть себя за собственные границы и просто остановить внимание на окружающем меня мире.

Мы продолжали идти очень медленно. Я был крайне озабочен и ничему не мог уделять внимание. Дон Хуан остановился и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но видимо передумал, и мы опять пошли.

– Случилось так, что ты пришел сюда, – сказал он внезапно, повернувшись и глядя на меня.

– Как это произошло?

Он сказал, что не знает, а знает только то, что я выбрал это место сам.

Когда мы продолжили разговор, наше тупиковое положение стало еще более безнадежным. Мне хотелось знать шаги, а он настаивал, что выбор места – это единственная вещь, которую мы можем обсуждать. А поскольку я не знаю, почему я его выбрал, то и говорить здесь, в сущности, не о чем. Он критиковал меня без всякого раздражения и назвал ненужным индальгированием мое желание рассматривать все разумно. Он сказал, что проще и эффективнее действовать, не подыскивая объяснений, и что, говоря о своем опыте или думая о нем, я его рассеиваю.

Через какое-то время он сказал, что нам нужно покинуть это место, потому что я испортил его, и оно становится все более и более вредным для меня.

Мы покинули рынок и прошли до парка Ла Аламеда. Я так устал, что плюхнулся на скамейку. Только теперь мне пришло в голову взглянуть на часы. Было двадцать минут одиннадцатого. Мне пришлось сделать изрядное усилие, чтобы сконцентрировать внимание. Я не помнил точно, когда встретился с доном Хуаном, но подсчитал, что это было около десяти. И никак не более десяти минут заняло у нас пройти от рынка до парка. Неучтенными оставались только десять минут.

Я рассказал дону Хуану о своих подсчетах. Он улыбнулся. Я был уверен, что за его улыбкой скрывалось его презрение ко мне, однако по его лицу этого не было видно.

– Ты считаешь меня безнадежным идиотом, правда, дон Хуан?

– Ага! – сказал он и вскочил на ноги. Его реакция была такой неожиданной, что я вскочил вместе с ним.

– Скажи мне точно, какие, по-твоему, я сейчас испытываю чувства? – сказал он с ударением.

Я ощущал, что знаю его чувства. Казалось, я их чувствую сам. Но когда я попытался высказать их, я понял, что не могу говорить. Разговор требовал громадных усилий.

Дон Хуан сказал, что у меня еще недостаточно сил для того, чтобы «видеть» его. Но что я могу «видеть» достаточно, чтобы самому найти подходящее объяснение всему происшедшему.

– Не смущайся, – сказал он. – Расскажи мне в точности, что ты видишь.

Внезапно у меня возникла странная мысль, очень похожая на мысли, которые обычно приходят в голову перед тем, как заснуть. Это была более чем мысль, скорее это можно было бы описать как целостный образ. Я видел экран, на котором были различные

персонажи. Прямо напротив меня за оконной рамой сидел человек. Пространство по ту сторону рамы было расплывчатым, но сам мужчина и рама были видны абсолютно четко. Он смотрел на меня. Его голова была слегка повернута влево, так что он смотрел на меня искоса. Я видел, как двигались его глаза, чтобы удерживать меня в фокусе. Правым локтем он опирался на подоконник. Рука его была сжата в кулак, мышцы напряжены.

Слева от мужчины на экране был другой образ. Это был летающий лев. То есть, голова и грива были львиными, а нижняя часть тела принадлежала курчавому белому французскому пуделю.

Я уже готов был остановить свое внимание на нем, когда вдруг мужчина издал губами чмокающий звук и наполовину высунулся из окна. Появилось все его тело, как будто его что-то выталкивало. Секунду он висел, цепляясь за раму кончиками пальцев и раскачиваясь, как маятник, а затем разжал пальцы.

Я испытал ощущение падения в своем собственном теле. Это было не тяжелым падением, а мягким снижением, переходящим в плавный полет. Человек этот был невесом. Некоторое время он оставался на месте, а затем исчез из виду, словно неконтролируемая сила всосала его через трещинку в экране. Секунду спустя он снова появился в окне, искоса глядя на меня. Правой рукой он все так же опирался на раму, только на этот раз он помахал мне рукой, прощаясь.

Дон Хуан заметил, что мое «видение» было слишком усложненным.

– Ты можешь действовать лучше, – сказал он. – Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе то, что случилось, но я предпочел бы, чтобы ты использовал для этого свое собственное видение. Ты видел, но видел ты ерунду. Информация подобного рода бесполезна для воина. Слишком много времени уйдет на то, чтобы разобраться, что есть что. Видение должно быть прямым, потому что воин не может тратить свое время на распутывание увиденного. Видение потому и называется видением, что оно прорывается сквозь всю эту бессмыслицу.

Я спросил его, не думает ли он, что мое видение в действительности было только галлюцинацией. Он ответил, что из-за сложности деталей он был убежден, что это было видением, которое, однако, к данному случаю не подходило.

– Как ты думаешь, мое видение объясняет что-нибудь?

– Безусловно. Но я не стал бы на твоём месте пытаться распутать все это. На первых порах видение смущает, и в нём легко потеряться. По мере того, как воин становится жестче, его видение становится тем, чем оно должно быть – прямым знанием.

Пока дон Хуан говорил, у меня произошёл один из тех любопытных провалов в ощущениях, и я ясно почувствовал, что вот-вот сниму завесу с чего-то такого, что я уже знал. С того, что ускользало от меня, становясь очень туманным. Я осознал, что втянут в какую-то борьбу. Чем больше я старался определить, что это, или достичь этого ускользающего кусочка знания, тем глубже оно тонуло.

– Это видение было слишком... усложненным, – сказал дон Хуан.

Звук его голоса встряхнул меня.

– Воин задает вопрос и через свое видение получает ответ. Но ответ прост. Он никогда не приукрашается до степени летающих французских пуделей.

Мы посмеялись над этой картиной, и я полушутя сказал ему, что он слишком строг, что любой, прошедший через то, через что прошёл я этим утром, заслуживает хоть капельки снисхождения.

– Это легкий выход, – сказал он. – Это путь индальгирования. Твой мир основан на чувстве, что для тебя все – слишком. Ты не живешь как воин.

Я сказал ему, что у того, что он называет путем воина, слишком много граней и что невозможно выполнять их все. И что его смысл

становится ясным, только когда я сталкиваюсь с новыми случаями, в которых я должен применять его.

– Для воина правилом большого пальца является принимать свои решения настолько тщательно, что ничто, случившееся в результате его действий, не может его удивить, и уж тем более – истощить его силу.

Быть воином означает быть смиренным и бдительным. Сегодня от тебя требовалось следить за сценой, которая разворачивалась у тебя перед глазами, а не размышлять о том, каким образом это возможно. Ты сконцентрировал свое внимание не на том. Если бы я хотел быть с тобой снисходительным, то я легко мог бы сказать, что, поскольку это произошло с тобой впервые, ты не был готов. Но это недопустимо, потому что ты пришел сюда как воин, готовый к смерти. Поэтому происходящее не должно было застать тебя со спущенными штанами.

Я сделал вывод, что моей тенденцией было indulgировать в страхе и замешательстве.

– Скажем так, правилом большого пальца для тебя должна быть готовность к смерти, когда ты приходишь встречаться со мной, – сказал он. – Если ты приходишь сюда, готовый умереть, то не будет никаких ловушек, никаких неприятных сюрпризов и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что ты не ожидаешь ничего.

– Это легко сказать, дон Хуан. Мне приходится жить со всем этим.

– Это не означает, что ты должен жить со всем этим. Ты являешься всем этим, а не просто смирился на какое-то время. Твое решение объединить силы с этим злым миром магии должно было сжечь все тянущиеся чувства замешательства и дать тебе мужество, чтобы провозгласить это своим миром.

Я почувствовал смесь смущения и печали. Действия дона Хуана, вне зависимости от того, насколько я был подготовлен, срабатывали таким образом, что каждый контакт с ним не оставлял

для меня другого выхода, кроме как действовать и чувствовать подобно полумрачному придирчивому и ворчливому существу. На меня нахлынула волна ярости, и я больше не хотел писать. В этот момент я хотел разорвать свои записки и бросить все это в урну. И я сделал бы это, если бы не дон Хуан, который засмеялся и остановил меня, взяв за руку.

Насмешливым тоном он сказал, что мой тональ опять собирается сам себя одурачить. Он порекомендовал мне пойти к фонтану и плеснуть воды на шею и уши.

Вода успокоила меня. Долгое время мы молчали.

– Пиши, пиши, – дружески подтолкнул меня дон Хуан. – Скажем, твоя записная книжка – это единственная магия, которая у тебя есть. Разорвать ее – это еще один способ открыть себя навстречу твоей смерти. Это будет еще одним взрывом гнева, ярким взрывом в лучшем случае, но не изменением. Воин никогда не покидает острова тональ. Он использует его.

Он указал вокруг меня быстрым движением руки, а затем коснулся моей записной книжки.

– Это твой мир, и ты не можешь отказаться от него. Бесполезно сердиться или разочаровываться в самом себе. Все, что в данном случае происходит – это то, что твой тональ ушел в свою внутреннюю битву. Битва внутри собственного тоналя – это одно из самых безумных состязаний, какие только можно представить. Плотная¹⁵ жизнь воина предназначается для того, чтобы закончить эту битву. Для начала я обучил тебя, как избегать опустошенности и измотанности. Теперь в тебе больше нет войны. Нет в том смысле, в каком она была, потому что путь воина – это сначала гармония между действиями и решениями, а затем гармония между тоналем и нагуалем.

В течение всего времени, что мы знакомы, я говорил, обращаясь как к твоему тоналю, так и к твоему нагуалю. Именно таким способом должны даваться инструкции.

¹⁵ Tight – здесь: сжатый, плотный, аккуратный, строгий, твердый, требовательный.

Сначала следует разговаривать с тоналем, потому что именно тональ должен уступить контроль. Но он должен сделать это с радостью. Например, твой тональ без особой борьбы уступил часть своего контроля, потому что ему стало ясно, что в противном случае твоя целостность была бы разрушена. Иными словами, тональ должен отказаться от таких ненужных вещей, как самозначительность и потакание себе (индальгирование), которые лишь погружают его в скуку. Но проблема в том, что тональ цепляется за все это, хотя он должен был бы радостно избавиться от подобной мути. Следовательно, задача состоит в том, чтобы убедить тональ стать свободным и текучим. Прежде всего, магу необходим сильный, свободный тональ. Чем сильнее он становится, тем меньше цепляется за свои действия и тем легче его сжать. В сущности, сегодня утром произошло вот что. Я увидел возможность сжать твой тональ – ты был рассеян, торопился, не думал, и я воспользовался этим моментом, чтобы тебя толкнуть.

Время от времени тональ как бы съезживается, особенно когда он смущен. Фактически, одно из черт тоналя является его робость¹⁶. В тех случаях, когда тональ застигнут врасплох, робость неминуемо заставляет его сжиматься.

Сегодня я схватил свой кубический сантиметр шанса. Я заметил открытую дверь той конторы и толкнул тебя. Этот толчок был техникой для сжатия тоналя. Толкнуть следует в строго определенный момент, но для этого нужно уметь видеть.

Когда человека толкнули и его тональ сжался, его нагуаль, если он уже в движении, неважно насколько оно незначительно, берет верх и совершает необычайные вещи. Этим утром твой нагуаль взял верх, и ты оказался на рынке.

Дон Хуан замолчал, словно ожидая вопроса. Мы посмотрели друг на друга.

– Я действительно не знаю, как это произошло, – сказал он, словно читая мои мысли. – Нагуаль способен на невероятные вещи – вот все, что я знаю.

¹⁶ Shyness – застенчивость, робость, скромность.

Сегодня утром я просил тебя наблюдать. Сцена пред тобой, чем бы она не была, имела для тебя огромное значение. Но вместо того, чтобы следовать моему совету, ты начал индугировать в жалости к себе и замешательстве.

Какое-то время ты был целиком нагуалем и не мог говорить. В это время ты должен был только наблюдать. Затем постепенно твой тональ снова взял верх. Чтобы избежать смертельной борьбы между твоим тоналем и нагуалем, я и привел тебя сюда.

– Что особенного было в той сцене, дон Хуан? Что было настолько важным?

– Я не знаю. Это случилось не со мной.

– Что ты имеешь в виду?

– Это был твой опыт, а не мой.

– Но ты же был со мной, правда?

– Нет. Ты был один. Я повторял тебе, чтобы ты следил за всем, потому что сцена была только для тебя.

– Дон Хуан, ты ведь был рядом со мной.

– Нет, не был. Но бесполезно говорить об этом. Что бы я ни сказал, это не будет иметь смысла, потому что мы оба находились тогда во времени нагуаля. Действия нагуаля можно воспринимать только телом, но не разумом.

– Но если тебя со мной не было, то кто же тогда был тот, кого я считал тобой!?

– Это был я, и в то же время – меня там не было.

– Где же ты тогда был?

– Я был с тобой, но не там. Скажем так, я был рядом с тобой, но не в том месте, куда нагуаль тебя перенес.

– Ты хочешь сказать, что не знал, что мы находились на базаре?

– Не знал. Я просто следовал за тобой, чтобы не потерять тебя из виду.

– Но это действительно страшно, дон Хуан!

– Мы были во времени нагуаля, и в этом нет ничего страшного. Мы способны на гораздо большее. Такова наша природа как светящихся существ. Наш изъян – в упорном стремлении оставаться на своем монотонном утомительном, но удобном острове. Наш тональ – это злодей, а он не должен быть таким.

Я рассказал ему то небольшое, что помнил. Он поинтересовался, не запомнились ли мне какие-нибудь особенности неба – дневной свет, например, облака или солнце, не слышал ли я каких-нибудь странных звуков, не заметил ли необычных людей или сцен. Он хотел узнать, не было ли там драк, не кричали ли люди, а если кричали, то что именно.

Я так и не смог ответить ни на один из его вопросов. Я искренне принял все событие за чистую монету, решив, что благодаря знанию дона Хуана, каким бы оно ни было, я за одну или две секунды «перелетел» на значительное расстояние и приземлился посреди базара в своем материальном теле.

Мои реакции были прямым следствием такой интерпретации. Я хотел узнать процедуру, членское знание, «как это сделать». Поэтому я и не следил за тем, что считал ординарными событиями, не имеющими никакого значения.

– Как ты думаешь, люди на базаре видели меня? – спросил я.

Дон Хуан не ответил. Засмеявшись, он легонько ткнул меня кулаком.

Я пытался вспомнить, были ли у меня какие-нибудь физические контакты с людьми, но безуспешно.

– Что видели люди в конторе авиакасс, когда я ворвался туда?

– Вероятно, они видели, что какой-то человек пробежал от одной двери к другой.

– Но они видели, как я растаял в воздухе?

– Об этом позаботился нагуаль. Я не знаю как. Мы – текущие светящиеся существа, сделанные из волокон. Наше согласие с тем, что мы являемся твердыми объектами – это делание тоналя. Когда тональ сжимается, могут происходить необыкновенные вещи. Но они необыкновенны только для тоналя.

Для нагуаля двигаться таким образом, как ты двигался сегодня утром – ничто. Особенно для твоего нагуаля, который уже способен к трудным действиям. На этот раз он действительно погрузился во что-то ужасно загадочное. Ты не ощущаешь, что это?

Миллион вопросов и чувств пришли ко мне одновременно. Это было похоже на то, как если бы порыв ветра сдул мой внешний слой самообладания. Я задрожал, всем телом ощутив себя на краю бездны. Я боролся с таинственным, но конкретным куском знания. Казалось, мне вот-вот что-то покажут, но в то же время какая-то упрямая часть меня настаивала на том, чтобы прикрыть все облаком. Борьба постепенно заставила меня онеметь до такой степени, что я перестал ощущать свое тело. Рот мой непроизвольно открылся, глаза закрылись. У меня было ощущение, что я могу видеть, как лицо у меня становится все тверже и тверже, пока оно не стало лицом трупа с желтоватой кожей, накрепко приросшей к черепу.

В следующее мгновение я почувствовал толчок. Дон Хуан стоял рядом со мной, держа пустое ведро. Он облил меня с головы до ног. Я закашлялся, вытирая воду с лица и чувствуя холод на спине. Я вскочил со скамейки. Дон Хуан выплеснул остатки воды мне на шею.

Группа детей смотрела на меня и хохотала. Дон Хуан улыбнулся мне. Он держал мою записную книжку, и сказал, что мне

лучше пойти в отель переодеться. Он вывел меня из парка. С минуту мы стояли у тротуара, пока не подъехало такси.

Несколько часов спустя, после ланча и отдыха мы сели на его любимую скамейку в парке у церкви. Обходным путем мы подошли к теме моей странной реакции. Казалось, он был очень осторожен. Он не ставил меня прямо перед ней.

– Известно, что подобные вещи происходят, – сказал он. – Нагуаль, научившись однажды выходить на поверхность, может причинить большой вред тоналю, выходя наружу без всякого контроля. Однако твой случай – особый. Ты склонен индугировать в такой преувеличенной манере, что ты бы умер и даже не сопротивлялся бы этому. Или, еще хуже – ты бы даже не осознал, что умираешь.

Я сказал ему, что моя реакция началась, когда он спросил, чувствую ли я, что сделал мой нагуаль. И я подумал, что в точности знаю, о чем он говорит. Но когда я попытался описать это, то оказалось, что я не в состоянии мыслить ясно. Я испытал ощущение легкости, почти безразличия, как если бы на самом деле мне ни до чего не было дела. Затем это ощущение перешло в гипнотизирующую концентрацию. Казалось, весь я был медленно высосан. Мое внимание привлекло и захватило ощущение, что передо мной вот-вот раскроется огромный секрет, и что я не хочу, чтобы что-то мешало такому раскрытию.

– Что собиралось раскрыться тебе, так это твоя смерть, – сказал дон Хуан, – В этом опасность индугирования. Особенно для тебя, поскольку твой тональ изначально склонен преувеличивать. Твой тональ настолько склонен к индугированию, что он угрожает твоей целостности. Это ужасное состояние бытия.

– Что я могу сделать?

– Твой тональ должен быть убежден разумом, твой нагуаль – действиями, пока они не станут поддерживать друг друга. Как я тебе говорил, тональ правит, и, тем не менее, он очень уязвим. Нагуаль, с другой стороны, никогда или почти никогда не действует, но когда он действует, он ужасает тональ.

Этим утром твой тональ испугался и стал сжиматься сам собой, и тогда твой нагуаль начал брать верх.

Мне пришлось одолжить ведро у фотографов в парке, чтобы загнать твой нагуаль, как плохую собаку, назад на его место. Тональ должен быть защищен любой ценой. Корона должна быть с него снята, однако он должен оставаться как защищенный поверхностный наблюдатель.

Любая угроза тоналю всегда заканчивается его смертью. А если умирает тональ, то умирает и весь человек. Тональ легко уничтожить из-за его врожденной слабости, и потому одним из уравнивающих искусств воина является заставить нагуаль проявиться¹⁷ для того, чтобы поддержать тональ¹⁸. Я говорю, что это искусство; и маги знают, что только путем усиления тоналя может проявиться нагуаль. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой.

Дон Хуан поднялся, потянулся и выгнул спину. Я начал подниматься тоже, но он мягко толкнул меня обратно.

– Ты должен оставаться на этой скамейке до сумерек, – сказал он. – Мне нужно сейчас уйти. Хенаро ждет меня в горах. Поэтому приезжай к его дому дня через три, и мы встретимся там.

– Что мы будем делать у дона Хенаро? – спросил я.

– В зависимости от того, будет ли у тебя достаточно личной силы, Хенаро может показать тебе нагуаль.

Мне хотелось услышать от него еще одну вещь. Я хотел знать, был ли его костюм потрясающим представлением для меня одного, или же он действительно был частью его жизни. Ни один из его поступков никогда не приводил меня в такое смятение. Но не столько сам факт, что он носит костюм, был таким пугающим для меня, сколько то, что дон Хуан был при этом действительно элегантным. Его ноги были юношески подвижными. Казалось, что ботинки сместили точку его равновесия, и его шаги стали более длинными и твердыми, чем обычно.

¹⁷ To emerge – появляться, всплывать, выходить.

¹⁸ ... and thus one of the balancing arts of the warrior is to make the *nagual* emerge in order to prop up the *tonal*. Prop up – подпирать, поддерживать, подкладывать.

– Ты носишь костюм всегда? – спросил я.

– Да, – ответил он с очаровательной улыбкой. – У меня есть и другие, но я не стал сегодня надевать другой костюм, потому что это испугало бы тебя еще больше.

Я не знал, что и думать. Я чувствовал, что прибыл к концу своей тропы. Если дон Хуан может носить костюмы и быть в них элегантным, то все возможно.

Ему, казалось, доставило удовольствие мое смущение, и он засмеялся.

– Я держатель акций, – сказал он таинственным, но безразличным тоном, и пошел прочь.

На следующее утро, в четверг, я попросил своего друга проводить меня от дверей той конторы, где дон Хуан толкнул меня, до базара Лагунилья. Мы выбрали самый прямой маршрут. Это заняло у нас тридцать пять минут. Когда мы пришли, я попытался сориентироваться. Мне это не удалось. Я вошел в магазин одежды на самом углу широкой улицы, где мы тогда стояли.

– Простите меня, – сказал я молодой женщине, которая осторожно чистила щеткой шляпу. – Где прилавки с монетами и подержанными книгами?

– У нас таких нет, – сказала она мерзким тоном.

– Но я видел их где-то на этом базаре вчера.

– Не обманывайте, – сказала она и вошла за конторку.

Я побежал за ней, умоляя сказать мне, где они находятся. Она осмотрела меня с головы до ног.

– Вы не могли видеть их вчера, – сказала она. Эти прилавки устанавливаются только по воскресеньям прямо здесь, вдоль этой стены. В другие дни их у нас нет.

– Только по воскресеньям? – переспросил я механически.

– Да, только по воскресеньям. Таков порядок. В остальные дни они мешали бы движению.

Она указала на широкий проспект, заполненный машинами.

5. Во времени нагуалья

Я взбежал на склон перед домом дон Хенаро и увидел, что дон Хуан и дон Хенаро сидят на открытом участке перед дверью. Они улыбнулись мне. В их улыбках были такое тепло и простодушие, что мое тело немедленно испытало чувство тревоги. Я автоматически перешел на шаг и поздоровался с ними.

– Как поживаешь? – спросил дон Хенаро таким участливым голосом, что все мы засмеялись.

– Он в хорошей форме, – вставил дон Хуан, прежде чем я успел что-либо сказать.

– Оно и видно, – сказал дон Хенаро. – Взгляни на этот двойной подбородок! И посмотри на эти ломти свиного сала на его толстых щеках! Дон Хуан засмеялся, держась за живот.

– У тебя лицо стало круглым, – продолжал дон Хенаро. – Что ты делал все это время? Ел?

Дон Хуан шутливо заверил его, что стиль моей жизни требует, чтобы я ел очень много. Самым дружеским образом они дразнили меня по поводу моей жизни, а затем дон Хуан попросил меня подойти и сесть между ними. Солнце уже скрылось за высоким гребнем гор на западе.

– Где же твоя знаменитая записная книжка? – спросил дон Хенаро. А когда я вытащил ее из кармана, он воскликнул: «Йиппий!», – и выхватил ее у меня из рук.

Очевидно, он очень внимательно наблюдал за мной и великолепно знал все мои привычки. Он держал блокнот обеими руками и нервно поигрывал им, как бы не зная, что с ним делать. Дважды, казалось, он был готов его выбросить, но каждый раз сдерживался. Затем он положил его на колени и притворился, что пишет в нем, как это делал я.

Дон Хуан смеялся так, что чуть не задохнулся.

– Что ты делал после того, как мы расстались? – спросил дон Хуан, когда они успокоились.

– В четверг я пошел на базар, – сказал я.

– Что же ты там делал? Повторял свои шаги?

Дон Хенаро повалился на спину и губами воспроизвел сухой звук, как будто ударился головой о твердую землю. Он искоса взглянул на меня и подмигнул.

– Я должен был это сделать, – ответил я дону Хуану. – И я обнаружил, что по будним дням нет прилавков, на которых продают монеты и подержанные книги.

Оба они рассмеялись. Затем дон Хуан заметил, что задавание вопросов не может открыть ничего нового.

– Что же в действительности произошло, дон Хуан? – спросил я.

– Поверь мне, что нет способа узнать это, – ответил он сухо. – В этих делах мы с тобой на равных. В данный момент мое преимущество перед тобой состоит в том, что я знаю, как пробираться к нагуалью, а ты – нет. Но как только я попадаю туда, я имею там не больше преимуществ и знания, чем ты.

– Но я действительно приземлился на базаре, дон Хуан?

– Конечно, я рассказывал тебе, что нагуаль подчиняется воину. Разве это не так, Хенаро?

– Правильно, – воскликнул дон Хенаро громовым голосом и поднялся одним единым движением. Это произошло так, словно это голос поднял его из лежачего положения в вертикальное.

Дон Хуан от смеха буквально катался по земле. Дон Хенаро с бесстрастным видом комически поклонился и попрощался.

– Вы с Хенаро увидите завтра утром, – сказал дон Хуан. Сейчас ты должен сидеть здесь в полном молчании.

Мы не сказали больше ни слова. Через несколько часов молчания я заснул.

Я взглянул на свои часы. Было около шести утра. Дон Хуан осмотрел плотную массу тяжелых облаков над восточным горизонтом, и заключил, что день будет сумрачным. Дон Хенаро понюхал воздух и добавил, что он будет еще и жарким и безветренным.

– Мы далеко пойдем? – спросил я.

– Вон к тем эвкалиптам, – ответил дон Хенаро, указывая на то, что казалось рощей на расстоянии примерно одной мили.

Когда мы достигли деревьев, я сообразил, что это была не роща. Эвкалипты были посажены прямыми линиями для того, чтобы отметить границы поля, засаженного различными культурами. Мы прошли по краю кукурузного поля вдоль линии огромных деревьев, тонких и прямых – около тридцати метров высотой, и пришли к пустому полю. Я подумал, что урожай, должно быть, уже собран. Там были только сухие стебли и листья каких-то растений, которых я не узнал. Я нагнулся, чтобы поднять листик, но дон Хенаро остановил меня. Он удержал мою руку с огромной силой. Я взвился от боли, и только тут заметил, что он лишь едва коснулся меня пальцами.

Он определенно сознавал, что именно он сделал и что испытал при этом я. Быстро подняв руку, он опять коснулся пальцами моей руки. Он повторил это еще раз и рассмеялся, как довольный ребенок, видя мою гримасу. Его горбатый нос делал его похожим на птицу. Птицу со странными длинными белыми зубами.

Тихим голосом дон Хуан сказал мне, чтобы я ничего не трогал. Я спросил его, не знает ли он, какие культуры здесь выращивались. Казалось, он собирается мне ответить, но дон Хенаро вмешался и сказал, что это было поле червей.

Дон Хуан посмотрел на меня пристально и не улыбаясь. Бессмысленный ответ дон Хенаро, казалось, был шуткой. Я подождал какого-нибудь намека, чтобы начать смеяться, но они выжидающе смотрели на меня.

– Поле великолепных червей, – сказал дон Хенаро. – Да, то, что здесь росло, было самыми очаровательными червями, которых ты когда-либо видел.

Он повернулся к дону Хуану. Секунду они смотрели друг на друга.

– Разве не так? – спросил он.

– Совершенно верно, – сказал дон Хуан и, повернувшись ко мне, добавил, что сегодня Хенаро держит бразды правления.

– Только он может сказать, что есть что. Поэтому делай в точности все, что он говорит.

Мысль, что Хенаро держит бразды правления, наполнила меня ужасом. Я повернулся к дону Хуану, чтобы сказать ему об этом, но, прежде чем я успел произнести свои слова, дон Хенаро издал громкий пронзительный крик. Крик был настолько громким и пугающим, что я почувствовал заднюю часть шеи, а волосы мои взлетели вверх, как будто их вздуло ветром. Я испытал момент полной бессвязности, и остался бы приклеенным к месту, если бы не дон Хуан. Он с невероятной скоростью и хладнокровием перевернул мое тело таким образом, чтобы мои глаза стали свидетелями невообразимого поступка. Дон Хенаро стоял горизонтально примерно в сотне футах над землей на стволе эвкалипта, который находился в пятидесяти ярдах от нас. То есть, он стоял, расставив ноги примерно на метр, перпендикулярно дереву. Казалось, у него были крючки на подошвах, и с их помощью он смог обмануть гравитацию. Он стоял, со скрещенными на груди руками, спиной ко мне.

Я смотрел на него и боялся моргнуть из страха потерять его из виду. Я сделал быстрый подсчет и заключил, что если я смогу

удержать его в поле зрения, то смогу заметить намек, движение или что-нибудь еще, что поможет мне понять происходящее.

Я ощутил губы дона Хуана у своего правого уха и услышал его шепот о том, что всякая попытка найти объяснение бесполезна и идиотична. Я услышал, как он повторяет:

– Толкай свой живот вниз! Вниз!

Это была техника, которой он обучил меня несколькими годами ранее для использования ее в минуты большой опасности, страха или стресса. Она состояла в толкании диафрагмы вниз, делая четыре резких коротких дыхания через рот, за которыми следовали четыре глубоких вдоха и выдоха через нос. Он объяснял, что короткие резкие вдохи воздуха через рот должны ощущаться как толчки в средней части тела, и что плотно прижатые сцепленные над пупком руки дают силу брюшному прессу и помогают контролировать короткие и глубокие вдохи. Глубокие вдохи должны были продолжаться в течение счета до восьми при толкаемой вниз диафрагме. Выдохи делались дважды через нос и дважды через рот, медленно или быстро – в зависимости от предпочтения.

Я автоматически повиновался дону Хуану. Однако я не осмеливался отвести глаза от дона Хенаро. Пока я продолжал так дышать, мое тело расслабилось, и я мог сознавать, что дон Хуан поворачивает мои ноги. Очевидно, когда он повернул меня вокруг, моя правая нога вывернулась и была неудобно подогнута. Когда он выпрямил меня, я сообразил, что мое потрясение от зрелища дона Хенаро, стоящего на стволе дерева, заставило меня забыть об этом неудобстве.

Дон Хуан прошептал мне на ухо, чтобы я не смотрел на дона Хенаро пристально. Я услышал, как он говорит: «Моргай! моргай!» Несколько мгновений я не слушался. Он снова велел мне моргать. Я был убежден, что все происходящее было как-то связано со мной как со зрителем, и если я, как единственный свидетель поступка дона Хенаро, перестану на него смотреть, то он упадет на землю или эта сцена исчезнет.

После мучительно долгого периода неподвижности дон Хенаро повернулся на пятках на 45° вправо и пошел по стволу. Его тело дрожало. Я видел, как он медленно делал один маленький шаг за другим, пока не сделал восемь. Он даже обогнул ветку. Затем, все еще со скрещенными на груди руками он сел на ствол спиной ко мне. Его ноги болтались, как если бы он сидел на стуле, словно гравитация не имела для него никакого значения. Затем он как бы проерзал на заду немного вниз. Он достиг ветки, которая была параллельна его телу, и на несколько секунд облокотился на нее. Видимо, он опирался не столько для поддержки, сколько для драматического эффекта. Затем он продолжал движение на заду, переместившись со ствола на ветку, пока не изменил своего положения и не оказался сидящим на ней в нормальном положении, как можно сидеть на ветке.

Дон Хуан тихо посмеивался за моей спиной. У меня появился ужасный привкус во рту. Я хотел было оглянуться, но боялся упустить что-либо из действий дона Хенаро.

Еще с минуту дон Хенаро сидел на ветке, болтая ногами, а затем скрестил ноги, мягко покачал ими и снова скользнул вверх, на ствол.

Дон Хуан обеими руками взял меня за голову и осторожно начал сгибать ее влево, пока линия зрения не стала параллельной дереву, а не перпендикулярной ему, как раньше. С этой перспективы дон Хенаро уже не нарушал законов гравитации, а просто сидел на стволе дерева. Я заметил, что если смотреть пристально и не мигать, то фон становится неясным и размытым, а фигура дона Хенаро более четкой. Его форма становится доминирующей, как будто больше ничего не существует.

Дон Хенаро быстро спустился обратно на ветку и сел, качая ногами, как на трапеции. Новая перспектива позволяла мне теперь видеть оба положения его тела, особенно «сидение» на стволе дерева, как одинаково возможные.

В это время дон Хуан повернул мою голову направо, пока она не легла на плечо. Поза дона Хенаро опять казалась мне

совершенно нормальной, но когда он в очередной раз поднялся на ствол, я не смог сделать необходимого уточнения в восприятии и увидел его в перевернутом ракурсе вверх ногами.

Дон Хенаро еще несколько раз повторил свои перемещения, а дон Хуан при этом поворачивал мою голову из стороны в сторону. В результате я полностью утратил чувство нормальной перспективы, а без нее движения дона Хенаро были не такими пугающими.

Дон Хенаро оставался на ветке долгое время. Дон Хуан выпрямил мою шею и прошептал, что дон Хенаро сейчас спустится. Я услышал повелительные нотки в его шепоте: «Дави вниз, вниз!»

Я был в середине быстрого вдоха, когда тело дона Хенаро, казалось, пронзило своего рода напряжение. Оно зажглось, затем расслабилось, откинулось назад, на мгновение повиснув на коленях. Казалось, его ноги были настолько слабыми, что не могли удерживать веса тела, и он упал на землю.

Пока он падал, у меня самого было ощущение падения через бесконечное пространство – какое-то болезненное и в то же время очень приятное внутреннее томление, столь интенсивное и длительное, что ноги мои подкосились, и я повалился на землю, с трудом вытянув руки, чтобы смягчить падение. Я так тяжело дышал, что мягкая земля попадала в ноздри, вызывая зуд. Я попытался подняться, но мышцы не повиновались.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне. Я отдаленно слышал их голоса и в то же время чувствовал, как они поднимают меня за руки и ноги и куда-то несут. Моя голова безвольно болталась. Глаза были открыты, я видел землю и пучки травы, проплывавшие под мной. Затем я ощутил холод, судорожно дернулся и закашлялся оттого, что вода попала мне в рот и нос. Я инстинктивно сделал несколько плавательных движений, но нащупал дно и только тогда осознал, что стою в мелкой речке, куда они меня забросили.

Дон Хуан и дон Хенаро глупо смеялись. Закатав штанины, дон Хуан подошел, заглянул мне в глаза и сказал, что я еще не собрался, после чего пихнул меня обратно в воду. Мое тело не оказало никакого сопротивления. Мне совершенно не хотелось

окупаться вновь, но мышцы были как чужие, и я плюхнулся в воду спиной вниз. На этот раз холод был даже более интенсивным. Я быстро вскочил и вылетел по ошибке на противоположный берег. Дон Хуан и дон Хенаро улюлюкали и свистели, бросая камни в кусты передо мной, словно загоняли бычка. Я пересек речку обратно и уселся на камне рядом с ними. Дон Хенаро вручил мне мою одежду, и только тогда я заметил, что был наг, хотя я и не помнил, когда и как раздевался. С меня стекала вода, и я не хотел одеваться мокрым. Дон Хуан повернулся к дону Хенаро, и громовым голосом сказал.

– Бога ради, дай человеку полотенце!

Через пару секунд и до меня самого, наконец, дошла вся абсурдность происходящего.

У меня было прекрасное состояние. Я чувствовал себя настолько счастливым, что даже не хотелось разговаривать. Но я был уверен, что если они заметят мою эйфорию, то снова окунут меня в воду.

Дон Хенаро следил за мной. Его глаза блестели, как у дикого животного, пронизывая меня насквозь.

– Прекрасно, – внезапно сказал дон Хуан. – Теперь ты собран. Но под эвкалиптами ты индульгировал, как сукин сын.

Я хотел было истерически захохотать. Слова дона Хуана почему-то показались мне необычайно забавными, и я удержался лишь с огромным трудом. А затем что-то во мне словно подало команду. Неконтролируемое раздражение в средней части тела заставило меня снова снять одежду и погрузиться в воду. Я оставался в реке около пяти минут. Холод отрезвил меня. Когда я вышел, то снова был самим собой.

– Хорошо исполнено, – сказал дон Хуан, похлопывая меня по плечу.

Они повели меня назад, к эвкалиптам. По дороге дон Хуан объяснил, что мой «тональ» был опасно уязвимым, и что

несообразность поступков дона Хенаро, казалось, была для него слишком большим испытанием. Он сказал, что они решили было не трогать его больше и возвращаться к дому дона Хенаро. Но факт того, что я знал, что мне нужно снова забраться в речку, изменил все. Однако он не сказал мне, что они собираются делать.

Мы остановились посреди поля на том самом месте, где были раньше. Дон Хуан был справа от меня, а дон Хенаро слева. Их мышцы были напряжены и они стояли в состоянии настороженности. Подобное напряжение они поддерживали минут десять. Я переводил взгляд с одного на другого в надежде, что дон Хуан даст мне намек относительно моих действий. Я оказался прав. В какой-то момент он расслабился и пнул ногой твердые комочки земли. Не глядя на меня, он сказал:

– Я думаю, нам лучше пойти.

Я автоматически решил, что дон Хенаро, должно быть, намеревался дать мне еще одну демонстрацию нагуаля, но почему-то передумал. Я почувствовал облегчение. Я ждал еще чего-нибудь для полного подтверждения. Дон Хенаро тоже расслабился, а затем они оба сделали шаг вперед. Тогда я понял, что на этом мы все закончили. Но в тот момент, когда я расслабился, дон Хенаро опять издал свой невероятный вопль.

Я начал неистово дышать. Я посмотрел вокруг: дон Хенаро исчез. Дон Хуан стоял передо мной. Его тело тряслось от смеха. Он повернулся ко мне.

– Я прошу прощения, – сказал он шепотом, – но другого способа нет.

Я хотел спросить насчет дона Хенаро, но почувствовал, что если я не буду продолжать дышать и отжимать вниз диафрагму, то умру. Дон Хуан указал подбородком на какое-то место позади меня. Не сдвигая ног, я начал поворачивать голову через левое плечо. Но прежде, чем я смог увидеть, на что он указывает, дон Хуан прыгнул и остановил меня. Сила его прыжка и скорость, с которой он меня схватил, заставили меня потерять равновесие. Когда я падал на спину, у меня было ощущение, что я вцепился в дон Хуана и

увлекаю его за собой на землю, но когда я взглянул вверх, мои осязательные и зрительные впечатления оказались в полном несоответствии. Я увидел, что дон Хуан стоит надо мной и смеется, хотя мое тело в этот же момент несомненно ощущало тяжесть другого тела, придавившего меня к земле.

Дон Хуан протянул мне руку и помог подняться. На телесном уровне я ощущал, что он поднимает два тела. Он понимающе улыбнулся и прошептал, что никогда нельзя поворачиваться налево, когда смотришь на «нагуаль». Он сказал, что нагуаль смертельно опасен, и что нет необходимости увеличивать риск, который и так велик. Затем он осторожно перевернул меня и обратил лицом к огромному эвкалипту. Наверное, это было самое старое дерево в округе. Его ствол был почти вдвое толще, чем у любого другого. Он указал глазами на вершину. Дон Хенаро сидел на ветке, лицом ко мне. Я видел его глаза как два огромных зеркала, отражающих свет. Я хотел отвернуться, но дон Хуан настаивал, чтобы я не отводил глаз. Повелительным шепотом он приказал мне моргать, не поддаваться испугу и не потакать себе (не индугировать).

Я заметил, что если все время моргать, то глаза дон Хенаро не кажутся такими ужасающими. Сверкание его глаз сводило с ума только тогда, когда я смотрел пристально.

Он сидел на корточках на ветке долгое время. Затем, совершенно не меняя положения тела, он спрыгнул на землю и приземлился ярдах в двух от меня все в той же позе. Наблюдая последовательность его прыжка, я сознавал, что воспринял больше, чем увидел глазами. Это не был прыжок в обычном смысле. Казалось, что-то толкнуло его сзади и заставило скользить по параболической кривой. Ветка, с которой он спрыгнул, была, пожалуй, футов в ста над землей, а дерево находилось в ста пятидесяти футах от меня. Таким образом, его тело должно было описать параболу, чтобы приземлиться там, где оно это сделало. Но дон Хенаро преодолел это расстояние не за счет силы мышц. Его тело было «сдуто» с ветки на землю. В одной точке я видел подошвы его ботинок и его зад, когда его тело описывало параболу. Затем он мягко приземлился, хотя вес его разбил мягкие сухие комочки почвы и даже поднял немного пыли.

Дон Хуан засмеялся позади меня. Дон Хенаро поднялся, как ни в чем не бывало, и потянул меня за рукав рубашки, давая знать, что мы уходим.

На пути к дому дона Хенаро никто из нас не произнес ни слова. Я чувствовал себя ясно и собранно. Пару раз дон Хуан останавливался и осматривал мои глаза, пристально глядя в них. Он казался удовлетворенным. Как только мы добрались, дон Хенаро ушел за дом. День только начинался. Дон Хуан сел на пол у двери и указал на место для меня. Утомленный, я лег и выключился, как свет.

Проснулся я оттого, что дон Хуан тряс меня. Я хотел узнать, который час, но моих часов не было. Дон Хуан вынул их из кармана рубашки и вручил мне. Был час дня. Я взглянул на него. Наши глаза встретились.

– Нет, здесь не существует объяснения, – сказал он, отворачиваясь от меня. – Можно быть только свидетелем нагуаля.

Я вышел на улицу и обошел дом, разыскивая дона Хенаро. Его нигде не было. Вернувшись, я обнаружил, что дон Хуан приготовил мне завтрак. Когда я поел, он начал говорить.

– Когда имеешь дело с нагуалем, никогда не следует смотреть на него прямо, – сказал он. – Этим утром ты смотрел на него пристально, и поэтому из тебя ушли все соки. Единственный способ – смотреть на нагуаль как на обычное явление. Следует моргать, чтобы нарушить фиксацию. Наши глаза – это глаза тоналя или, точнее, – наши глаза натренированы тоналем. Поэтому тональ претендует на них. Одним из источников твоего замешательства и неудобства является то, что твой тональ не отступает от твоих глаз. В день, когда он это сделает, твой нагуаль выиграет великую битву. Ты, как и любой другой, одержим тем, чтобы приводить мир в порядок согласно правилам тоналя. Поэтому каждый раз, когда мы сталкиваемся с нагуалем, мы стараемся из всех сил, чтобы сделать свои глаза жесткими и непреклонными. Я должен воззвать к той части твоего тоналя, которая понимает эту дилемму, а ты должен сделать усилие, чтобы освободить глаза. Тут нужно убедить тональ,

что есть другие миры, которые могут проходить перед теми же самыми окнами. Нагуаль показал тебе это сегодня утром. Поэтому отпусти свои глаза на свободу. Пусть они будут настоящими окнами. Глаза могут быть окнами, чтобы вглядываться в скуку или заглядывать в эту бесконечность.

Дон Хуан сделал метущее движение левой рукой, показывая на все окружающее. Глаза у него блестели, улыбка была одновременно и пугающей и обезоруживающей.

– Как я могу это сделать? – спросил я.

– Скажу тебе, что это очень просто. Может быть, я говорю так потому, что давно уже делаю это сам. Нужно только установить свое намерение как таможенника. Когда находишься в мире тоналя, ты должен быть безупречным тоналем; никакого времени для иррациональной ерунды. Но в мире нагуаля ты также должен быть безупречен – никакого времени для разумной ерунды. Для воина намерение – это ворота между. Они полностью закрываются за ним, когда он выходит на тот или иной путь.

Второе, что тебе следует делать при встрече с нагуалем – время от времени менять направление взгляда, чтобы разрушить чары нагуаля. Смена положения глаз всегда облегчает ношу тоналя. Сегодня утром я заметил, что ты был исключительно уязвимым, и поэтому изменил положение твоей головы. В подобных случаях ты должен научиться делать это самостоятельно – но только для облегчения, а не для того, чтобы снова оградить себя, сохранив распорядок тоналя. Я могу дать честное слово, что ты попытаешься использовать эту технику, чтобы спрятать за ней рациональность своего тоналя, считая при этом, что спасаешь его от уничтожения. Но дело в том, никто не собирается уничтожать рациональность тоналя. Так что твой страх совсем не обоснован.

Больше мне нечего сказать тебе, кроме того, что ты должен наблюдать за каждым движением Хенаро, не истощая себя. Сейчас ты проверяешь, загружен ли твой тонал несущественными деталями. Если на твоём острове слишком много ненужных вещей, то ты не сможешь выстоять во время встречи с нагуалем.

– Что же тогда случиться со мной?

– Ты можешь умереть. Никто не способен выжить в намеренной встрече с нагуалем без длительной тренировки. Требуются годы, чтобы подготовить тональ к такой встрече. Сталкиваясь лицом к лицу с нагуалем, обычный человек обычно умирает от шока. Цель тренировки воина вовсе не в обучении колдовству, а в том, чтобы научить тональ не отвлекаться на ерунду. Это очень трудное достижение. Воин, еще до того, как он даже задумает быть свидетелем нагуаля, должен научиться быть безупречным и совершенно пустым.

Возьмем твой случай. Тебе следует перестать рассчитывать. То, что ты делал этим утром, было абсурдом. Ты называешь это объяснениями. Я называю это бесплодной и назойливой настойчивостью тоналя удерживать все под своим контролем. Когда ему это не удастся, наступает момент замешательства, и тогда тональ открывается смерти. Что за самодовольный глупец¹⁹! Он скорее готов убить самого себя, чем уступить контроль, и, тем не менее, мы очень немного можем сделать, чтобы изменить такое положение вещей.

– А ты сам как изменил это?

– Остров тоналя должен быть тщательно выметен и содержаться в чистоте. Это единственная альтернатива, которая есть у воина. Чистый остров не оказывает сопротивления. Это как если бы там ничего не было.

Он обошел вокруг дома и уселся на большой гладкий камень. Оттуда можно было заглянуть в глубокий овраг. Он сделал мне знак сесть рядом.

– Не можешь ли ты мне сказать, дон Хуан, что мы еще собираемся делать сегодня? – спросил я.

– Мы ничего не собираемся делать. То есть, мы с тобой будем только свидетелями. Твой бенефактор – Хенаро.

¹⁹ Prick – груб. мужской половой орган, используется в качестве ругательства в адрес лиц мужского пола.

Я подумал, что недопонял из-за своего поспешного записывания. На начальных ступенях моего ученичества дон Хуан ввел термин «бенефактор». Мне всегда казалось, что сам он и был моим бенефактором.

Дон Хуан молча смотрел на меня. Я сделал быструю прикидку и заключил, что дон Хенаро является для меня чем-то вроде звезды-исполнителя для таких случаев. Дон Хуан усмехнулся, как бы читая мои мысли.

– Хенаро – твой бенефактор, – повторил он.

– Но разве не ты? – спросил я отчаянным голосом.

– Я тот, кто помогает тебе подмести твой остров тональ, – сказал он. – У Хенаро есть два ученика – Паблито и Нестор. Он помогает им подметать остров. Но я буду показывать им нагуаль. Я буду их бенефактором. Хенаро только их учитель. В этих делах можно или говорить, или действовать. Нельзя делать и то и другое с одним и тем же человеком. Берешь или остров тональ, или нагуаль. В случае с тобой я должен работать с твоим тоналем.

По мере того, как дон Хуан это говорил, я почувствовал такой ужас, что мне чуть не стало плохо. Я боялся, что он собирается оставить меня с доном Хенаро, а для меня ничего не могло быть хуже этого.

Дон Хуан смеялся до слез, когда я высказал ему свои страхи.

– То же самое происходит и с Паблито, – сказал он. – Ему становится плохо от одного взгляда на меня. Однажды он пришел в отсутствие Хенаро. В доме был только я один, и когда Паблито увидел у двери мое сомбреро, то его тональ был настолько испуган, что он попросту наложил в штаны.

Я легко мог понять чувства Паблито. При более тщательном рассмотрении я вынужден был признать, что дон Хуан был устрашающим. Я научился, однако, чувствовать себя с ним удобно. В его присутствии я испытывал чувство близости, рожденной нашей долгой с ним связью.

– Я не собираюсь оставлять тебя с Хенаро, – сказал он, все еще смеясь. – Я тот, кто заботится о твоём тоне. Без него ты мертв.

– Каждый ли ученик имеет учителя и бенефактора? – спросил я, чтобы унять свое беспокойство.

– Нет, но некоторые имеют.

– Почему только некоторые?

– Когда обычный человек готов, сила предоставляет ему учителя, и он становится учеником. Когда ученик готов, сила предоставляет ему бенефактора, и он становится магом.

– Что делает человека готовым к тому, чтобы сила предоставила ему учителя?

– Никто не знает этого. Мы только люди. Некоторые из нас – люди, научившиеся видеть и использовать нагуаль, но никакие наши достижения не помогут раскрыть нам планов силы. Поэтому не у каждого ученика есть бенефактор. Сила решает это.

Я спросил его, был ли у него самого и учитель, и бенефактор, и впервые за тринадцать лет он открыто заговорил о них. Он сказал, что как его учитель, так и его бенефактор были из Центральной Мексики. Я всегда считал, что любая информация о доне Хуане будет ценной для моих антропологических исследований. Но в момент его откровения это как-то не имело значения.

Дон Хуан взглянул на меня, как мне показалось, участливо. Затем он резко сменил тему и попросил подробно рассказать ему о моих утренних переживаниях.

– Внезапный испуг всегда сжимает тональ, – сказал он, комментируя мое описание того, что я ощутил от вопля дон Хенаро. – Проблема здесь в том, чтобы не позволить тону сжаться в ничто²⁰. Серьезный вопрос для воина – знать в точности, когда позволить своему тону сжаться, а когда остановить его. Это великое искусство. Воин должен бороться, как демон, для того чтобы

²⁰ Out of the picture

сжать свой тональ. Но в тот самый момент, когда его тональ сжимается, воин должен повернуть всю эту битву и направить ее на прекращение сжатия.

– Но, делая это, разве он не возвращается назад к первоначальному состоянию? – спросил я.

– Нет, после того, как тональ сжимается, воин закрывает ворота с другой стороны. До тех пор, пока его тональ не оспаривается, и его глаза настроены только на мир тоналя, воин с безопасной стороны ограды. Он на знакомой почве и знает все законы. Но когда тональ сжимается – он на ветреной стороне, и это отверстие должно быть накрепко закрыто немедленно, иначе он будет унесен прочь. И это не просто способ говорить. За воротами глаз тоналя бушует ветер, я имею в виду реальный ветер. Ветер, который может унести твою жизнь. Это не метафора. Фактически, это тот ветер, который несет все живые существа на земле. Несколько лет назад я познакомил тебя с этим ветром. Однако ты воспринял это как шутку.

Он напоминал о том времени, когда он взял меня в горы и объяснил мне некоторые особенности ветра. Однако я никогда не думал, что это была шутка.

– Не имеет значения, воспринял ты это всерьез, или нет, – сказал он, выслушав мои протесты. – Как закон, тональ должен защищать себя любой ценой всякий раз, когда ему угрожают; поэтому не важно, как именно реагирует тональ, защищая себя. Важно лишь, чтобы тональ воина был знаком с другими возможностями. Поэтому учитель здесь направляет свои усилия на общий вес этих возможностей. Именно вес этих новых возможностей помогает сжать тональ. Точно так же этот вес помогает остановить тональ, чтобы он не сжался совсем в ничто.

Он сделал мне знак продолжить пересказ утренних событий и прервал меня, когда я подошел к тому, как дон Хенаро скользил назад и вперед между стволом дерева и веткой.

– Нагуаль может выполнять необычные вещи, – сказал он. – Вещи, которые кажутся невозможными, немислимыми для тоналя. Но что удивительнее всего – человек, который их выполняет, не

знает, как он это делает. Иными словами, Хенаро не знает, как эти вещи происходят. Он знает только, что делает их. Секрет мага в том, что он знает, как добраться до нагуалья, но когда он туда попадает, то его догадки относительно происходящего там ничуть не лучше твоих собственных.

– Но что чувствуешь, когда делаешь все это?

– Чувствуешь, как будто что-то делаешь.

– Чувствует ли дон Хенаро, что он ходит по стволу дерева?

Дон Хуан секунду осмотрел на меня, а затем отвернулся.

– Нет, – сказал он громким шепотом. – Не в том смысле, как ты это понимаешь.

Больше он ничего не сказал. Я буквально затаил дыхание, ожидая его объяснений. Наконец, я спросил:

– Что же он чувствует?

– Я не могу сказать тебе, и не потому, что это – его личное дело, а потому что нет способа описать это.

– Ну, пожалуйста, – уговаривал я его. – Нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить словами. Я уверен, что даже если и невозможно описать что-то прямо, то всегда можно хоть как-то намекнуть на это.

Дон Хуан рассмеялся. Его смех был дружеским и добрым. Однако в нем был оттенок насмешки и какой-то явный подвох.

– Я должен сменить тему, – сказал он. – Удовлетворись тем, что нагуаль был нацелен на тебя утром. Что бы Хенаро ни делал, это была смесь его и тебя. Его нагуаль был затронут твоим тоналем.

Я продолжал свои попытки.

– Когда ты показываешь твой нагуаль Паблито, что ты чувствуешь?

– Я не могу тебе этого объяснить, – сказал он тихо. – И не потому, что не хочу, – просто потому, что мой тональ там останавливается.

Я не хотел больше нажимать на него. Некоторое время мы молчали, а затем он снова заговорил.

– Можно сказать, что воин учится настраивать свою волю, направлять ее с точностью иглой, фокусировать ее, где захочет. Как если бы его воля, которая выходит из средней части тела, была единственным светящимся волокном. Волокном, которое он может направить в любое воображаемое место. Эта волокно – дорога к нагуалью. Можно сказать также, что воин погружается в нагуаль с помощью этого единственного волокна. Как только он погрузился, способ выражения нагуаля – дело его личного темперамента. Если воин забавен, то его нагуаль забавен. Если он мрачен, то его нагуаль мрачен. Если он зол, его нагуаль зол.

Хенаро всегда смешит меня до упаду, потому что он – одно из самых приятных живых существ. Я никогда не знаю, с чем он приходит. Для меня это – абсолютная сущность магии. Хенаро настолько текучий воин, что малейшее фокусирование его воли заставляет его нагуаль действовать невероятным образом.

– А сам ты видел, что именно делал дон Хенаро?

– Нет, я просто знал, так как видел, что его нагуаль находился на деревьях. Оставшееся шоу было для тебя одного.

– То есть, ты хочешь сказать, что, как и в случае с базаром, тебя со мной не было?

– Похоже на это. Когда человек встречается лицом к лицу с нагуалем, он всегда должен быть с ним один на один. Я был поблизости, но только для того, чтобы защитить твой тональ. Это моя обязанность.

Дон Хуан сказал, что мой нагуаль едва не разлетелся на куски, когда дон Хенаро спустился с дерева. Это произошло не потому, что нагуаль сам по себе опасен, а потому, что мой тональ индольгировал

в своем замешательстве. Одна из целей тренировки воина заключается в том, чтобы урезать замешательство тоналя, пока он не станет настолько текучим, что сможет принять все, не принимая ничего.

Когда я описал прыжки дон Хенаро на дерево и обратно, дон Хуан сказал, что крик воина является одним из важнейших моментов магии и что дон Хенаро был способен фокусировать свой крик, используя его как средство для перемещения.

– Ты прав, – сказал он. – Хенаро был частично притянут своим криком и частично деревом. С твоей стороны это было настоящим видением подлинной картины нагуалья. Воля Хенаро сфокусировалась в этом крике, а его личное прикосновение заставило дерево притянуть нагуаль. Линии протянулись в обе стороны – от Хенаро к дереву и от дерева к Хенаро. Когда Хенаро спрыгнул с дерева, ты должен был увидеть, что вначале он сфокусировался на участке земли перед тобой, а потом дерево толкнуло его. Но толчок этот был лишь кажущимся. В сущности, это было больше похоже на освобождение от дерева. Дерево отпустило нагуаль, и он вернулся обратно в мир тоналя, на то место, где он сфокусировался. Когда Хенаро спустился с дерева во второй раз, твой тональ был уже не настолько потрясен. Ты индальгировал меньше, и поэтому не потерял столько энергии, как в первый раз.

Около четырех часов дня дон Хуан прервал нашу беседу.

– Мы идем назад к эвкалиптам. Нагуаль ждет нас там, – сказал он.

– Не рискуем ли мы, что нас увидят люди? – спросил я.

– Нет, нагуаль все держит взвешенным, – ответил он.

6. Шепот нагуалья

Когда мы приблизились к эвкалиптам, я увидел дон Хенаро, который сидел на пне и улыбался нам. Он приветственно помахал рукой. Мы подошли к нему. На деревьях устроилась стая ворон. Они громко каркали, словно были чем-то встревожены. Дон Хенаро сказал, что мы должны оставаться тихими и неподвижными, пока не успокоятся вороны.

Дон Хуан прислонился спиной к дереву и велел мне сделать то же, указав на соседнее дерево в двух шагах слева от него. Мы стояли лицом к дону Хенаро, который был от нас на расстоянии двух или трех ярдов.

Едва заметным движением глаз дон Хуан сделал мне знак изменить положение ног. Сам он стоял твердо, слегка расставив ступни и касаясь ствола только верхней частью лопаток и затылком. Его руки свободно свисали по бокам.

Мы стояли так, наверное, около часа. Я внимательно наблюдал за обоими, особенно за доном Хуаном. В какой-то момент он медленно опустился по стволу дерева на землю и сел, положив руки на поднятые колени и сохраняя прежний контакт с деревом. Я сделал то же самое. Ноги устали, и перемена позы принесла облегчение.

К тому времени вороны уже перестали каркать, и на поле воцарилось безмолвие. Наступившая тишина была еще более тревожной, чем крики ворон.

Дон Хуан вполголоса сказал, что сумерки – мое лучшее время. Он взглянул на небо. Должно быть, было уже больше шести. День был сумрачный, и я не мог определить положение солнца. Я слышал далекие крики гусей или возможно индюков, но на поле, где росли эвкалипты, было совершенно тихо.

Очень долгое время не было слышно ни свиста птиц, ни жужжания насекомых.

Насколько я мог судить, дон Хуан и дон Хенаро сохраняли полную неподвижность, кроме тех нескольких секунд, когда они поменяли позу чтобы отдохнуть.

После того, как мы с доном Хуаном соскользнули на землю, дон Хенаро сделал внезапное движение. Он поднял ноги на пень и сел на нем на корточках. Потом он повернулся на сорок пять градусов, и я увидел его профиль слева. Я посмотрел на дон Хуана в поисках объяснений. Он лишь вздернул подбородок — это был приказ смотреть на дон Хенаро.

Меня начало охватывать чудовищное возбуждение. Я был не в силах совладать с собой: мои кишки судорожно задвигались, и теперь-то я точно знал, что ощущал Паблито, когда увидел сомбреро дон Хуана. Расстройство желудка заставило меня вскочить и помчаться в кусты. Я слышал, как они завывали от смеха.

Обескураженный, я не смел вернуться, кляня себя за то, что своей внезапной выходкой разрушил очарование момента. Через минуту дон Хуан и дон Хенаро пришли ко мне сами. Они стали по сторонам, как конвоиры, и повели меня на другое поле. Мы остановились в самом его центре, и я узнал то место, на котором мы были утром.

Дон Хуан заговорил со мной. Он сказал, что мне следует остановить внутренний диалог и оставаться текучим и безмолвным. Я внимательно слушал. Дон Хенаро, должно быть, осознавал, что все мое внимание было приковано к объяснениям дон Хуана, и воспользовался этим моментом, чтобы сделать то же, что сделал утром. Он издал свой сводящий с ума вопль. Это опять застало меня врасплох, но на этот раз я был подготовлен и почти сразу восстановил равновесие при помощи дыхания. Потрясение было ужасным, но кратким, так что я успел проследить глазами за его движениями и видел, как дон Хенаро прыгнул на нижнюю ветку дерева футах в восьмидесяти-девяноста от того места, где он стоял. По мере того, как я следил за его траекторией, я испытал странное

зрительное искажение: он не то чтобы прыгнул, оттолкнувшись ногами от земли, а скорее скользнул по воздуху, частично катапультированный своим ужасным воплем и частично притянутый какими-то смутными линиями, эманировавшими из дерева. Казалось, дерево притянуло его своими линиями.

Мгновение дон Хенаро оставался на ветке, повернувшись ко мне в профиль, а затем стал выполнять какие-то странные движения. Его голова болталась, тело дрожало. Несколько раз он засовывал голову между колен. Чем больше он двигался и елозил, тем труднее мне было сфокусировать глаза на его теле. Казалось, что он растворяется в воздухе. Я мигнул в отчаянии, а затем стал менять направление взгляда, поворачивая голову из стороны в сторону, как учил меня дон Хуан. Из левой перспективы я увидел тело дон Хенаро таким, каким я его никогда раньше не видел. Казалось, что он, переодевшись, изменил свою внешность. На нем был меховой костюм. Окраска меха была как у сиамской кошки: светло-дымчато-коричневая со слегка более темным шоколадно-коричневым на ногах и спине. У него был длинный толстый хвост. Костюм Хенаро делал его похожим на мохнатого коричневого длинноногого крокодила, сидящего на ветке. Я не мог различить ни его головы, ни черт лица. Когда я выпрямил голову в нормальное положение, вид переодетого дон Хенаро остался неизменным.

Вдруг его руки задрожали. Дон Хенаро встал на ветке, наклонился и прыгнул вниз с четырехметровой высоты. Насколько я мог судить, это был обычный прыжок человека, одетого в причудливый костюм. Я видел, как тело дон Хенаро почти коснулось земли, а затем его толстый хвост завибрировал, и, вместо того, чтобы приземлиться, он взлетел вверх, словно под действием беззвучного реактивного двигателя. Пролетев над деревьями, он спланировал к земле и снова взмыл. Он делал это снова и снова. Временами он хватался за ветку и кружился вокруг дерева, или как угорь извивался между ветвей. А затем он скользил вниз и кружился вокруг нас. Или хлопал в ладоши, касаясь животом верхушек деревьев.

Пилотаж дон Хенаро наполнил меня благоговейным страхом. Наблюдая за ним, я два или три раза ясно различил, что он

пользуется, словно тяжами, какими-то сверкающими линиями для того, чтобы планировать с одного места на другое. Затем он промчался над вершинами деревьев к югу и исчез за ними. Я попытался предугадать место, откуда он появится вновь, но он исчез.

Только сейчас я заметил, что лежу на спине, хотя и не осознавал изменения перспективы, мне все время казалось, что я смотрю на дона Хенаро из положения стоя.

Дон Хуан помог мне сесть, а затем я увидел дона Хенаро, который шел к нам с беспечным видом. Он застенчиво улыбнулся и спросил меня, как мне понравились его полеты. Я силился что-то сказать, но не мог.

Они обменялись странными взглядами, после чего дон Хенаро опять сел на корточки. Он наклонился и зашептал что-то в мое левое ухо. Я услышал, как он говорит: «Почему бы тебе не полетать вместе со мной?» Он повторил это пять или шесть раз.

Дон Хуан подошел ко мне и прошептал в правое ухо: «Не разговаривай, просто следуй за Хенаро».

Дон Хенаро заставил меня сесть на корточки и зашептал опять. Я слышал его с необыкновенной ясностью. Он повторил свои слова раз десять. Он сказал «Доверься нагуалью. Нагуаль возьмет тебя».

Затем дон Хуан зашептал мне в правое ухо. Он сказал: «Измени свои чувства».

Я мог слышать, как они оба говорили одновременно, но я также мог слышать каждого из них в отдельности. Все, что говорил дон Хенаро, имело отношение к общему контексту скольжения по воздуху. Фразы, которые он повторял десятки раз, казалось, выгравировались в моей памяти. Слова дона Хуана, с другой стороны, были особыми командами, которые он повторял множество раз. Эффект такого двойного нашептывания был совершенно необычным. Казалось, звучание их индивидуальных слов расщепляли меня пополам. В конце концов, бездна между моими ушами стала такой, что я потерял всякое чувство единства. Оставалось что-то, что несомненно было мной, но оно не было

твердым. Оно было скорее светящимся туманом, темно-желтой дымкой, которая имела чувства.

Дон Хуан сказал мне, что он собирается придать мне форму для летания. При этом у меня возникло ощущение, что эти слова были подобны щипцам, которые закручивали и придавали форму моим «чувствам».

Слова дон Хенаро были приглашением следовать за ним. Я почувствовал, что хочу сделать это, но не могу. Расщепление было настолько полным, что я был лишен возможности действовать. Затем я услышал одной то же короткое заявление, бесконечно повторяемое ими обоими:

«Взгляни на эту прекрасную летающую форму». «Прыгай, прыгай!». «Твои ноги достигнут вершин деревьев». «Эвкалипты похожи на зеленые точки». «Черви – это огни».

В какой-то момент что-то во мне прекратилось – быть может, мое осознание того, что они говорили. Я чувствовал, что дон Хенаро все еще со мной, но не видел ничего, кроме гигантского скопления совершенно необычных источников света. Временами их сияние уменьшалось, а временами становилось интенсивным. Ощущал я также и движение. Было такое впечатление, что меня притягивает какой-то вакуум, который никогда не позволит мне остановиться. Когда мое движение, казалось, замедлялось, и я мог действительно сфокусировать свое осознание на источниках света, вакуум снова утягивал меня прочь.

В какой-то момент между притяжениями туда и обратно я испытал крайнее замешательство. Мир вокруг меня, чем бы он ни был, приближался и удалялся в одно и то же время, отсюда и следовал вакуумоподобный эффект. Я видел два отдельных мира – один, который уходил от меня, и другой, который надвигался. Я не осознал это обычным путем, у меня не было ощущения того, что я обнаружил что-то ранее скрытое. Скорее, у меня было два независимых осознания без объединяющего заключения.

После этого картины моего восприятия стали какими-то тусклыми. Им недоставало точности, или же восприятий было

слишком много, и я не мог их рассортировать. Следующим набором различных восприятий была серия звуков, которые имели место в конце длинного трубообразного образования. «Трубой» был я сам, а звуками были дон Хуана и дон Хенаро, снова говорившими мне в уши. Чем дольше они говорили, тем короче становилась труба, пока звуки не оказались в узнаваемом мной диапазоне. Иначе говоря, звуки слов дона Хуана и дона Хенаро достигли моего нормального диапазона восприятия. Сначала эти звуки осознавались как шумы, затем как слова, которые выкрикивают, и, наконец, как слова, которые мне шепчут в уши.

Затем я различил предметы знакомого мне мира. Очевидно, я лежал лицом вниз. Я мог видеть маленькие камешки, комочки почвы и сухие листья, а затем я вспомнил поле с эвкалиптами.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом со мной. Было еще светло. Я почувствовал, что мне нужно забраться в воду, чтобы укрепить себя. Я дошел до реки, разделся и оставался в холодной воде, пока не восстановил равновесие в своем восприятии.

Дон Хенаро ушел, как только мы добрались до его дома. Уходя, он небрежно потрепал меня по плечу. Я рефлекторно отскочил, думая, что его прикосновение будет болезненным. К моему изумлению, это было просто мягкое похлопывание по плечу.

Дон Хуан и дон Хенаро смеялись как два ребенка, празднующих шалость.

– Не будь таким прыгучим, – сказал дон Хенаро. – Нагуаль не все время преследует тебя.

Он почмокал губами, как бы не одобряя мою преувеличенную реакцию, и протянул ко мне руки с дружелюбным видом. Я обнял его. Он похлопал меня по спине. Это был очень дружеский и теплый жест.

– Нагуаль должен заботить тебя лишь в определенные моменты. Все остальное время мы такие же люди, как и все на этой земле.

Он повернулся к дону Хуану и улыбнулся ему.

– Разве это не так, Хуанчо? – спросил он, подчеркивая слово «Хуанчо» – забавное уменьшительное от имени «Хуан».

– Это так, Хенарчо, – ответил дон Хуан, тут же создав такое же уменьшительное от имени «Хенаро».

Оба они расхохотались.

– Должен предупредить тебя, – сказал мне дон Хуан. – Тебе нужно научиться точно определять, когда человек – нагуаль, а когда человек – это просто человек. Ты можешь умереть, если придешь в прямой физический контакт с нагуалем.

Дон Хуан повернулся к дону Хенаро и с сияющей улыбкой спросил:

– Разве не так, Хенарчо?

– Это абсолютно так, Хуанчо, – ответил дон Хенаро, и они снова расхохотались.

Их ребячество очень трогало меня. События дня были утомительными, и я стал очень эмоционален. Волна жалости к себе охватила меня. Я готов был заплакать, повторяя себе, что все то, что они сделали со мной, было необратимым и, скорее всего, вредным. Дон Хуан, казалось, читал мои мысли. Усмехнувшись, он недоверчиво покачал головой. Я попытался остановить внутренний диалог, и вся моя жалость к себе исчезла.

– Хенаро очень теплый, – заметил дон Хуан, когда дон Хенаро ушел. – Планом силы было, чтобы ты нашел мягкого бенефактора.

Я не знал, что сказать. Мысль о том, что дон Хенаро является моим бенефактором, интриговала меня до бесконечности. Я хотел, чтобы дон Хуан побольше рассказал мне об этом, но он, казалось, не был расположен к разговорам. Он посмотрел на небо и на вершины темных силуэтов деревьев сбоку от дома. Он уселся, прислонившись

спиной к толстому раздвоенному столбу, вкопанному почти перед дверью, и сказал, чтобы я сел рядом с ним слева.

Я сел. Он подтянул меня за руку поближе, пока я не коснулся его, и сказал, что это время ночи опасно для меня, особенно в данном случае. Очень спокойным голосом он дал мне ряд наставлений: мы не должны были покидать этого места, пока он сочтет это необходимым, мы также должны были продолжать разговаривать, не делая длинных пауз, а я должен был моргать и дышать, как если бы был лицом к лицу с нагуалем.

– Разве нагуаль поблизости? – спросил я.

– Конечно, – сказал он и усмехнулся.

Я практически навалился на дона Хуана. Он начал говорить и фактически вытягивал из меня каждый вопрос. Он даже вручил мне блокнот и карандаш, как если бы я мог писать в темноте. Он заметил, что я должен быть настолько спокоен и нормален, насколько это возможно, и что для меня нет лучшего способа укрепить свой тональ, чем мои записи. Все это дело он представил в неотразимом свете. Он сказал, что записывание – мое предрасположение, а раз так, то я должен быть способен делать заметки в любых обстоятельствах, даже в полной темноте. В его голосе был оттенок вызова, когда он сказал, что я могу превратить делание заметок в задачу воина, а в этом случае темнота никак не будет препятствием.

Он, должно быть, убедил меня каким-то образом, потому что я ухитрился записать часть разговора. Основной темой был дон Хенаро как мой бенефактор. Мне было любопытно узнать, когда дон Хенаро стал им. И дон Хуан предложил мне вспомнить одно необычное событие, которое произошло в тот день, когда я впервые встретил дона Хенаро, и которое послужило надлежащим знаком. Я ничего подобного вспомнить не мог. Я начал пересказывать события. Насколько я помнил, это была ничем не примечательная и случайная встреча, которая произошла весной 1968 года. Дон Хуан прервал меня.

– Если ты слишком туп и не можешь вспомнить, то лучше оставим это. Воин следует указаниям силы. Ты вспомнишь это, когда будет нужно.

Дон Хуан сказал, что иметь бенефактора – это очень трудное дело. В качестве примера он взял своего ученика, Элихио, который был с ним много лет. Он сказал, что Элихио не смог найти бенефактора. Я спросил, найдет ли Элихио его когда-нибудь, и он ответил, что нет возможности предсказать поворот силы. Он напомнил мне, как однажды, несколькими годами ранее, мы встретились с группой молодых индейцев, бродивших по пустыне северной Мексики. Он сказал, что видел, что никто из них не имел бенефактора, и что общая обстановка и настроение момента были совершенно правильными для того, чтобы протянуть им руку и показать нагуаль. Он говорил об одной ночи, когда четверо юношей сидели у огня, и дон Хуан, по моему мнению, показал интересное представление, в котором он похоже виделся каждому из нас в разной одежде.

– Эти парни знали очень многое. Ты был единственный новичок среди них, – сказал он.

– Что случилось с ними впоследствии?

– Некоторые из них нашли бенефакторов, – ответил он.

Дон Хуан сказал, что обязанностью бенефактора является доставить своего опекаемого силе и что бенефактор передает новичку свое личное прикосновение не меньше, а то и больше, чем учитель.

Во время короткой паузы я услышал странный скребущий звук позади дома. Среагировав на него, я почти встал, но дон Хуан прижал меня вниз. До того, как раздался этот шум, разговор наш казался мне обычным. Но, когда наступила пауза и последовал момент молчания, странный звук прорвался сквозь него. В этот момент у меня возникла уверенность, что наш разговор является необычайным событием. У меня было ощущение, что звук моих и дон Хуана слов был подобен разорвавшемуся листу и что

скребущий звук намеренно ожидал удобного шанса, чтобы прорваться сквозь этот лист.

Дон Хуан велел мне сидеть неподвижно и не обращать внимания на окружающее. Скребущий звук напомнил мне звук, который производит суслик, копая сухую землю. Как только я подумал о сходстве, у меня сразу возникло зрительное изображение грызуна вроде того, что дон Хуан показал мне на ладони. Это было, как если бы я заснул, и мои мысли превращались в видения или сны.

Держась за живот сцепленными ладонями, я начал дыхательные упражнения. Дон Хуан продолжал говорить, но я его уже не слушал. Мое внимание было приковано к мягкому шуршанию чего-то змееподобного, скользящего по сухой листве. Я испытал момент паники и физического отвращения при мысли, что ко мне подкрадывается змея. Невольно я запихнул свои ступни под ноги дона Хуана и начал отчаянно дышать и моргать.

Я слышал звук так близко, что казалось, он находился в двух футах от меня. Моя паника нарастала. Дон Хуан спокойно сказал, что единственный способ отразить нагуаль – это остаться неизменным. Он приказал мне вытянуть ноги и не концентрировать внимание на звуке. Он повелительно потребовал, чтобы я или писал, или задавал вопросы и сделал усилие не поддаваться.

После тяжелой борьбы я спросил его, не дон ли Хенаро производит эти звуки. Он сказал, что это нагуаль и что я не должен их смешивать. «Хенаро» – имя тоналя. Затем он сказал что-то еще, но я не понял его. Что-то кружило вокруг дома, и я не мог концентрироваться на нашем разговоре. Он велел мне сделать максимальное усилие. Через некоторое время я обнаружил, что бормочу какие-то идиотские фразы о своей непригодности. Я ощутил толчок страха и прорвался в состояние огромной ясности. Затем дон Хуан сказал мне, что теперь можно слушать. Но звуков больше не было.

– Нагуаль ушел, – сказал дон Хуан и, поднявшись, вошел внутрь дома. Он зажег керосиновую лампу и приготовил еду. Мы молча поели. Я спросил его, не вернется ли нагуаль.

– Нет, – сказал он с серьезным выражением. – Он просто испытывал тебя. В это время ночи, сразу после сумерек, ты всегда должен вовлекать себя в какое-нибудь занятие. Подойдет все, что угодно. Это только короткий период, один час, может быть. Но для тебя это – смертельно опасный час.

Сегодня нагуаль пытался заставить тебя споткнуться, но ты был достаточно силен, чтобы отразить его нападение. Однажды ты поддался ему, и я вынужден был лить воду на твоё тело. На этот раз ты прошел хорошо.

Я заметил, что слово «нападение» придает этому событию очень опасное звучание.

– «Опасное звучание»? Это странный способ выражаться, – сказал он. – Я не пытаюсь пугать тебя. Действия нагуаля смертельно опасны. Я уже говорил тебе об этом, и это не означает, что дон Хенаро старается повредить тебе. Наоборот – его забота о тебе неуязвима. Но если у тебя недостаточно силы, чтобы отразить нападение нагуаля, ты умрешь, несмотря на мою помощь или заботу Хенаро.

После еды дон Хуан сел рядом и заглянул в мой блокнот. Я заметил, что события этого дня были настолько ошеломляющими, что мне, пожалуй, понадобятся годы, чтобы разобраться во всем.

– Если ты не можешь понять, то ты в прекрасной форме, – сказал он. – Вот когда ты понимаешь, ты находишься в каше. Конечно, это точка зрения мага. С точки зрения среднего человека, если ты не можешь понять, то ты идешь ко дну. В твоём случае средний человек подумал бы, что ты распался или начинаешь распадаться.

Я засмеялся над его выбором слов. Это была ирония – однажды я упоминал о концепции распада в связи со своими страхами. Я

заверил его, что на этот раз не буду спрашивать ни о чем из того, через что прошел.

— Я никогда не запрещал разговаривать, — сказал он. — Мы можем с тобой говорить о нагуале сколько угодно, но до тех пор, пока ты не пытаешься объяснять его. Если ты точно помнишь, я сказал, что можно быть лишь свидетелем нагуаля. И поэтому мы можем говорить только о том, чему были свидетелями, и как мы были свидетелями этого. Но ты хочешь объяснить, каким образом все это возможно, а это отвратительно. Ты хочешь объяснить нагуаль при помощи тоналя, а это глупо, особенно в твоем случае, так как ты уже не можешь прятаться за своим невежеством. Ты очень хорошо знаешь, что наш разговор имеет смысл лишь потому, что мы остаемся в определенных границах, и эти границы неприменимы к нагуалю.

Я сделал попытку прояснить этот спорный вопрос, сказав, что я не то чтобы хотел объяснять все с рациональной точки зрения, а само мое стремление объяснять проистекало из необходимости поддерживать порядок на протяжении всех этих потрясающих хаотических стимулов и восприятий, с которыми я сталкивался.

Дон Хуан заметил, что я пытаюсь отстаивать точку зрения, с которой сам не согласен.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что индულიгуешь, сказал он. — Поддерживать порядок — значит быть совершенным тоналем, а быть совершенным тоналем, значит осознавать все, что происходит на острове тональ. Но ты на нем не находишься, поэтому твоё возражение насчет поддержания порядка безосновательно. Ты пользуешься им только для того, чтобы победить в споре.

Я не знал, что и ответить. Дон Хуан успокоил меня, сказав, что очистка острова тональ достигается лишь ценой огромной борьбы, а затем попросил рассказать о второй встрече с «нагуалем». Когда я закончил, он прокомментировал, что мохнатый крокодил был, пожалуй, вершиной чувства юмора дона Хенаро.

– Жаль, что ты все еще такой тяжелый, – сказал он. Тебя всегда останавливает ошеломление, ты цепляешься и поэтому ты не видишь настоящего искусства Хенаро.

– А ты осознавал его внешний вид, дон Хуан?

– Нет, представление было только для тебя.

– Что ты видел?

– Сегодня я видел лишь движения нагуаля, скользящего между деревьями и кружащего вокруг нас. Любой, кто видит, может свидетельствовать это.

– А как же насчет того, кто не видит?

– Он не заметит ничего. Может быть только, что деревья сотрясаются бешеным ветром. Мы интерпретируем любые неизвестные проявления нагуаля как что-то известное нам. В этом случае нагуаль мог бы быть интерпретирован как бриз, колышущий листья, или даже как какой-то странный свет, возможно, светлячок необычного размера. Если настаивать, то человек, который не видит, скажет, что хотя и видел что-то, но не может вспомнить что. Это совершенно естественно. Человек всегда говорит то, что имеет смысл. В конце концов, его глаза и не могут заметить ничего необычного. Будучи глазами тоналя, они должны быть ограничены миром тоналя, а в этом мире нет ничего поразительно нового. Ничего такого, что глаза не могли бы ухватить²¹, а тональ не мог бы объяснить.

Я спросил его о тех непонятных явлениях, которые были результатом их двойного нашептывания.

– Это было лучшей частью всего события, – сказал он. Остальное можно опустить, но это было венцом дня. Правило требует, чтобы бенефактор и учитель произвели окончательную настройку, которая является самым сложным действием. Оба они, – и учитель, и бенефактор, – должны быть безупречными воинами

²¹ To apprehend – понимать, постигать, разгадывать, схватывать.

даже только для того, чтобы попытаться расщепить человека. Ты поймешь это позже, но сила опять была благосклонна к тебе. Хенаро – самый безупречный воин из всех, кого я знаю.

– Почему расщепление человека считается таким трудным?

– Потому что это опасно. Ты можешь умереть, как букашка. Или, – что еще хуже, – мы не сумели бы собрать тебя снова, и ты так бы и остался на том же уровне чувств.

– Зачем это нужно было делать со мной, дон Хуан?

– В определенный момент нагуаль должен своим шепотом в ухо ученика расщепить его.

– Что это значит, дон Хуан?

– Чтобы быть средним тоналем, человеку необходимо единство – все его существо должно принадлежать острову тональ. Без этого единства человек полезет на стенку. Магу, тем не менее, необходимо разорвать это единство, не подвергая опасности свою жизнь. Задача мага заключается в том, чтобы выдержать, то есть избежать ненужного риска, и поэтому маг годами выметает свой остров, до того момента, пока он не сможет, образно говоря, улизнуть с него. Расщепление надвое как раз и является вратами для такого побега. Это расщепление – наиболее опасная вещь из всего, что с тобой происходило – прошло гладко и просто. Нагуаль мастерски руководил тобой. Поверь мне, нужно быть безупречным воином, чтобы сделать это. Я очень рад за тебя.

Дон Хуан положил мне руку на плечо, и у меня появилось огромное желание заплакать.

– Наступает ли тот момент, когда я больше не увижу тебя? – спросил я.

Он засмеялся и покачал головой.

– Ты индугируешь, как сукин сын. Однако все мы делаем это, только каждый по-своему. Иногда я и сам индугирую – чувствую,

например, что избаловал тебя и сделал слабым. Я знаю, что Хенаро точно так же думает о Паблито. Он балует его, как ребенка. Но так все разметила сила. Хенаро дает Паблито все, что способен дать. И нельзя требовать от него большего. Нельзя критиковать воина за то, что он безупречно делает лучшее, что может.

С минуту он молчал. Я слишком нервничал, чтобы вынести молчание.

– Что, по-твоему, происходило со мной, когда я чувствовал, что меня засасывает вакуум? – спросил я.

– Ты планировал, скользил²², – сказал он как само собой разумеющееся.

– По воздуху?

– Для нагуаля нет ни земли, ни воздуха, ни воды. С этим ты можешь согласиться сам. Дважды ты был в этом преддверии ада, а ведь ты бы лишь у двери нагуаля. Ты сказал мне, что все, с чем ты встретился, нельзя нанести на карту. Нагуаль скользит или летает, или делает что угодно во времени нагуаля, которое не имеет ничего общего со временем тоналя. Эти две вещи не пересекаются.

Пока он говорил, я чувствовал дрожь в теле. Челюсть у меня отвисла, и рот невольно открылся. Из ушей словно вынули вату, так что я различал даже едва уловимые оттенки вибрации. Когда я стал описывать свое ощущение дону Хуану, то заметил, что, когда я говорю, это звучит так, как если бы говорил кто-то другой. Это было сложное ощущение, равнозначное моему слышанию того, что я собираюсь сказать, прежде чем я произносил это.

Мое левое ухо было источником необыкновенных ощущений. Я чувствовал, что воспринимаю им намного интенсивнее и точнее, чем правым. В нем было что-то такое, чего не было раньше. Когда я повернулся направо, чтобы взглянуть на дону Хуана, то понял, что с левым ухом связано некое физическое пространство – зона ясного слухового восприятия, в которой я мог слышать все с невероятной

²² To glide – скользить, двигаться плавно, планировать.

отчетливостью. Таким образом, поворачивая голову, я мог использовать ухо в качестве локатора, сканируя окрестности.

– Это сделал с тобой шепот нагуаля, – сказал дон Хуан, когда я описал ему свои ощущения. Временами это приходит, а затем исчезает. Не бойся этого, а также любых других необычных ощущений, которые могут появиться у тебя с этого времени, а главное – не индульгируй и не становись одержимым этими ощущениями. Я знаю, ты добьешься успеха. Время для твоего расщепления было правильным. Так определила сила. Теперь все зависит от тебя. Если ты достаточно силен, то выступишь перед огромным потрясением от того, что ты был расщеплен. Но если ты не сможешь выстоять, то пропадешь. Ты начнешь сохнуть, худеть, бледнеть, становиться рассеянным, раздражительным, застывшим.

– Может быть, если бы ты рассказал мне несколько лет назад, – начал я, – о том, что делаете вы с Хенаро, то у меня было бы достаточно...

Он поднял руку и не дал мне закончить.

– Это заявление бессмысленно, – сказал он. – Ты как-то сказал, что если бы ты не был так упрям и не цеплялся за разумные объяснения, то к этому времени стал бы уже магом. Но стать магом в твоём случае и означает преодолеть упрямство и необходимость в разумных объяснениях, которые стоят на твоём пути. Более того – именно эти недостатки и являются твоей дорогой к силе. Ты не можешь сказать, что сила потечет к тебе, если твоя жизнь будет другой.

Мы с Хенаро должны действовать точно так же, как ты, – в определенных границах. Устанавливает эти границы сила, и воин является, скажем так, пленником силы. Пленником, у которого есть только один свободный выбор – действовать как безупречный воин, или действовать как осел. В конечном счете, воин не пленник, а раб силы, так как этот выбор более не является для него выбором. Хенаро может действовать только безупречно, потому что действовать, как осел, для него будет равносильно смерти. Это вызовет опустошение и конец.

Ты боишься Хенаро, потому что он должен использовать страх, чтобы сжимать твой тональ. Твое тело знает это, хотя твой разум, может быть, и не знает. Вот поэтому твоё тело и хочет каждый раз убежать, когда Хенаро поблизости. Я полюбопытствовал, намеренно ли дон Хенаро взялся пугать меня. Он ответил, что нагуаль делает очень странные вещи, и предвидеть их невозможно. В качестве примера он напомнил мне случай, когда однажды утром он не дал мне повернуться налево и посмотреть на дона Хенаро на дереве. Дон Хуан сказал, что хотя он и осознавал тогда все действия своего нагуаля, но не знал заранее, что произойдет. Он объяснил, что мой внезапный поворот налево был шагом к смерти, который мой тональ сделал намеренно, как рывок к самоубийству. Это движение привело в действие нагуаль дона Хуана, в результате чего какая-то часть его самого упала на меня.

Я сделал невольный жест замешательства.

– Твой разум опять говорит тебе, что ты бессмертен.

– Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

– У бессмертного существа есть неограниченное время для сомнений, замешательства и страхов. Но воин, с другой стороны, не может цепляться за смысл, создаваемый порядком тоналя, ведь ему известен тот факт, что у его целостности есть лишь немного времени на этой земле.

Я возразил, что мои страхи, сомнения и замешательство были бессознательными. И как я ни старался их контролировать, но при встрече с доном Хуаном и доном Хенаро я всякий раз чувствовал себя беспомощным.

– Воин не может быть ни беспомощным, ни испуганным, ни сбитым с толку, – сказал он, – ни при каких обстоятельствах. У воина есть время только для безупречности. Все остальное истощает его силу. Безупречность пополняет ее.

– Мы возвращаемся к моему старому вопросу, дон Хуан. – Что такое «безупречность»?

– Да, мы вернулись к твоему старому вопросу, а значит – и к моему старому ответу. Безупречность – это делать лучшее, что можешь во всем, во что ты вовлечен.

– Но дон Хуан, я считаю, что всегда делаю лучшее, что могу. Но очевидно – это не так.

– Это не так сложно, как выглядит с твоих слов. Ключом ко всем этим вопросам безупречности является чувство наличия или отсутствия времени. Правилom большого пальца здесь является то, что когда ты действуешь и чувствуешь как бессмертное существо, у которого есть все время на свете, ты не безупречен. В эти моменты ты должен повернуться, посмотреть вокруг, и тогда ты осознаешь, что твое чувство наличия времени – идиотизм. Нет выживших на этой земле.

7. Крылья восприятия

Весь день мы провели с доном Хуаном в горах. Мы ушли на рассвете. Он провел меня по четырем местам силы, и на каждом из них давал мне особую инструкцию относительно конкретной задачи, которую он наметил для меня несколько лет назад как жизненную ситуацию. Вернулись мы в конце дня. Поев, дон Хуан ушел из дома дона Хенаро. Он сказал, что мне следует подождать Паблито, который принесет керосин для лампы, и поговорить с ним.

Я погрузился в работу над своими заметками и не слышал, как пришел Паблито, пока вдруг не обнаружил его стоящим рядом со мной. Паблито заметил, что он практиковал походку силы, потому, конечно, я и не мог слышать его, если только не был способен видеть.

Мне всегда нравился Паблито. Однако в прошлом у меня не было возможности побыть с ним наедине, хотя мы и были хорошими друзьями. Паблито всегда поражал меня своим особым очарованием. Его звали, конечно же, Пабло, но уменьшительное «Паблито» подходило к нему как нельзя лучше. Он был тонкокостным, но жилистым. Подобно дону Хенаро, он был поджарым, неожиданно мускулистым и сильным. Ему, было около тридцати, но выглядел он, пожалуй, лет на восемнадцать. Он был темным, среднего роста, с чистыми и ясными карими глазами. И так же, как у дона Хенаро, на лице его сияла покоряющая улыбка с примесью какой-то неуловимой чертовщинки.

Я спросил о его друге Несторе, еще одном ученике дона Хенаро. В прошлом я всегда видел их вместе, и у меня возникло впечатление, что они отлично понимают друг друга даже без слов. Однако по внешнему виду и характеру они были противоположностями. В то время как Паблито был веселым и прямым, Нестор был мрачным и себе на уме. Он был выше, тяжелее, темнее и намного старше.

Паблито сказал, что Нестор, наконец, вовлекся в свою работу с доном Хенаро, и что он превратился в совершенно другого человека по сравнению с тем, каким я видел его в последний раз. Он не хотел углубляться дальше в разговор о работе Нестора или об изменениях его личности и резко сменил тему разговора.

– Как я понимаю, нагуаль кусает тебя за пятки, – сказал он.

Я был удивлен, что он это знает, и спросил, как он догадался.

– Хенаро мне все рассказывает, – сказал он. Я заметил, что он не говорит о доне Хенаро в той же учтивой форме, что и я. Он просто звал его фамильярно Хенаро. Он сказал, что дон Хенаро был ему как брат, и что им очень легко друг с другом, как если бы они были из одной семьи. Он открыто признался, что очень любит дону Хенаро. Я был глубоко тронут его простотой и искренностью. Разговаривая с ним, я понял, насколько я был близок по темпераменту к дону Хуану, поэтому наши отношения были формальными и строгими по сравнению с отношениями между доном Хенаро и Паблито.

Я спросил у Паблито, почему он боится дону Хуана. Его глаза сверкнули. Казалось, уже одна мысль о доне Хуане испугала его. Он не отвечал. Похоже, он каким-то таинственным способом оценивает меня.

– Ты не боишься его? – спросил он.

Я сказал ему, что боюсь дону Хенаро, и он рассмеялся, как будто меньше всего мог ожидать этого. Он сказал, что разница между доном Хуаном и доном Хенаро подобна разнице между днем и ночью. Дон Хенаро был день, а дон Хуан – ночь, и, будучи таковым, он был самым пугающим существом на земле. Описание своего страха перед доном Хуаном заставило Паблито сделать некоторые замечания относительно своего собственного состояния как ученика.

– Я в самом жалком состоянии, – сказал он. – Если бы ты мог видеть, что делается в моем доме, ты бы решил, что я знаю слишком

много для обычного человека, но если бы ты увидел меня с нагуалем, ты бы понял, что моих знаний явно не достаточно.

Он быстро сменил тему и стал смеяться над тем, что я делаю заметки. Он сказал, что дон Хенаро доставляет ему массу удовольствия, имитируя меня. Он сказал, что дону Хенаро я очень нравлюсь, несмотря на странности моей личности. И что он выразил это в том, что я являюсь его «протехидо».

Я впервые услышал такой термин. Он соответствовал другому термину, введенному доном Хуаном в начале нашей связи. Он сказал, что я являюсь его «эскохидо» — избранным. Слово «протехидо» означало «защищаемый».

Я спросил Паблито о его встрече с нагуалем, и он рассказал мне историю своей первой встречи с ним. Он сказал, что однажды дон Хуан дал ему корзину, которую он посчитал подарком доброй воли. Он повесил ее на крюк над дверью своей комнаты и, поскольку не мог придумать для нее в то время никакого применения, то и не вспоминал о ней весь день. Он думал, что корзина была даром силы и должна была быть использована для чего-нибудь особого.

В начале вечера, который, по словам Паблито, был для него также самым опасным часом, он вошел в комнату, чтобы надеть пиджак. Он был один в доме, и собирался идти в гости. В комнате было темно. Он схватил пиджак и, когда уже подходил к двери, корзина упала перед ним и подкатилась к его ногам. Паблито сказал, что он смехом прогнал свой испуг, как только увидел, что это просто корзина, которая упала с крючка. Он нагнулся, чтобы поднять ее, и все его существо содрогнулось. Корзина отпрыгнула от него и начала трястись и скрипеть, как если бы кто-нибудь крутил и давил ее. Паблито сказал, что из кухни в комнату попадало достаточно света, чтобы все вокруг можно было достаточно хорошо различить. Мгновение он смотрел на корзину, хотя чувствовал, что этого делать не нужно. По корзине прошла конвульсия, она хрипло и тяжело дышала. Паблито утверждал, что он действительно слышал и видел, как корзина дышала, и что она была живой и гонялась за ним по всей комнате, загораживая ему выход. Он сказал, что затем корзина начала расти, раздуваясь. Все кольца

бамбука разошлись, и корзина превратилась в гигантский шар, похожий на сухой куст перекати-поля, который покатился к нему. Он упал назад на пол, а шар начал взбираться по его ногам. Паблито сказал, что к этому мгновению он был уже без ума и истерически визжал. Шар пригвоздил его и двигался по ногам, как бы пронзая их иглами. Он попытался оттолкнуть его, и только тогда заметил, что шар – это лицо дона Хуана с открытым ртом, готовым пожрать его. В этом месте он не смог выдержать ужаса и потерял сознание.

Паблито очень прямо и открыто пересказал мне серию устрашающих встреч, которые он и члены его семьи имели с нагуалем. Мы провели несколько часов, разговаривая. Казалось, что он находится в таком же положении, как и я. Однако он определенно был более чувствителен, чем я в управлении собой внутри магической системы отношений.

Вдруг он поднялся и сказал, что чувствует приближение дона Хуана и не хочет быть здесь обнаруженным. Он исчез с невероятной скоростью. Казалось, что-то выбросило его из комнаты. Я не успел закончить «До свидания».

Вскоре пришли дон Хуан и дон Хенаро. Они смеялись.

– Паблито бежал по дороге как душа, преследуемая дьяволом, – сказал дон Хуан. Я недоумеваю, почему?

– Я полагаю, он испугался, когда увидел, как Карлитос срабатывает пальцы до кости, – ответил Хенаро, насмехаясь над моим писанием.

Он подошел ко мне поближе.

– Эй! У меня есть идея, – сказал он почти шепотом. – Поскольку ты любишь так много писать, почему бы тебе не научиться писать пальцем вместо карандаша? Вот это было бы да!

Они сели у меня по бокам и смеялись, обсуждая возможность писать пальцем. Дон Хуан серьезным тоном сделал странное замечание. Он сказал:

– Нет сомнения, что он может писать пальцем, только вот сможет ли он прочесть это?

Дон Хенаро согнулся от смеха и добавил:

– Я уверен, что он может прочесть что угодно.

А затем он начал рассказывать совершенно не связанную с предыдущей темой историю о деревенском простачке, который стал важным чиновником во время политического переворота. Дон Хенаро сказал, что герой его истории стал полномочным министром, губернатором или даже президентом, – точно сказать он не может, потому что не знает, что именно люди делают по своей глупости. Из-за этого назначения он поверил в то, что он действительно важное лицо и научился определенному действию.

Дон Хенаро сделал паузу и посмотрел на меня с видом плохого актера, переигрывающего свою роль. Он подмигнул мне и двинул бровями вверх и вниз. Он сказал, что герой его рассказа был очень хорош на публичных сборищах и мог выдать длинную речь без всяких затруднений, но его положение обязывало, чтобы он читал свои речи по бумажке. А этот человек был неграмотный. Поэтому он использовал свои мозги, чтобы перемудрить всех. У него был лист бумаги, на котором было что-то написано, и он размахивал им, когда произносил речь. И, таким образом, его эффективность и хорошие качества были несомненными для всех простачков страны. Но однажды грамотный иностранец проходил мимо и заметил, что наш герой читает речь, держа бумажку вверх ногами. Он засмеялся и указал всем на ложь.

Дон Хенаро снова сделал паузу, искоса посмотрел на меня и продолжил: – Ты думаешь, герой попался? Нисколько. Он спокойно всех осмотрел и спросил: «Вверх ногами? О, какое значение может иметь положение бумаги, если знаешь, как читать?» И все простачки с ним согласились.

Они расхохотались. Дон Хенаро мягко похлопал меня по спине. Казалось, это я был героем его рассказа. Я почувствовал смущение и нервно засмеялся. Я подумал, что, наверное, в этом есть скрытый смысл, но не посмел спросить.

Придвинувшись, дон Хуан наклонился и прошептал мне на правое ухо: «Не думаешь ли ты, что это забавно?»

Дон Хенаро одновременно прошептал мне на левое ухо: «Что он сказал?» Я автоматически среагировал на оба вопроса и сделал невольный синтез:

– Да. Я думал, он спросил, что это забавно.

Очевидно они сознавали эффект своего маневра, так как смеялись до слез. Как обычно, реакция дона Хенаро была более преувеличенной. Он упал навзничь, несколько метров прополз на спине, а затем распластался на животе и стал вращаться на полу, как юла, с каждым витком приближаясь ко мне. Задев меня ногой, он рывком сел и глупо улыбнулся.

Дон Хуан держался за бока, словно от смеха у него начались колики.

Через минуту они опять наклонились надо мной и стали шептать мне в уши. Я хотел запомнить их слова, но после тщетной попытки сдался. Там было слишком много всего.

Так продолжалось, пока я снова не почувствовал, что расщеплен надвое. Как вчера, я стал дымкой, желтым сиянием, которое ощущало все непосредственно. То есть, я мог «знать» вещи. Мысли здесь не участвовали. Была только уверенность. И когда я пришел в контакт с чем-то мягким, губчатым и пружинистым, что было вне меня и, в то же время, было частью меня, я «знал», что это – дерево. Я ощущал, что это дерево, по его аромату. Оно не пахло, как какое-либо из тех конкретных деревьев, которые я мог вспомнить. Тем не менее, что-то во мне «знало», что этот особый запах был «сущностью» дерева.

У меня было не просто чувство того, что я знаю или продумываю свое знание до конца, или подбираю какие-то ключи к разгадке. Я просто знал, что есть что-то в контакте со мной, повсюду вокруг меня. Дружественный, теплый, всеохватывающий запах, исходящий от чего-то, что не было ни твёрдым, ни жидким, но чем-то неопределенным, что, как я «знал», было деревом. Я чувствовал, что,

«зная» его таким образом, я касаюсь его сущности. Это нечто не отталкивало меня, а скорее манило, приглашая к слиянию. Оно поглощало меня или, может быть, это я поглощал его. Между нами существовала связь, которая не была ни утонченной, ни неприятной.

Следующим ощущением, которое я мог вспомнить ясно, была волна удивления и экзальтации. Все мое существо вибрировало, словно через меня проходили электрические разряды. Они были приятными, но настолько неопределенными, что их невозможно было классифицировать. Тем не менее, я знал, что нахожусь в контакте с землей: какая-то часть меня признала это с совершенной уверенностью. Но когда я попытался распознать²³ это огромное количество своих прямых восприятий, то полностью утратил способность различать²⁴ их.

И вдруг я снова стал самим собой. Я думал. Переход был настолько резким, что мне показалось, будто я проснулся. Но в моих ощущениях чего-то не хватало, и я понял это раньше, чем открыл глаза. Я посмотрел вокруг. Я все еще был во сне или во власти какого-то видения. Но мой мыслительный процесс был не только не задет, но напротив был необычайно ясным. Я быстро оценил ситуацию. У меня не было сомнений, что дон Хуан и дон Хенаро вызвали мое снопоподобное состояние для какой-то определенной цели. Казалось, я вот-вот пойму, что это за цель, но в этот момент что-то постороннее заставило меня уделить внимание окружающему. Мне понадобилось долгое время, чтобы сориентироваться. Я лежал на полу на животе, и то, на чем я лежал, было чрезвычайно эффектным полом. Рассмотрев его, я не мог преодолеть чувства благоговения и изумления. Я не мог сообразить, из чего он сделан. Нерегулярные полосы какой-то неизвестной субстанции были уложены сложнейшим, и в то же время простым образом. Они были собраны вместе, не примыкая ни к полу, ни одна к другой. Они были эластичными и поддавались, когда я пытался раздвинуть их пальцами, но как только я отпустил пальцы, они снова вернулись в свое первоначальное положение.

²³ To discern – разглядеть, различать, распознавать, понять, разгадать, отличать, проводить различие.

²⁴ To differentiate – различать, проводить различия.

Я попытался встать и был охвачен совершенно невероятным расстройством органов чувств. У меня не было контроля над телом. Фактически, тело не было моим. Оно было инертным. У меня не было связи ни с одной из его частей, и когда я попытался подняться, то не смог даже двинуть руками и лишь беспомощно ворочался на животе с боку на бок. Наконец я перевалился на спину, мельком заметив две странной формы ноги и самые неправильные ступни, которые я когда-либо видел. И это было мое тело! Я, казалось, был завернут в какую-то тунику. Мне пришла в голову мысль, что я переживаю видение самого себя как калеки или какого-то инвалида. Я попытался согнуться шеей и взглянуть на свои ноги, но смог только дернуться всем телом. Я смотрел прямо на желтое небо, глубокое ярко-желто-лимонное небо. На нем были борозды или канавы более темного желтого тона и бесчисленное количество протуберанцев, которые свисали подобно каплям воды. Общий эффект от зрелища этого невероятного неба был потрясающим. Я не мог определить, были ли эти протуберанцы облаками. Там были также и районы теней разных тонов желтого цвета, которые я обнаружил, двигая головой из стороны в сторону.

Затем что-то еще привлекло мое внимание. Солнце в зените этого желтого неба висело прямо у меня над головой. Слабое солнце, судя по тому, что я мог смотреть на него. Оно излучало спокойный, однообразный белесоватый свет. Прежде, чем я успел поразмыслить над всеми этими неземными картинами, я был жестоко потрясен. Моя голова дернулась и закачалась из стороны в сторону. Я почувствовал, что меня поднимают, услышал резкий голос и смех и увидел потрясающее зрелище – гигантскую босоногую женщину. Ее лицо было круглым и огромным, волосы были причесаны, как у мальчика, руки и ноги были огромными. Она подняла меня и положила к себе на плечи, словно куклу. Мое тело безвольно свесилось. Я смотрел вниз на ее сильную спину. У нее был легкий пушок вокруг плеч и вниз по позвоночнику. С высоты ее роста я снова увидел великолепный пол. Я слышал, как он эластично поддается под ее громадным весом и видел вмятины, которые оставались на нем от ее ног.

Она положила меня на живот перед каким-то огромным сооружением, своего рода зданием. Тут я заметил, что у меня было

что-то не так с пространственным восприятием. Глядя на здание, я никак не мог определить его размеров. Оно то казалось мне до смешного маленьким, то, после настройки восприятия, поражало своими монументальными пропорциями.

Гигантская девица уселась рядом со мной на пол. Я прикасался к ее огромному колену. Она пахла не то конфетами, не то земляникой. Она заговорила со мной, указывая на сооружение, и я понял все, что она сказала. Она сказала, что я буду здесь жить.

Вскоре я оправился от первоначального потрясения, и моя способность к наблюдению возросла. На крыше здания я заметил четыре изысканных бутафорских колонны, необыкновенно простых по форме: длинные грациозные выступы, достигавшие этого, внушающего благоговение, невероятного желтого неба. Эти перевернутые колонны показались мне воплощением красоты. От чувства эстетического наслаждения у меня перехватило дыхание.

Колонны казались цельными. Я не мог понять, как они сделаны. Две передние колонны соединялись тонкой перекладиной, длинной полосой, которая, как я подумал, может служить каким-нибудь проходом или верандой, выходящей с фасада.

Гигантская девица заставила меня скользнуть на спине в это сооружение. Крыша была черной и плоской, она была покрыта симметричными дырками, которые пропускали желтоватый свет неба, образуя очень сложный рисунок. Я был поражен совершенной красотой и простотой, которая достигалась за счет этих точек желтого неба, видных сквозь точные дырки в крыше, а также рисунком тени, которые они создавали на этом великолепном сборном полу. Структура была квадратной, и, помимо ее выдающейся красоты, все было непонятно мне.

Мое состояние экзальтации было таким интенсивным, что на мгновение мне захотелось заплакать или остаться здесь навсегда. Но какая-то сила или напряжение, или что-то неопределенное начало тащить меня. Внезапно я оказался вне структуры, все еще лежа на спине. Гигантская девица была тут, но тут же находилось и другое существо – женщина, такая большая, что достигала неба, и

головой была на уровне солнца. По сравнению с ней гигантская девица была маленькой девочкой. Большая женщина была сердита. Она ухватила сооружение за одну из колонн, подняла его, перевернула и поставила на пол. Это был стул!

Это соображение явилось как бы катализатором. Оно выпустило какие-то другие захлестывающие восприятия. Я прошел через серию картин, которые были разъединены, но могли быть приведены в порядок. Последовательными вспышками я увидел или понял, что непостижимый в своем великолепии пол был соломенной циновкой, желтое небо – потолком комнаты, солнце – электрической лампочкой, а сооружение, столь поразившее мое воображение, – стулом, который ребенок перевернул вверх ногами, чтобы поиграть в домик.

Передо мной мелькнуло еще одно последовательное и осмысленное видение другого загадочного архитектурного сооружения монументальных размеров. Оно стояло само по себе. Оно было похоже на раковину улитки, которая стоит вверх хвостом. Стены ее были сделаны из выпуклых и вогнутых плиток какого-то странного багрового материала. Каждая плитка имела бороздки, которые были скорее функциональными, чем просто украшениями.

Я пристально рассмотрел сооружение и обнаружил, что оно было, как и в предыдущем случае, совершенно необъяснимым. Я ожидал, что внезапно настрою свое восприятие, чтобы раскрыть «истинную» природу сооружения. Ничего подобного не произошло. Затем у меня последовал ряд перепутанных и необъяснимых «осознаний» или «находок» о сооружении и его функции, которые не имели смысла, поскольку мне не с чем было его сравнивать.

Внезапно ко мне полностью вернулось мое обычное осознание. Дон Хуан и дон Хенаро были рядом со мной. Я устал. Я взглянул на свои часы – их не было. Дон Хуан и дон Хенаро прыснули в унисон. Дон Хуан сказал, что мне не следует беспокоиться о времени и что я должен сконцентрировать все свое внимание на том, чтобы следовать данным мне доном Хенаро определенным рекомендациям.

Я повернулся к дону Хенаро, и он сказал, шутя, что самая важная рекомендация состояла в том, что мне следует научиться писать пальцем, чтобы сэкономить карандаши и показать себя.

Они еще некоторое время дразнили меня моими заметками, а затем я пошел спать.

Когда я проснулся на следующий день, дон Хуан и дон Хенаро выслушали детали сделанного мною по просьбе дона Хуана отчета о моем опыте.

– Хенаро чувствует, что на этот раз с тебя достаточно, – сказал дон Хуан, когда я закончил свой рассказ.

Дон Хенаро отозвался кивком.

– Какое значение имеет то, что я испытал прошлой ночью?

– Ты бросил взгляд на важнейшую проблему магии, – сказал дон Хуан. – Прошлой ночью ты заглянул в целостность самого себя. Но это, конечно, бессмысленное заявление для тебя в настоящий момент. Прибытие к целостности самого себя, очевидно, не является делом собственного желания или согласия, или собственной готовности учиться. Хенаро считает, что твоему телу нужно время для того, чтобы позволить шепоту нагуаля погрузился в тебя.

Дон Хенаро опять кивнул.

– Массу времени, – сказал он, качая головой. – Двадцать или тридцать лет, может быть.

Я не знал, как реагировать и взглянул на дона Хуана в поисках объяснений. Оба они казались серьезными.

– У меня действительно есть двадцать или тридцать лет? – спросил я.

– Конечно, нет! – закричал дон Хенаро, и они оба расхохотались.

Дон Хуан сказал, что мне следует вернуться, как только мне подскажет это внутренний голос, и что до тех пор я должен собрать²⁵ все те указания, которые они делали, пока я был расщеплен.

– Как я могу это сделать? – спросил я.

– Выключая свой внутренний диалог и позволяя чему-то в себе вытекать и расширяться, – сказал дон Хуан.

– Это что-то – твое восприятие, и не пытайся разобраться, что я имею в виду. Просто позволь шепоту нагуаля вести себя.

Затем он сказал, что прошлой ночью у меня было два набора совершенно различных взглядов. Один был необъяснимым, другой – совершенно естественным, и последовательность, в которой они проходили, указывает на условие (положение)²⁶, свойственное всем нам.

– Один взгляд был нагуаль, другой – тональ, – добавил дон Хенаро.

Я захотел, чтобы он прокомментировал свое заявление. Он посмотрел на меня и похлопал по спине.

Дон Хуан вмешался и сказал, что первые два моих переживания были связаны с нагуалем, и что дон Хенаро выбрал дерево и землю как выделенные точки. Другие два были видами тоналя, которые выбрал он сам. Одно из них было моим восприятием мира как младенца.

– Он показался тебе чужим миром, потому что твое восприятие еще не было упорядоченным настолько, чтобы соответствовать желаемой форме, – сказал он.

– Именно таким образом я действительно видел когда-то мир? – спросил я.

– Конечно, – сказал он. – Это была твоя память.

²⁵ To assemble – вызывать, призывать, созывать; собирать; собираться; монтировать.

²⁶ Condition – условие; существующие условия, положение, состояние.

Я спросил дона Хуана, было ли чувство эстетического восхищения, которое захватило меня, тоже частью моей памяти.

– Мы входим в эти сцены такими, каковы мы сегодня, – сказал он. – Ты видел эти сцены так, как ты видел бы их сегодня, но упражнение это было одним из упражнений восприятия. Это было сценой того времени, когда мир стал для тебя тем, что он есть сейчас. Временем, когда стул стал стулом.

Он не захотел обсуждать другую сцену.

– Эти не было воспоминанием моего детства, – сказал я.

– Правильно, – сказал он. – Это было нечто иное.

– Было ли это чем-то таким, что я увижу в будущем?

– Будущего нет, – воскликнул он отрывисто. – Будущее – это только способ разговаривать. Для мага есть только здесь и сейчас.

Он сказал, что об этом, в сущности, нечего сказать, потому что целью упражнения было развернуть крылья моего восприятия. И что хотя я и не полетал на этих крыльях, тем не менее, коснулся четырех точек, которых было бы невозможно достичь с точки зрения обычного восприятия.

Я начал собирать вещи к отъезду. Дон Хенаро помогал мне упаковывать блокнот. Он положил его на дно моего саквояжа.

– Ему будет там тепло и удобно, – сказал он и подмигнул. – Во всяком случае, ты можешь быть уверен, что он не простудится.

Затем дон Хуан, казалось, изменил свое намерение относительно моего отъезда и начал говорить о моем опыте. Я автоматически попытался выхватить свой саквояж из рук дона Хенаро, но он уронил его на пол прежде, чем я к нему прикоснулся. Дон Хуан говорил, повернувшись ко мне спиной. Я расстегнул саквояж и начал поспешно рыться в поисках своего блокнота. Дон Хенаро действительно запаковал его так туго, что было страшно

трудно добраться до него. Наконец, я вынул его и начал писать. Они смотрели на меня.

– Ты в ужасном положении, – сказал дон Хуан. – Ты тянешься к своему блокноту, как пьяница к бутылке.

– Как любящая мать тянется к своему ребенку, – бросил дон Хенаро.

– Как священник хватается за свое распятие, – добавил дон Хуан.

– Как женщина хватается за свои трусы, – закричал дон Хенаро.

Они продолжали и продолжали, приводя сравнения и, завывая от смеха, пока провожали меня к машине.

Часть третья

Объяснение магов

1. Три свидетеля нагуаля

По возвращении домой я опять столкнулся с необходимостью привести в порядок свои полевые записки. То, что заставили меня испытать дон Хуан и дон Хенаро, стало еще более острым, когда я пересмотрел прошедшие события. Однако я заметил и нечто новое. Моя обычная реакция, прежде проявляющаяся в месяцах испуга и ошеломления после таких поездок, на этот раз не была такой интенсивной. Несколько раз я нарочно попытался вызвать обычные ранее спекуляции или даже жалость к самому себе, но всему этому чего-то не доставало. Я намеревался также записать ряд вопросов, чтобы задать их дону Хуану, дону Хенаро или даже Паблито. Проект отпал сам собой, прежде чем я за него принялся. Что-то во мне противилось желанию впасть в настроение недоумения и расследования.

Я не стремился вернуться назад к дону Хуану и дону Хенаро, но и не боялся такой возможности. Но вот однажды я просто почувствовал, совершенно непредвиденно для самого себя, что пришло время их повидать.

Прежде каждый раз, когда я собирался поехать в Мексику, у меня всегда было ощущение желания задать дону Хуану тысячу важных и неотложных вопросов. На этот раз в моей голове ничего не было. Обработав свои заметки, я как бы освободил себя от прошлого и стал готов для «здесь и сейчас» мира дона Хуана и дона Хенаро.

Мне пришлось ждать лишь несколько часов, пока дон Хуан «нашел» меня на базаре маленького городка в горах центральной Мексики. Он очень тепло приветствовал меня и, как бы невзначай, сказал, что до поездки к дому дона Хенаро ему хотелось бы навестить учеников дона Хенаро – Паблито и Нестора. Когда я

свернул с шоссе, он сказал, чтобы я пристально следил за любым необычным явлением или предметом у дороги или на самой дороге. Я попросил его уточнить, что он имеет виду.

Не могу, – сказал он. – Нагуаль не нуждается в точных объяснениях.

Я затормозил, автоматически среагировав на его ответ. Он громко засмеялся и сделал мне знак рукой, чтобы я продолжал ехать. Когда мы приблизились к городу, где жили Паблито и Нестор, дон Хуан сказал, чтобы я остановил машину. Он незаметно указал движением подбородка в сторону средних размеров валунов у края дороги.

– Там нагуаль, – сказал он шепотом.

Я ожидал увидеть дона Хенаро, но вокруг никого не было. Я снова взглянул на валуны, а затем осмотрел весь участок вокруг них. В поле зрения ничего такого не было. Я напрягал глаза, чтобы различить хоть что-нибудь – маленькое животное, насекомое, тень, странное образование камней – хоть что-нибудь необычное. Через минуту я сдался и обернулся к дону Хуану. Он выдержал мой вопросительный взгляд без улыбки, а затем мягко толкнул мою руку тыльной стороной ладони, чтобы я опять взглянул на валуны. Я уставился на них. Потом дон Хуан вышел из машины и сказал, чтобы я шел следом и осмотрел их.

Мы медленно поднялись по пологому склону до подножия скал. На секунду остановившись, он прошептал мне в правое ухо, что нагуаль ждет меня прямо на этом месте. Я сказал ему, что, несмотря на все мои старания, я могу различить только камни, несколько пучков травы и кактус. Однако он настаивал, что нагуаль тут и ждет меня.

Он приказал мне сесть, выключить внутренний диалог и удерживать несфокусированные глаза на вершине валуна. Он сел рядом со мной и, приложив губы к моему правому уху, прошептал, что нагуаль видит меня, что он здесь, хотя я и не могу его визуализировать. Он сказал, что моя проблема лишь в том, что я не могу полностью выключить свой внутренний диалог. Я слышал

каждое слово, произносимое им в состоянии полной тишины. Все было понятно, тем не менее, ответить я не мог. Было невозможно сделать усилие, чтобы говорить и думать. Моей реакцией на его замечания были не мысли в прямом смысле слова, но скорее законченные единицы ощущений. Они имели все те косвенные оттенки смысла, который я обычно связывал с мышлением.

Он прошептал, что очень трудно самому начать движение по тропе к нагуалю и что мне действительно очень повезло в том, что меня запустила бабочка и ее песня. Он сказал, что если буду удерживать память о зове бабочки, я смогу вернуть ее назад, чтобы она помогла мне.

То ли его слова были сверхсильным внушением, то ли, может быть, я вспомнил тот феномен восприятия, который он называл «зов бабочки», но как только он прошептал это, стал слышен необычный трескучий звук. Богатство оттенков этого звука создавало впечатление, что я нахожусь в, создающей эхо, комнате. По мере приближения или нарастания звука я в покоем на сон состоянии определил, что над вершинами валунов что-то движется. Движение испугало меня так сильно, что я немедленно восстановил свое кристально чистое сознание. Мои глаза сфокусировались на валунах. На одном из них сидел дон Хенаро! Пятками своих ботинок он стучал по камню, производя ритмичный звук, который, казалось, был синхронизирован с «зовом бабочки». Он улыбнулся и помахал мне рукой. Я пытался мыслить разумно. Мне хотелось понять, каким образом он там оказался или каким образом я увидел его там. Но я был совершенно не в состоянии задействовать свой разум. В данных обстоятельствах я мог только смотреть на него. Он сидел, улыбаясь и помахивая рукой.

Через секунду он, казалось, приготовился соскользнуть по валуну. Я увидел, как он напряг ноги, подготовив ступни к приземлению на твердую почву, и выгнул спину, почти коснувшись поверхности камня, чтобы развить скользящую инерцию. Но посреди спуска его тело остановилось. Мне показалось, что оно прилипло. Он пару раз брыкнул обеими ногами, как бы плавая в воде. Казалось, он пытается освободиться от чего-то, что поймало его сзади за штаны. Он отчаянно тер свои ягодицы обеими руками. У

меня действительно возникло впечатление, что он схвачен очень болезненно. Я хотел подбежать к нему и помочь, но дон Хуан схватил меня за руку. Я услышал, как он говорит мне, задыхаясь от смеха:

– Следи за ним, следи!

Дон Хенаро брыкался, извивался всем телом и раскачивался из стороны в сторону, как бы пытаясь освободиться от гвоздя. Затем я услышал громкий хлопок, и он скользнул или был брошен туда, где стояли мы с доном Хуаном. Он приземлился на ноги в четырех-пяти футах от меня. Он тер свои ягодицы и танцевал от боли, выкрикивая ругательства.

– Скала не хотела меня отпускать и схватила за жопу, – сказал он ноющим тоном.

Я испытал ощущение ни с чем не сравнимой радости и громко засмеялся. Мое веселье, как я заметил, было равно моей ясности ума. В этот момент я был охвачен всепоглощающим состоянием огромного осознания. Все вокруг для меня было совершенно ясным. До этого я был сонным или рассеянным из-за своего внутреннего молчания, но затем что-то во внезапном появлении дона Хенаро породило состояние огромной ясности.

Дон Хенаро продолжал тереть ягодицы и прыгать еще некоторое время. Затем он бросился к моей машине, открыл дверцу и забрался на заднее сидение. Я автоматически повернулся, чтобы заговорить с доном Хуаном, но его нигде не было видно. Я начал громко звать его. Дон Хенаро вышел из машины, начал бегать вокруг нее кругами и тоже выкрикивать имя дона Хуана высоким отчаянным голосом. Только увидев это, я сообразил, что он подражает мне. Я так испугался, обнаружив, что оказался наедине с доном Хенаро, что совершенно бессознательно три или четыре раза обежал вокруг машины, выкрикивая имя дона Хуана.

Дон Хенаро сказал, что мы захватим Паблито и Нестора и что дон Хуан будет ждать нас где-нибудь по пути. Оправившись от первоначального испуга, я сказал, что рад его видеть. Дон Хенаро подразнил меня по поводу моей реакции. Он съязвил, что дон Хуан

для меня скорее не как отец, а как мать, после чего отпустил несколько забавных шуточек насчет «матерей». Я так смеялся, что даже не заметил, как мы подъехали к дому Паблито. Дон Хенаро велел мне остановиться и выйти из машины. Паблито стоял у двери. Он подбежал и забрался на переднее сидение.

– Поехали к дому Нестора, – сказал он, как если бы мы очень спешили.

Я оглянулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро. Его нигде не было. Паблито умоляющим тоном просил меня поторопиться.

Мы подъехали к дому Нестора. Он тоже ждал у дверей. Мы вышли из машины. У меня было ощущение, что они знают, что происходит.

– Куда мы едем? – спросил я.

– Разве Хенаро не сказал тебе? – спросил Паблито с оттенком недоверия.

Я заверил их, что мне никто ничего не говорил.

– Мы едем к месту силы, – сказал Паблито.

– Что мы собираемся там делать? – спросил я.

Они оба в один голос сказали, что не знают. Нестор добавил, что дон Хенаро велел им проводить меня к тому месту.

– Ты едешь из дома Хенаро? – спросил меня Паблито.

Я заметил, что был с доном Хуаном и доном Хенаро и что дон Хуан оставил меня с доном Хенаро на дороге.

– Куда делся дон Хенаро? – спросил я Паблито.

Но Паблито не знал, о чем я говорю. Он не видел дона Хенаро в моей машине.

– Он ехал со мной к твоему дому, – сказал я.

– Я думаю, у тебя в машине был нагуаль, – сказал Нестор испуганно.

Он не захотел сесть сзади и вместе с Паблито втиснулся на переднее сиденье.

Мы ехали в молчании, за исключением нескольких коротких указаний Нестора относительно направления.

Я хотел подумать о событиях сегодняшнего утра, но каким-то образом знал, что любая попытка объяснить их была бы с моей стороны бесплодным индальгированием. Я постарался вовлечь в разговор Паблито и Нестора. Они сказали, что очень нервничают внутри машины и не могут говорить. Я довольствовался этим чистосердечным ответом и больше не трогал их.

После полуторачасовой езды я остановил машину у дороги. Мы взобрались по крутому склону большой горы. Около часа мы шли в молчании с Нестором во главе, а затем остановились у подножия огромного утеса, который был, вероятно, выше двухсот футов высотой и почти совершенно отвесным. Нестор сканировал землю полуприкрытыми глазами, отыскивая подходящее место для привала. Я болезненно сознавал, что он неуклюж в выполнении этой техники. Паблито, который находился рядом со мной, несколько раз был на грани того, чтобы выступить вперед и поправить его, но удержался и расслабился.

Затем, после минутного колебания Нестор выбрал место. Паблито с облегчением вздохнул. Я тоже знал, что место, выбранное Нестором, было правильным. Но я не мог понять, откуда я знаю это. Таким образом, я вовлек себя в псевдопроблему, воображая, какое бы место я выбрал сам, если бы вел их. Однако я не успел даже начать спекулировать по поводу этой проблемы, так как Паблито явно осознавал мое занятие.

– Ты не можешь этого сделать, – прошептал он мне.

Я засмеялся с некоторым смущением, как будто меня поймали на чем-то неприличном. Паблито засмеялся тоже и сказал, что дон Хенаро всегда ходил с ними обоими по горам, и время от времени

давал кому-нибудь из них возможность вести. Поэтому он знал, что нет никакого способа представить то, каким был бы твой собственный выбор.

– Хенаро сказал, что причина того, что это нельзя сделать, состоит в том, что есть или плохой, или хороший выбор, – сказал он. – Когда ты сделал неправильный выбор, твое тело знает это точно так же, как и тело любого другого. Но если ты сделал правильный выбор, то тело это знает и расслабляется, вообще забывая о том, что здесь был выбор. Видишь ли, ты как бы перезаряжаешь свое тело, как ружье, для следующего выбора. Если ты захочешь использовать его вновь, чтобы оно сделало тот же самый выбор, то оно не сработает.

Нестор посмотрел на меня. Он явно любопытствовал насчет моих заметок. Он утвердительно кивнул, как бы соглашаясь с Паблито, а затем впервые за все время улыбнулся. Два его верхних зуба были кривыми. Паблито объяснил, что Нестор не был ни злым, ни мрачным. Он просто стыдился своих зубов, и по этой причине никогда не улыбался. Нестор засмеялся, прикрывая свой рот. Я сказал ему, что могу направить его к дантисту, который выправит ему зубы. Он принял мое предложение за шутку, и они засмеялись, как два ребенка.

– Хенаро говорит, что он должен преодолеть чувство стыда сам, – сказал Паблито. – Кроме того, Хенаро говорит, что ему повезло. Ведь тогда как все кусают одинаково, Нестор может расщеплять кости вдоль своими сильными кривыми зубами, и он может прокусить дырку в твоем пальце, как гвоздем.

Нестор раскрыл рот и показал мне свои зубы. Левый резец и клык росли боком. Он заклацал зубами и завыл по-собачьи, сделав два или три смешных выпада в мою сторону. Паблито смеялся.

Я никогда не видел Нестора таким легким. За те несколько раз, что я бывал с ним в прошлом, он произвел на меня впечатление человека среднего возраста. Когда же сейчас он сидел здесь, улыбаясь своими кривыми зубами, я поразился тому, как молодо он выглядит. Он казался юношей, которому только что за двадцать.

Паблито и на этот раз безошибочно прочел мои мысли.

– Он теряет свою самозначительность, – сказал он. – Вот почему он моложе.

Нестор утвердительно кивнул, не говоря ни слова, и вдруг очень громко выпустил газы. От неожиданности я выронил свой карандаш.

Паблито и Нестор чуть не умерли от смеха. Когда они успокоились, Нестор подошел ко мне и показал самодельную игрушку, которая издавала особый звук, когда ее сдавливали рукой. Он объяснил, что Хенаро показал ему, как ее сделать. Она имела небольшие меха, а вибратор изготавливался из любого листика, который помещался в щелку между двумя кусочками дерева, служившими компрессорами²⁷. Нестор сказал, что звук, который он производит, зависит от типа листа, используемого как вибратор. Предложив мне испытать ее, он показал, как сжимать компрессоры, чтобы производить звук определенного типа, и как открывать их, чтобы менять листик для воспроизведения другого звука.

– Для чего ты это используешь? – спросил я.

Они переглянулись.

– Это ловец духов, дурень, – сказал Паблито отрывисто. Его тон был резким, но улыбка – дружеской. Оба они сочетали в себе очень странную нервирующую смесь дона Хенаро с доном Хуаном.

Мной овладела страшная мысль. А что, если дон Хенаро и дон Хуан разыгрывают меня? Я пережил момент неподдельного ужаса. Но что-то щелкнуло у меня в животе, и я мгновенно успокоился. Я знал, что Паблито и Нестор используют дона Хенаро и дона Хуана как модели поведения. Я также обнаружил, что веду себя во все большей и большей степени подобно им.

Паблито сказал, что Нестору повезло, что у него есть ловец духов. У него самого такого нет.

²⁷ Compressor – компрессор, уплотнитель.

– Что мы будем здесь сейчас делать? – спросил я Паблито. Ответил Нестор, как если бы я обращался к нему.

– Хенаро сказал, что нам нужно ждать здесь, а пока мы будем ждать, мы должны смеяться и развлекать друг друга.

– Как долго, по-твоему, нам придется здесь ждать? – спросил я.

Он не ответил. Покачивая головой, он взглянул на Паблито, как бы спрашивая его.

– Понятия не имею, – ответил Паблито.

Затем мы оживленно заговорили о сестрах Паблито. Нестор дразнил его, что у его старшей сестры такой злой взгляд, что она способна убивать им вшей. Он сказал, что Паблито боится ее: она так сильна, что однажды в порыве злости вырвала клоч волос у него на голове, как будто это были куриные перья.

Паблито заключил, что его старшая сестра была зверем, но что «нагуаль» остановил ее и привел в норму. После, того, как он рассказал мне, как ее заставили себя хорошо вести, я сообразил, что Паблито и Нестор ни разу не упомянули имя дона Хуана, упоминая о нем как о «нагуале». Очевидно, дон Хуан вмешался в жизнь Паблито и привел всех его сестер к более гармоничной жизни. Паблито сказал, что после того, как «нагуаль» поработал с ними, они стали как святые.

Нестор пожелал узнать, что я делаю со своими заметками. Я объяснил ему суть своей работы. У меня возникло странное ощущение, что они искренне заинтересовались этим. В конце концов, я стал говорить об антропологии и философии. Я чувствовал себя смешным и хотел остановиться, но обнаружил, что втянулся в свои просветительские речи и не могу оборвать их. У меня было, выбивающее из колеи, ощущение, что оба они вместе каким-то образом заставляли меня давать им все эти длинные объяснения. Их глаза были сфокусированы на мне. Казалось, это их не утомляло и не надоедало им.

Посреди фразы я вдруг услышал слабый звук «зова бабочки». Мое тело напряглось, и я так и не закончил своей фразы.

– Нагуаль здесь, – сказал я автоматически.

Паблито и Нестор обменялись взглядами, которые, как мне показалось, были чистым ужасом. Они прыгнули ко мне, прижавшись с обеих сторон. Их рты были открыты, они казались испуганными детьми.

Затем я испытал невообразимое ощущение. Мое левое ухо начало двигаться. У меня было такое чувство, что оно крутится само по себе. Оно практически повернуло мою голову на пол-оборота до тех пор, пока я не оказался, как мне показалось, лицом к востоку. Голова наклонилась слегка вправо. В этой позе я был способен замечать все богатство трескучего звука «зова бабочки». Он звучал, как если бы был где-то далеко, доносясь с северо-востока. Как только я уловил это направление, мое ухо различило невероятное количество звуков, однако я не знал, было ли это лишь воспоминанием о звуках, которые я слышал ранее, или же действительно существующими звуками.

Место, где мы находились, было пересеченным западным склоном горного хребта. К северо-востоку находились рощи деревьев и пятна горного кустарника. Мое ухо, казалось, улавливало звук чего-то тяжелого, движущегося по камням и приближающегося с того направления. Нестор и Паблито то ли реагировали на мои действия, то ли сами слышали эти звуки. Мне хотелось спросить их об этом, но я не смел, или, может быть, был не в состоянии нарушить концентрацию.

Нестор и Паблито прижимались ко мне по бокам. Звук становился все громче и громче. На Нестора он, казалось, влиял больше всего. Его тело непроизвольно дрожало. В какой-то момент моя левая рука начала дрожать. Она поднималась помимо моей воли до тех пор, пока не оказалась на уровне лица, а затем указала в сторону кустов. Я услышал вибрирующий звук или рев. Он был мне знаком, этот звук. Я слышал его много лет назад под воздействием психотропного растения. В кустах я различил

гигантскую черную форму. Казалось, что сами кусты постепенно становились все темнее, пока не превратились в зловещую черноту. Эта чернота не имела определенных очертаний, но она двигалась. Она, казалось, дышала. Я услышал потрясающий вопль, который смешался с криками ужаса Паблито и Нестора, и кусты – или черная форма, в которую они превратились, – полетели прямо на нас.

Я не смог удержать равновесия. Каким-то образом что-то во мне сдало. Темная фигура накрыла нас, а затем поглотила. Свет вокруг потускнел, как если бы солнце закатилось. Я чувствовал головы Паблито и Нестора у себя подмышками. Я опустил руки на их головы бессознательным защитным жестом и, переворачиваясь, полетел на землю.

Однако я не достиг каменистой земли, потому что через мгновение каким-то образом оказался вновь стоящим с Паблито и Нестором по бокам. Оба они, казалось, сжались, несмотря на то, что были выше меня, согнув ноги и спины так, что их головы были у меня подмышками.

Перед нами стояли Дон Хуан и дон Хенаро. Глаза дон Хенаро сверкали, как глаза кошки ночью. Глаза дон Хуана светились точно так же. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан выглядел подобным образом. Он был действительно устрашающим. Еще более пугающим, чем дон Хенаро. Он казался моложе и сильнее, чем обычно. Глядя на них, я испытывал безумное чувство, что они не были людьми, как я.

Паблито и Нестор тихо скулили. Тогда дон Хенаро сказал, что мы представляем собой картину святой троицы. Я был Отец, Паблито – Сын, а Нестор – Дух Святой. Дон Хуан и дон Хенаро рассмеялись гулкими голосами. Паблито и Нестор жалко улыбнулись.

Дон Хенаро сказал, что мы должны разорвать свои обьятия, потому что обьятия позволительны только между мужчиной и женщиной или между мужчиной и его осликом.

Тут я сообразил, что стою на том же месте, где и раньше, и что я, очевидно, вовсе не падал назад, как мне показалось. Нестор и Паблито тоже были там же, где и раньше.

Дон Хенаро сделал знак Паблито и Нестору движением головы, и дон Хуан велел мне следовать за ними. Нестор пошел вперед и указал место, где сидеть мне, и другое – для Паблито. Мы сели на одной линии, примерно в пятидесяти ярдах от подножья утеса, где стояли дон Хуан и дон Хенаро. Пока я продолжал на них смотреть, мои глаза невольно вышли из фокуса. Я определенно знал, что свел их, потому что увидел их как четверых. Затем картина дона Хуана в левом глазу наложилась на картину дона Хенаро в правом. Результатом такого смещения было то, что я увидел радужное светящееся существо, стоящее между доном Хуаном и доном Хенаро. Это не был человек, какими я обычно видел людей. Скорее, это был шар белого огня. Что-то вроде волокон света покрывало его. Я встряхнул головой. Двойное изображение рассеялось, и все же вид дона Хуана и дона Хенаро как светящихся существ остался. Я видел два странных удлинённых светящихся предмета. Они походили на два радужных мяча для регби с нитями, которые обладали собственным свечением.

Два светящихся существа встряхнулись. Я действительно видел, как встряхнулись их нити, а затем они исчезли из виду. Они были втянуты вверх длинной нитью паутины, которая, казалось, выстрелила с вершины утеса. У меня было такое ощущение, что длинный луч света или сверкающая линия упала со скалы и подняла их. Я воспринял событие своими глазами и всем своим телом.

Я смог также наметить огромные несоответствия в своем способе восприятия. Но я не был способен рассуждать об этом, как сделал бы в обычной ситуации. Так, я осознавал, что смотрю прямо на основание утеса, и в то же время видел дона Хуана и дона Хенаро на вершине, как если бы задрал голову на 45°.

Я хотел было испугаться, закрыть лицо руками и заплакать или сделать еще что-нибудь из круга моих обычных реакций, но, казалось, был заперт. Мои желания не были мыслями в обычном

понимании этого слова. Поэтому они не могли пробудить эмоциональный отклик, который я привык вызывать в себе.

Дон Хуан и дон Хенаро прыгнули на землю. Я знал, что они это сделали, судя по тому всепоглощающему чувству падения, которое ощутил в своем животе.

Дон Хенаро остался на месте их приземления, а дон Хуан подошел к нам и сел позади и справа от меня. Нестор сидел скорчившись. Его ноги были подтянуты к животу, подбородок он положил на сцепленные ладони. Его предплечья служили поддержкой, опираясь на бедра. Паблито сидел, слегка наклонившись вперед всем телом, прижав руки к животу. Тут я заметил, что тоже прижал руки к животу и держу себя за кожу на боках. Я схватил себя так сильно, что бока болели.

Дон Хуан заговорил сухим шепотом, обращаясь ко всем.

– Вы должны фиксировать свой взгляд на нагуале, – сказал он.
– Все мысли и слова должны быть смыты прочь.

Он повторил это пять или шесть раз. Его голос был странным, чужим. Он вызывал у меня реальное ощущение чешуек на коже ящерицы. Это сходство было чувством, а не сознательной мыслью. Каждое его слово отделялось, как чешуйка. В том, как он произносил слова, был какой-то сверхъестественный ритм. Они были приглушенными, сухими, как тихое покашливание. Ритмичный шепот, превращенный в приказ.

Дон Хенаро стоял неподвижно. Когда я смотрел на него прямо, я не мог удерживать изменение картины, и мои глаза невольно свелись. В этом состоянии я опять заметил странное свечение в теле дон Хенаро. Мои глаза начали закрываться или слезиться. Дон Хуан пришел ко мне на помощь. Я услышал, как он приказывает мне не сводить глаза. Я почувствовал мягкий удар по голове. Очевидно, он бросил в меня камнем. Я увидел, как камешек подскочил пару раз на камнях около меня. Точно так же, должно быть, он стукнул Паблито и Нестора. Я слышал звук двух других камешков, отскочивших от камней. Дон Хенаро принял странную танцевальную позу. Его колени были подогнуты, руки расставлены

по бокам, пальцы растопырены. Казалось, он собирается вертеться. И действительно, он крутнулся на пол-оборота, а затем поднялся вверх. У меня было отчетливое восприятие, что он был прикреплен к нити какой-то гигантской гусеницы, и эта нить подняла его тело на самую вершину утеса.

Мое восприятие движения вверх было странной смесью зрительных и телесных ощущений. Я наполовину видел, наполовину чувствовал его полет на скалу. Было что-то, что выглядело или ощущалось подобно почти незаметной нити света, которая тянула его вверх. Я не видел его полета вверх в том смысле, в каком бы я мог наблюдать глазами за полетом птицы. В его движениях не было линейной последовательности. Мне не нужно было поднимать голову, чтобы удерживать его в поле зрения. Я увидел, как нить поднимает его. Затем я ощутил движение в своем теле или своим телом, и в следующее мгновение он уже был на вершине утеса в сотнях футов над землей.

Через несколько минут он спикировал вниз. Я чувствовал его падение и невольно застонал.

Дон Хенаро повторил свое действие три или четыре раза. С каждым разом мое восприятие настраивалось. Во время его последнего прыжка вверх я мог реально различить серию линий, выходящих из средней части его тела. Когда он собирался прыгнуть вверх, линии изгибались вверх. Обратное происходило, когда он собирался спрыгнуть вниз.

После своего четвертого прыжка дон Хенаро подошел к нам и уселся позади Паблито и Нестора. Затем дон Хуан вышел вперед и остановился там, где раньше был дон Хенаро. Некоторое время он стоял неподвижно. Дон Хенаро дал несколько коротких указаний Паблито и Нестору. Я не понял, что он им сказал. Взглянув на них, я увидел, что он заставил каждого взять камень и приложить к телу в районе пупка. Я не знал, нужно ли мне делать то же, но он сказал, что предупреждение ко мне не относится, но следует приготовить камень и мне на случай, если я почувствую себя плохо. Дон Хенаро выставил подбородок вперед, показывая, что я должен смотреть на дон Хуана. Затем он сказал что-то неразборчивое. Он опять

повторил это, и хотя я и не понял его слов, я понял, что это более или менее та же самая формула, которую произносил дон Хуан. Слова действительно не имели значения. Значения имели ритм, сухость тона, покашливающий характер фразы. У меня была убежденность, что какой бы там язык Хенаро ни использовал, но он был более подходящим, чем испанский, из-за его отрывистого ритма.

Дон Хуан сделал все так же, как вначале делал дон Хенаро, но затем, вместо того, чтобы прыгнуть вверх, он стал вращаться, как гимнаст. Полусознательно я ожидал, что он приземлится на ноги, но он этого не сделал. Его тело продолжало вращаться в нескольких футах над землей. Вначале круги были быстрыми, но затем они замедлились. С того места, где я находился, я мог видеть, что тело дона Хуана висит подобно телу дон Хенаро, на нитевидном волокне света. Он медленно вращался, как бы давая всем нам хорошенько рассмотреть его. Затем он начал подъем. Он набирал высоту до тех пор, пока не достиг вершины утеса. Дон Хуан действительно парил, как если бы не имел веса. Его повороты были медленными и напоминали движения космонавта, вращающегося в космосе в состоянии невесомости.

Пока я следил за ним, у меня закружилась голова. Это мое чувство, казалось, подхлестнуло его, и он начал кружить на большой скорости. Он отлетел от утеса, и когда он набрал скорость, я почувствовал себя совершенно ужасно. Я схватил камень, прижал его к животу и вжимал его в тело так сильно, как только мог. Его прикосновение несколько улучшило мое состояние. Действие прижимания камня к животу дало мне секундную паузу, и хотя я не отводил глаз от дон Хуана, оно, тем не менее, нарушило свою концентрацию. Перед тем как я дотянуться до камня, я почувствовал, что скорость, которую набрало его парящее тело, размыла его очертания. Он был похож на вращающийся диск, а затем на кружащийся свет. После того, как я прижал камень к животу, его скорость уменьшилась. Он походил на шляпу, парящую в воздухе, на воздушного змея, ныряющего вверх и вниз.

Движения воздушного змея были особенно беспокоящими. Мне стало неконтролируемо плохо. Я услышал, как птица захлопала

крыльями, и после секундной неуверенности понял, что событие закончилось.

Мне было настолько плохо и я так устал, что лег землю и уснул. Должно быть, на минуту я задремал и очнулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Паблито. Он отчаянным голосом умолял меня не спать, потому что если я засну, то все мы погибнем, и настаивал, чтобы мы немедленно покинули это место, даже если нам придется тащиться на четвереньках. Вид у него тоже был крайне измученный. Перспектива идти в темноте к машине казалась мне ужасающей, и я попытался убедить Паблито, что будет лучше, если мы проведем ночь здесь. От этого он пришел в еще большее отчаяние. Нестору было так плохо, что он был ко всему безразличен.

Паблито опустился на землю в состоянии полнейшего отчаяния. Я попытался собраться с мыслями. К этому времени стало совсем темно, хотя света было еще достаточно, чтобы различать камни вокруг нас. Полная тишина вокруг нас была прелестной и успокаивающей. Я полностью наслаждался моментом, но вдруг мое тело непроизвольно подскочило: послышался отдаленный звук сломанной ветки. Я машинально повернулся к Паблито – казалось, он знал, что произошло. Мы подхватили Нестора подмышки, практически взвалили его на себя и побежали. Нестор, похоже, был единственным, кто знал дорогу. Время от времени он слабым голосом давал нам короткие команды.

Мое внимание, однако, было сосредоточено не на том, что мы делаем, а на моем левом ухе, которое казалось независимой единицей. Какое-то внутреннее чувство заставляло меня время от времени останавливаться и сканировать окружающее этим своим ухом. Я знал, что нас преследует что-то массивное: приближаясь, оно дробило мелкие камни.

Нестор до некоторой степени пришел в себя и шагал самостоятельно, лишь иногда держась за руку Паблито. Мы добрались до группы деревьев. К этому времени стало совершенно темно. Я услышал громкий, исключительно резкий треск: словно щелкнул гигантский бич, обрушившийся на вершины деревьев. Я

почувствовал нечто вроде упругой волны, разрывающей воздух над головой.

Паблито и Нестор взвизгнули и помчались прочь, что есть мочи. Я хотел остановить их, так как не был уверен, что сам смогу бежать в темноте. Но тут вдруг я услышал серию тяжелых вздохов справа от себя. Мой испуг был неопишным. Мы все втроем побежали и прибежали к машине. Нестор вел нас каким-то неизвестным путем.

Я думал, что сначала развезу их по домам, а затем вернусь в город, в гостиницу, так как ни за что на свете я не поехал бы сейчас к дому дон Хенаро. Но Нестор не хотел вылезать из машины, не хотел и Паблито, да и я тоже, и поэтому все кончилось тем, что мы остановились у дома Паблито. Он послал Нестора купить пива и колы, пока его мать и сестры готовили нам еду. Нестор пошутил, не сможет ли его сопровождать старшая сестра Паблито на случай нападения на него собак или пьяниц. Паблито засмеялся и сказал мне, что Нестор был ему вверен²⁸.

– Кем он был тебе вверен?

– Силой, конечно, – ответил он. – Одно время Нестор был старше меня, но Хенаро с ним что-то сделал, и теперь он намного моложе. Ты заметил это, не так ли?

– Что сделал дон Хенаро?

– Ты знаешь, он опять сделал его ребенком. Нестор был слишком важным и тяжелым. Он бы умер, если бы снова не стал молодым.

В Паблито действительно было что-то чистосердечное и обворожительное. Простота его объяснения поразила меня. Нестор, на самом деле, не только выглядел моложе, но и вел себя как невинный ребенок. Я знал без тени сомнения, что он искренне чувствует себя таким.

²⁸ To entrust – вверять, поручать (кому-л.), возлагать на (кого-л.).

– Я забочусь о нем, – продолжал Паблито. – Хенаро сказал, что почетно заботиться о воине. Нестор – прекрасный воин.

Его глаза сияли, как у Хенаро. Он энергично похлопал меня по спине и засмеялся.

– Пожелай ему всего хорошего, Карлитос, – сказал он. – Пожелай ему.

Я очень устал. Меня затопила волна странной счастливой печали. Я сказал ему, что прибыл из такого места, где люди редко, если вообще когда-нибудь, желают друг другу всего хорошего.

– Я знаю, – сказал он. – Так было и со мной. Но сейчас я воин, и могу позволить себе желать ему всего хорошего.

2. Стратегия мага

Когда поздним утром я добрался до дома дона Хенаро, дон Хуан был там. Я приветствовал его.

– Послушай, что с тобой произошло? Мы с Хенаро ждали тебя всю ночь, – сказал он.

Я знал, что он шутит. Я чувствовал себя легко и счастливо. До сих пор я упорно отказывался размышлять о вчерашних событиях, однако на этот раз любопытство оказалось сильнее меня, и я спросил его об этом.

– А-а... Это была простая демонстрация того, что тебе следует знать до того, как ты получишь объяснение магов, – сказал он. – Вчера ты действовал хорошо. Поэтому Хенаро почувствовал, что ты накопил достаточно силы, чтобы взяться за настоящую вещь. Очевидно, ты последовал его рекомендациям. Вчера ты дал крыльям своего восприятия развернуться. Хотя ты и был застывшим, но зато воспринял все приходы и уходы нагуаля. Другими словами, ты видел. Кроме того, тебе удалось нечто, в настоящее время даже более важное, чем видение, – ты сумел удерживать непоколебимое внимание на нагуале. Именно это и решит исход последнего вопроса – объяснения магов.

Паблито и ты войдете в него в одновременно. Находиться в сопровождении такого прекрасного воина – подарок силы.

Казалось, это все, что он хотел сказать. Через некоторое время я спросил его о доне Хенаро.

– Он поблизости, – сказал дон Хуан. – Он пошел в кусты, чтобы потрясти горы.

В этот момент я услышал отдаленный грохот, как бы приглушенный гром.

Дон Хуан посмотрел на меня и засмеялся. Он усадил меня и спросил, ел ли я. Я уже поел, и поэтому он вручил мне мой блокнот и

отвел к любимому месту дона Хенаро – к большому камню с западной стороны дома, откуда открывался вид на глубокий овраг.

– Сейчас пришел момент, когда мне необходимо твое полное внимание. Внимание в том смысле, в каком воины понимают внимание: настоящая пауза, чтобы позволить объяснению магов полностью впитаться в тебя. Мы близки к завершению своей задачи. Все необходимые инструкции ты уже получил, и сейчас тебе нужно остановиться, оглянуться назад и пересмотреть свои шаги. Маги говорят, что это единственный способ укрепить свои достижения. Я определенно предпочел бы тебе рассказать все это на твоём собственном месте силы, но Хенаро является твоим бенефактором, и его место в подобном случае может оказаться для тебя более благоприятным.

Мое «место силы», о котором он говорил, было вершиной холма в пустыне северной Мексики, которую он показал мне несколько лет назад и которую однажды «отдал» мне во владение.

– Должен ли я слушать, не записывая?

– Это действительно хитрый маневр, – сказал он. С одной стороны – мне необходимо твое полное внимание, а с другой – тебе необходимо быть спокойным и уверенным в себе. У тебя есть единственный способ достичь этого легко – это писать. Поэтому пришло время собрать всю твою личную силу и выполнить невозможную задачу: быть самим собой, не будучи самим собой.

Он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

– Как ты уже знаешь, я отвечаю за твой тональ, а Хенаро – за твой нагуаль, – продолжал он. – Моей обязанностью было помогать тебе во всем, что относится к твоему тоналю. И все, что я делал с тобой или для тебя служило одной-единственной цели – чистке и реорганизации твоего острова тональ. Это была моя работа как твоего учителя. Задача Хенаро как твоего бенефактора состояла в том, чтобы дать тебе бесспорные демонстрации нагуаля и показать, как до него добраться.

– Что ты имеешь в виду под чисткой и реорганизацией острова тональ?

– Я имею в виду полное изменение, о котором твержу с первого дня нашей встречи, – сказал он. – Я много раз говорил тебе, что необходимо измениться самым решительным образом, если мы хотим добиться успеха на пути к знанию. Это не изменение настроения, позиции или точки зрения. Это изменение влечет за собой трансформацию острова тональ. Ты выполнил эту задачу.

– Ты думаешь, я действительно изменился? – спросил я.

Он помедлил, а затем громко рассмеялся.

– Ты такой же идиот, как всегда, – сказал он. – И все же ты – другой. Понимаешь, что я имею в виду?

Он посмеялся над моим записыванием и пожалел, что нет дона Хенаро. Вот кто порадовался бы абсурдности записывания объяснения магов!

– В таких случаях учитель обычно говорит своему ученику, что они прибыли на последний перекресток, – продолжал он. – Но говорить так – значит вводить в заблуждение. На мой взгляд, нет никого последнего перекрестка и никакого последнего шага к чему-либо. А раз так, то не должно быть и никаких секретов относительно нашей судьбы как светящихся существ. Личная сила решает, кто может, а кто не может извлечь пользу из откровения. Я убедился на собственном опыте, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более – действовать в соответствии с тем, что они слышали. А из горстки тех, кто хочет действовать, лишь единицы имеют достаточно личной силы, чтобы извлечь пользу из своих действий. Так что в итоге вся секретность объяснения магов выкипает в рутину – возможно, в такую же пустую рутину, как и любая другая.

Во всяком случае, теперь ты знаешь о нагуале и тонале, которые являются ядром объяснения магов. Это знание кажется тебе совершенно безопасным и безвредным. Мы сидим здесь и мирно беседуем о них, как о чем-то вполне обычном. Ты спокойно записываешь, как делал это годами. Пейзаж вокруг нас – картина

спокойствия. Недавно перевалило за полдень. День прекрасен, горы окутывают нас защитным коконом, и не нужно быть магом, чтобы понять – это место, говорящее о силе и безупречности Хенаро, является самым подходящим фоном для того, чтобы отворить дверь. И это как раз то, что это я делаю для тебя сегодня, – открываю для тебя дверь. Но прежде, чем мы переступим эту черту, необходимо честное предупреждение. Предполагается, что учитель должен как можно убедительнее предупредить своего ученика, что безопасность и спокойствие этого момента – мираж. Что перед ним находится бездонная пропасть, и что если дверь открыта, то нет никакого способа закрыть ее вновь.

Он на мгновение замолчал.

Я чувствовал себя легко и счастливо. С места предрасположения дон Хенаро передо мной открывался захватывающий вид. Дон Хуан был прав – и день, и пейзаж были более чем прекрасными. Я хотел ощутить озабоченность его предупреждениями и увещеваниями, но каким-то образом спокойствие вокруг меня оттесняло все мои попытки, и я начал надеяться, что он говорит только о метафорических опасностях.

Внезапно дон Хуан заговорил опять.

– Годы тяжелого учения – только подготовка к опустошительной встрече воина с...

Он опять сделал паузу, искоса посмотрел на меня и усмехнулся.

– ... с тем, что бы не лежало там, за этой чертой, – сказал он.

Я попросил его объяснить, эти угрожающе заявления.

– Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является смертельным, – сказал он. – Оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не может отразить.

Он громко рассмеялся.

– Поэтому будь готов к худшему, но не торопись и не паникуй, – продолжал он. – У тебя совсем нет времени, и в то же время ты окружен вечностью. Что за парадокс для твоего разума!

Дон Хуан поднялся. Он смахнул пыль и мусор с гладкого чашеобразного углубления и очень удобно уселся спиной к камню и лицом к северо-западу. Он указал на другое место, где мог удобно сесть и я. Я был слева от него, тоже лицом к северо-западу. Камень был теплым и вызывал ощущение безмятежности и защищенности. Было тепло. Мягкий ветер смягчал жару полуденного солнца и делал ее приятной. Я снял шляпу, но дон Хуан велел мне снова надеть ее.

– Сейчас ты обращен лицом в сторону твоего собственного места силы, – сказал он. – Эта поддержка может защитить тебя. Сегодня тебе нужны все зацепки, какие ты только сможешь использовать. Твоя шляпа может быть одной из них.

– Почему ты предупреждаешь меня? Что же на самом деле произойдет?

– То, что произойдет сегодня, зависит от того, достаточно ли у тебя личной силы для того, чтобы сфокусировать свое непоколебимое внимание на крыльях своего восприятия, – сказал он.

Его глаза блеснули. Он казался более возбужденным, чем когда-либо прежде. Я подумал, что в его голосе есть что-то необычное, похожее на непривычную нервозность.

Он сказал, что в этом случае требуется, чтобы прямо здесь, на месте предрасположения моего бенефактора, он пересказал мне шаг за шагом все то, что он предпринял в своей борьбе за то, чтобы помочь мне очистить и реорганизовать мой остров тональ. Его пересказ был подробным и занял у него пять часов. Блестящим и ясным образом он дал мне детальнейший отчет обо всем, что он делал со мной со времени нашей первой встречи. Казалось, была разрушена плотина. Его откровения застали меня совершенно врасплох. Я приучил себя быть агрессивным исследователем, и то,

что дон Хуан, который всегда был отвечающей²⁹ стороной, описал все точки своего учения в такой академической манере, было не менее поразительно, чем его костюмы в Мехико Сити. Его владение языком, его драматические паузы и выбор слов были так необычны, что это просто не укладывалось у меня в голове. Он сказал, что в этот момент учитель должен говорить с конкретным воином в очень определенных терминах. Что та манера, в которой он со мной говорит, и ясность его объяснения являются частью его последнего трюка. И что только в конце все, что он делал со мной, приобретет для меня смысл. Он говорил, не останавливаясь, пока не закончил весь свой пересказ; и я записал все, что он сказал, не прикладывая к этому какого-либо сознательного усилия со своей стороны.

– Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников, и что никто не может просить об обучении, – сказал он. – Только знак всегда указывает на ученика. Тот воин, который может оказаться в положении учителя, должен быть бдительным, чтобы схватить свой кубический сантиметр шанса. Я видел тебя еще перед тем, как мы встретились. У тебя был хороший тональ, как у той девушки, которую мы встретили в Мехико. После того, как я увидел тебя, я подождал, точно так же, как мы сделали в случае с той девушкой в парке. Девушка прошла мимо, не обратив на нас внимания. Но тебя подвел ко мне человек, который убежал, пробормотав что-то бессвязное. Ты остался лицом к лицу со мной, бормоча какую-то чушь. Я знал, что должен действовать быстро и зацепить тебя. Тебе самому тоже пришлось бы делать что-либо подобное, если бы та девушка заговорила с тобой. То, что я сделал тогда, было схватыванием тебя своей волей.

Дон Хуан напоминал о том необычном способе, каким он взглянул на меня в день нашей первой встречи. Он зафиксировал на мне свой взгляд, и у меня было необъяснимое ощущение отсутствия мыслей или онемения. Я не мог найти никакого логического объяснения своей реакции и всегда считал, что после первой нашей встречи я отправился его разыскивать только потому, что стал одержим его взглядом.

²⁹ Reluctant – делающий что-л. с большой неохотой, по принуждению; неохотный; вынужденный, вырванный силой.

– Для меня это был самый быстрый способ зацепить тебя. Это был прямой удар по твоему тону. Я вызвал его онемение, сфокусировав на нем свою волю.

– Как ты это сделал?

– Пристальный взгляд воина устремляется в правый глаз другого человека, – сказал он. – И он заставляет того остановить свой внутренний диалог. Тогда выходит на поверхность нагуаль, отсюда опасность этого маневра. Когда нагуаль даже на короткое мгновение берет верх, тело испытывает совершенно неопишное ощущение. Я знаю, что ты потратил бесконечные часы, пытаешься подобрать объяснение тому, что тогда почувствовал. И ты до сего дня так и не смог этого сделать. Однако я добился своего. Я зацепил тебя.

Я сказал, что до сих пор помню, как он посмотрел на меня.

– Пристальный взгляд в правый глаз – это не обычный взгляд – сказал он. – Скорее, это насильственный захват другого человека через его глаз. Другими словами, хватаешь нечто, находящееся за глазом. При этом возникает действительно физическое ощущение удерживания чего-то своей волей.

Он почесал голову, надвинув шляпу на глаза.

– Естественно, что это только способ говорить, – продолжал он. – Способ объяснить странные физические ощущения.

Он велел мне перестать писать и посмотреть на него. Он сказал, что собирается слегка схватить мой «тон» своей «волей». Я снова испытал то потрясающее ощущение, уже знакомое мне по нашей первой встрече и другим случаям, когда дон Хуан заставлял меня чувствовать, что его глаза касаются меня, действительно в физическом смысле.

– Но как ты заставляешь меня чувствовать это прикосновение, дон Хуан? Что ты на самом деле при этом делаешь?

– Нет способа в точности описать, что тут делаешь. Что-то вырывается вперед из какого-то места внизу живота. Это нечто имеет направление и может быть сфокусировано на чем угодно.

Я опять ощутил что-то похожее на мягкие щипцы, схватившие какую-то неопределенную часть меня.

– Это работает только тогда, когда воин научится фокусировать свою волю, – объяснил дон Хуан после того, как отвел глаза. – Это невозможно практиковать, поэтому я не рекомендовал и не поощрял использование этого. Эта просто приходит в определенный момент жизни воина. Никто не знает как.

Некоторое время он молчал. Я был крайне взволнован. Внезапно он начал говорить снова.

– Секрет заключается в левом глазе. По мере того, как воин продвигается по тропе знания, левый глаз обретает способность схватывать все. Обычно левый глаз воина имеет странный вид. Иногда он остается постоянно скошенным или становится меньше другого, или больше, или еще как-то отличается.

Он насмешливо посмотрел на меня, притворяясь, что рассматривает мой левый глаз. Покачивая головой с шутливым неодобрением, он улыбнулся.

– После того, как ученик зацеплен, начинаются инструкции, – продолжал он. – Первым действием учителя является представить ему идею, что тот мир, который мы думаем, что видим, является лишь картиной(взглядом)³⁰, описанием мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказывая это своему ученику. Но, кажется, что принять эту идею является самой трудной вещью на свете. Мы самонадеянно захвачены своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как если бы мы знали о мире все. Учитель с самого первого своего действия нацелен на то, чтобы остановить этот взгляд. Маги называют это остановкой внутреннего диалога, и они убеждены, что это – единственная важнейшая техника, которой ученик должен овладеть.

³⁰ View – см. стр. 56

Для того, чтобы остановить способ видения мира, который поддерживаешь с колыбели, недостаточно просто желать или просто принять решение. Необходима практическая задача. Эта практическая задача называется правильным способом ходьбы. Она кажется безобидной и бессмысленной. Как и все остальное, что имеет силу в себе или через себя, правильный способ ходьбы не привлекает внимания. Ты понимал его и относился к нему, по крайней мере в течение нескольких лет, просто как к любопытному способу поведения. До самого последнего времени тебе не приходило в голову, что это было самым эффективным средством для остановки твоего внутреннего диалога.

– Как правильный способ ходьбы может остановить внутренний диалог?

– Ходьба в этой специфической манере насыщает тональ, – сказал он. – Она наводняет его. Видишь ли, внимание тоналя должно удерживаться на его творениях.

В действительности, именно это внимание в первую очередь и создает порядок в мире. Поэтому тональ должен быть внимательным к элементам своего мира, чтобы поддерживать его. И превыше всего он должен поддерживать картину мира в качестве внутреннего диалога.

Он сказал, что правильный способ ходьбы является обманным ходом. Воин сначала, поджимая пальцы, привлекает свое внимание к рукам, а затем, глядя без фиксации глаз на любую точку прямо перед собой в секторе, который начинается у концов его ступней и заканчивается над горизонтом, он буквально затопляет свой тональ информацией. Тональ без своих отношений с глазу на глаз с элементами собственного описания не способен разговаривать сам с собой, и поэтому он становится тихим.

Дон Хуан объяснил, что положение пальцев никакого значения не имеет и что нужно просто привлечь внимание к рукам, сжимая пальцы непривычными способами. И что важным здесь является то, что глаза, удерживаемые несфокусированными, замечают огромное количество штрихов мира, не получая о них ясного представления.

Он добавил, что глаза в этом состоянии способны замечать такие детали, которые были бы слишком мимолетными для нормального зрения.

– Наряду с правильным способом ходьбы, – продолжал дон Хуан, – учитель должен обучить своего ученика еще одной возможности, которая является еще более тонкой, – способности действовать не веря, не ожидая наград. Действовать беспричинно, просто так. Я не преувеличу, если скажу тебе, что успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько грамотно он ведет своего ученика именно в этом особом направлении.

Я сказал дону Хуану, что не помню, чтобы он когда-нибудь обсуждал действие без причины как особую технику. Я могу вспомнить только его постоянные, но неопределенные замечания об этом.

Он засмеялся и сказал, что его маневр был таким тонким, что прошел мимо моего внимания до сего дня. Затем он напомнил мне обо всех тех «бессмысленных» шуточных задачах, которые он обычно давал мне всякий раз, когда я бывал у него дома. Абсурдные работы, типа укладки дров особым образом, окружение его дома непрерывной цепью концентрических кругов, нарисованных моим пальцем, переметание мусора из одного угла в другой и тому подобное. В эти задачи входили также и «домашние задания», например, носить черную шапку или всегда в первую очередь завязывать свой левый ботинок, или застегивать пояс всегда справа налево.

Я не воспринимал ни одно из этих заявлений иначе, как шутку, по той причине, что он всегда велел мне забыть о них после введения их в регулярный распорядок.

После того, как он напомнил мне все те задания, которые давал мне, я сообразил, что, заставляя меня придерживаться бессмысленных распорядков, он действительно воплотил во мне идею действовать, не ожидая ничего взамен.

– Остановка внутреннего диалога, тем не менее, является ключом к миру магов, – сказал он. – Вся остальная деятельность –

только поддержка. Все она направлена лишь на ускорение эффекта остановки внутреннего диалога.

Он сказал, что существуют два основных вида деятельности или две техники, используемых для ускорения остановки внутреннего диалога: стирание личной истории и сновидение. Он напомнил мне, что на первых этапах моего ученичества дал мне целый ряд особых методов для изменения моей личности. Я внес их в свои заметки и забыл о них на несколько лет, пока не понял их важности. На первый взгляд, эти методы казались крайне специфическими способами заставить меня изменить свое поведение.

Он объяснил, что искусство учителя состоит в том, чтобы увести внимание ученика в сторону от наиболее важных моментов обучения. Вот наглядный пример такого искусства: я до сегодняшнего дня не понимал, что он трюком вовлек меня в обучение решающей вещи – «действовать, не ожидая наград». Он сказал, что, действуя в соответствии с этой целью, он собрал мой интерес вокруг идеи видения. При правильном понимании видение было действием, непосредственно связанным с «нагуалем». Это действие, являющееся неизбежным результатом и окончанием учения, в то же время было абсолютно невыполнимым как задача сама по себе.

– Каков был смысл в том, чтобы обманывать меня таким образом? – спросил я.

– Маги убеждены, что все мы являемся кучкой придурков, – сказал он. – Мы никогда не способны по своей воле отказаться от своего бесплодного контроля. Поэтому с нами нужно действовать путем трюков.

Он утверждал, что, заставив меня сфокусировать внимание на псевдозадаче учиться «видеть», он успешно достиг двух вещей. Во-первых, он наметил прямое столкновение с «нагуалем», не упоминая о нем, а во-вторых, с помощью трюка он заставил меня рассматривать важнейшие моменты его учения как несущественные. Стирание личной истории и сновидение никогда

не были для меня столь же важными, как видение. Мне они казались очень увлекательной деятельностью. Я даже считал, что они были практиками, которые давались мне легче всего.

– Легче всего, – сказал он насмешливо, когда услышал мое замечание.

– Учитель ничего не должен оставлять случаю. Я тебе уже говорил, ты правильно чувствовал, что тебя надувают. Проблема состояла в том, что ты был убежден, что этот обман был направлен на одурачивание твоего разума. Для меня обман означал – отвлечь твое внимание или захватить его таким образом, как того требовала ситуация.

Он взглянул на меня, скосив глаза, и повел рукой вокруг нас.

– Секрет всего этого – наше внимание, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

– Все это существует только из-за нашего внимания. Тот самый камень, на котором мы сидим, является камнем только потому, что мы были вынуждены уделить ему внимание как камню.

Я хотел, чтобы он объяснил эту мысль. Он засмеялся и погрозил мне пальцем.

Это – пересказ, – сказал он. – Мы вернемся к этому позже.

Он убедительно объяснил, что благодаря его завлекающему маневру я заинтересовался стиранием личной истории и сновидением. Эффект этих двух техник был бы совершенно разрушительным, если бы они практиковались во всей их полноте. А главной заботой каждого учителя является не дать своему ученику сделать что-то такое, что швырнет его к помрачению разума и истощению.

– Стирание личной истории и сновидение должны были только помочь, – сказал он. – Каждому ученику для поддержки необходимы умеренность и сила. Вот почему учитель знакомит ученика с путем

воина или способом жить как воин. Это клей, который соединяет все в мире мага. Мало-помалу учитель должен выковывать и развивать его. Без твердости и уравновешенности невозможно выстоять на тропе знания.

Дон Хуан сказал, что в случае обучению пути война внимание ученика скорее захватывалось, чем отклонялось. И он захватил мое внимание тем, что выбивал меня из привычных обстоятельств жизни каждый раз, когда я навещал его. Наши хождения по пустыне или по горам были способом достигнуть этого.

Этот маневр по изменению контекста привычного мне мира в то время, когда он водил меня на прогулки и на охоту, был еще одним примером его системы, который прошел мимо моего внимания. Разрушение контекста означало, что я не ориентировался в новой ситуации, и мое внимание вынуждено было фокусироваться на всем том, что делал дон Хуан.

– Каков трюк, а? – сказал он и засмеялся.

Я тоже засмеялся, но несколько испуганно. Я никогда не представлял, насколько он все осознает.

Затем он перечислил свои шаги в руководстве моим вниманием и улавливании его. Закончив отчет, он добавил, что учитель должен быть сориентирован на личность ученика. Со мной ему пришлось быть осторожным, поскольку в моей природе было много насилия, и я мог бы не придумать ничего лучшего, чем покончить с собой от отчаяния.

– Ну и непостижимый же ты парень, дон Хуан, – сказал я, шутя, и он расхохотался.

Он объяснил, что для того, чтобы помочь мне в стирании личной истории, нужно было обучить меня еще трем техникам. Они заключались в избавлении от самозначительности, принятии ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание

личной истории могло вызвать в ученике переменчивость³¹, уклончивость и ненужную подозрительность относительно самого себя и своих поступков.

Дон Хуан попросил меня вспомнить, какой у меня была наиболее естественная реакция в моменты стресса и разочарования до того, как я стал его учеником. Он сказал, что его собственной реакцией была ярость. Я ответил, что моей была жалость к самому себе.

– Хотя ты и не осознаешь этого, но тебе нужно было хорошо поработать для отключения своей головы, чтобы сделать это свое чувство естественным, – сказал он. – Сейчас ты не в состоянии вспомнить, какие бесконечные усилия тебе потребовались, чтобы утвердить жалость к самому себе как отличительную черту на твоём острове. Жалость к себе была постоянным свидетелем всего, что ты делал. Она была прямо на кончиках твоих пальцев, готовая давать тебе советы. Воин рассматривает смерть как более подходящего советчика, который тоже может быть привлечен в качестве свидетеля всего того, что он делает, вместо жалости к себе или ярости.

После невероятной борьбы ты научился чувствовать жалость к самому себе. Но точно так же ты можешь научиться чувствовать свой неизбежный конец и теперь уже иметь на кончиках пальцев идею своей смерти. Как советчик жалость к себе ничто по сравнению со смертью.

Затем дон Хуан указал на кажущуюся противоречие в идее изменения. С одной стороны, мир магов призывал к коренной трансформации, с другой – объяснение магов говорит, что остров тоналя является цельным, и ни один из его элементов не может быть убран. В таком случае изменение не означает уничтожения чего-либо, а скорее означает изменение того способа применения, который закреплен за этими элементами.

– Жалость к самому себе, например, – сказал он. – Нет никакого способа избавиться от нее, освободиться от нее с пользой.

³¹ Shifty – ловкий, изворотливый, хитрый, жульнический, нечестный, переменчивый.

Она имеет определенное место и определенный характер на твоём острове, – определенный фасад, который видно издалека. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. У нее есть история. Если ты сменишь фасад жалости к себе, то ты уберешь и ее выдающееся положение.

Я попросил его объяснить значение этих метафор, особенно идею смены фасадов. Я понял это как возможность играть несколько ролей одновременно.

– Фасады изменяешь, изменяя использование элементов острова, – сказал он. Возьмем опять жалость к себе. Она была полезной для тебя, потому что ты или чувствовал свою важность, считая, что заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения, или потому, что ты не желал принимать ответственность за поступки, приводящие в состояние, которое вызывало жалость к себе, или потому, что ты был неспособен сделать идею неизбежной смерти свидетелем своих действий и дающей тебе советы. Стирание личной истории и три сопутствующие ей техники являются средствами, используемые магами для изменения фасадов элементов острова. Например, стиранием личной истории ты отрицал использование жалости к самому себе. Для того, чтобы жалость к себе сработала, тебе необходимо быть важным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства каким-либо образом изменены, ты уже не можешь жалеть самого себя.

То же справедливо и в отношении всех других элементов, которые ты изменил на своем острове. Без использования этих четырех техник ты бы никогда не добился успеха в перемене их. Смена фасадов означает только то, что ты отводишь второстепенное место первоначально важным элементам. Твоя жалость к себе все еще элемент твоего острова. Она будет там, на заднем плане, точно так же, как идеи нависшей смерти, или смирения, или твоей ответственности за свои поступки уже находились там раньше без всякого использования.

Дон Хуан сказал, что после представления всех этих техник ученик прибывает на перекресток, и в зависимости от своей чувствительности, он делает одну из двух вещей. Он или принимает

рекомендации и предложения, сделанные его учителем, за чистую монету, действуя без ожидания наград, или принимает все это за шутку или заблуждение.

Я заметил, что в своем собственном случае я путаюсь со словом «техника». Я всегда ожидал ряда точных указаний, но он давал мне только неопределенные предложения, которые я не был способен принять всерьез и действовать в соответствии с его условиями.

– В этом и была твоя ошибка, – сказал он. – Вот тогда мне и пришлось решать, использовать ли растения силы. Ты мог бы воспользоваться только этими четырьмя техниками, чтобы очистить и реорганизовать свой тональ. Они привели бы тебя к нагуалю. Но не все мы способны реагировать на простые рекомендации. И ты, и я в этом отношении нуждаемся еще и в каком-нибудь потрясении. Нам нужны были эти растения силы.

Мне действительно потребовались годы, чтобы понять важность советов, предложенных доном Хуаном в начале моего обучения. Тот необычайный эффект, который оказали на меня психотропные растения, стал основой моего вывода, что их использование является ключевым моментом в учении. Я держался за это убеждение, и лишь в последние годы своего обучения сообразил, что все, имеющие значение, трансформации и находки магов делаются только в состоянии трезвого осознания.

– Что произошло бы, если бы тогда я принял твои рекомендации всерьез? – спросил я.

– Ты бы достиг нагуаля, – ответил он.

– Но разве я смог бы достичь нагуаля без бенефактора?

– Сила обеспечивает тебя соответствии с твоей безупречностью, – сказал он, – и если бы ты серьезно использовал эти четыре техники, то накопил бы достаточно личной силы, чтобы найти бенефактора. Ты был бы безупречен, и сила открыла бы тебе все нужные пути. Таково правило.

– Почему ты не дал мне больше времени? – спросил я.

– У тебя было столько времени, сколько нужно, – сказал он. – Сила показала мне путь. Помнишь, когда-то ты должен был найти благоприятное для себя место у двери моего дома. Той ночью под давлением обстоятельств ты действовал великолепно и утром заснул на том самом месте, на камне, который я поставил туда для тебя. Сила показала мне, что тебя следует безжалостно подталкивать, иначе ты и пальцем не пошевелишь.

– Помогли ли мне растения силы? – спросил я.

– Конечно, – сказал он. – Они раскрыли тебя, остановив твой взгляд на мир. В этом растения силы оказывают такое же воздействие на тональ, как и правильный способ ходьбы. И то, и другое переполняет его информацией, и сила внутреннего диалога приходит к концу. Растения силы превосходно подходят для этой цели, но их применение оплачивается слишком дорого. Они наносят слишком большой вред телу. Это их недостаток, особенно травы дьявола.

– Но если ты знал, что они так опасны, зачем ты давал их мне в таких количествах и так много раз?

Он заверил меня, что детали этой процедуры определялись самой силой. Он сказал, что несмотря на то, что обучение должно покрывать одинаковые вопросы для всех учеников, их порядок был различен для каждого из них. И у него было множество знаков, что меня нужно принуждать и принуждать, чтобы заставить принять что-либо во внимание.

– Я имел дело с нахальным бессмертным существом, которому не было никакого дела до его жизни или смерти, – сказал он, смеясь.

Я напомнил, что он описывал и обсуждал эти растения в терминах антропоморфических качеств. Он всегда обращался к ним так, как если бы эти растения были личностями. Он ответил, что это были предписанные средства для отвлечения внимания ученика в сторону от реального вопроса, который заключался в остановке внутреннего диалога.

– Но если они используются только для остановки внутреннего диалога, то какую связь они имеют с союзниками? – спросил я.

– Это трудно объяснить, – сказал он. – Растения подводят ученика непосредственно к нагуалю, а союзник является одним из его аспектов. Мы действуем исключительно в центре разума вне зависимости от того, кем мы являемся, и откуда мы пришли. Разум по своей природе, как и следовало ожидать, может объяснить все, что происходит, в рамках его идеи мира. Союзник – это нечто такое, что находится вне его обзора, вне царства разума. Он может наблюдаться только в центре воли в те моменты, когда наш обычный взгляд остановлен. Поэтому правильно было бы сказать, что это – нагуаль. Маги, однако, могут научиться воспринимать союзников крайне сложным образом, и, поступая так, они оказываются слишком глубоко погруженными в новую точку зрения. Чтобы защитить тебя от такой судьбы, я не представлял тебе союзников так, как обычно это делают маги. Маги после многих поколений использования растений силы в своих взглядах научились объяснять все, что было для них объяснимым. Я сказал бы, что маги, используя свою волю, добились расширения своих взглядов на мир. Мой учитель и мой бенефактор были ярчайшими примерами этого. Они были людьми огромной силы, но не были людьми знания. Они так и не разорвали границ своего огромного мира, и поэтому никогда не прибыли к целостности самих себя. Тем не менее, они знали об этом. Не то, чтобы они жили, отклонившись от правильного пути и претендуя на что-то выше своих возможностей; они знали, что шагнули мимо лодки, и что только в момент их смерти вся загадка будет полностью раскрыта им. Магия дала им только мимолетный взгляд, но не реальные средства для достижения этой неуловимой целостности самого себя.

– Я дал тебе достаточно из описания мира магов, не позволив зацепиться за это. Я говорил, что только когда помещаешь один взгляд напротив другого (одну картину напротив другой), можно проскользнуть между ними и прибыть к реальному миру. Я хочу сказать, что целостности самих себя возможно достичь только если полностью понимаешь, что мир – это просто точка зрения, вне зависимости от того, принадлежит ли эта точка зрения обычному человеку или магу.

Именно здесь я уклонился от традиции. После целой жизни борьбы я знаю, что действительно важным является не просто научиться новому описанию, но прибыть к целостности самого себя. Следует прибыть к нагуалю, не покалечив тоналя и, превыше всего, не покалечив своего тела. Ты принимал эти растения, следуя точным этапам, через которые прошел я сам. Единственным отличием было то, что вместо того, чтобы погрузить тебя в них, я остановился, когда решил, что ты накопил достаточно взглядов на нагуаль. Именно по этой причине я никогда не хотел обсуждать с тобой твои встречи с растениями силы и не позволял тебе привязываться к разговорам о них. Не было смысла детализировать невыразимое. Это были настоящие экскурсии в нагуаль, в неизвестное.

Я заметил, что моя потребность говорить о восприятиях, вызванных влиянием психотропных растений, была связана с желанием подтвердить собственные гипотезы на этот счет. Я был убежден, что при помощи таких растений он снабжал меня воспоминаниями о невообразимых способах восприятия. Эти воспоминания могли казаться чисто индивидуальными и не связанными с чем-то, имеющим смысл, но через какое-то время собирались в единицы смысла. Я знал, что дон Хуан искусно руководит мною в каждом случае, и что все эти единицы смысла собирались под его руководством.

– Я не хочу выделять эти события или объяснять их, – сказал он сухо. – Застревание в объяснениях вернет нас назад, туда, где мы быть не хотим. Это отбросит нас назад во взгляд³² на мир, но на этот раз – в более широких взгляд, и только.

Дон Хуан сказал, что, после остановки внутреннего диалога действием растений силы, появлялся неизбежный тупик. У ученика начинали возникать сомнения относительно смысла всего ученичества. По мнению дона Хуана, даже самые большие энтузиасты в этой точке ощутят серьезную потерю заинтересованности.

³² View – см. стр. 56

– Растения силы потрясают тональ и угрожают прочности всего острова, – сказал он. – Именно в этот момент ученик отступает, и мудро делает. Он хочет выбраться из всей этой каши. Так вот, именно в этот момент учитель устанавливает свою наиболее искусную ловушку – стоящего противника. Без помощи стоящего противника, который в действительности является не врагом, а совершенно преданным помощником, ученик не имеет возможности продолжать путь знания. Ловушка преследует две цели. Во-первых, она позволяет учителю удерживать своего ученика, а во-вторых, она дает ученику точку соотнесения (отсчета) для дальнейшего использования. Ловушка – это маневр, который выводит на арену стоящего противника. Лучшие из людей сдались бы на этой черте, если бы они могли решать сами. Я привел к тебе стоящего противника, прекраснейшего воина, какого только можно было найти – Ла Каталину.

Дон Хуан вспоминал о том времени несколькими годами раньше, когда он втянул меня в эту затяжную битву с колдуньей-индеанкой.

– Я привел тебя в непосредственный контакт с ней, и я выбрал женщину, потому что ты доверяешь женщинам. Разрушить это доверие было для нее очень трудным делом. Через несколько лет она мне призналась, что ей хотелось отступить, потому что ты ей нравился, но она – великий воин, и, несмотря на свои чувства, она чуть не стерла тебя с лица планеты. Она нарушила твой тональ так интенсивно, что он уже никогда больше не был тем же самым. Она нарушила порядок на твоём острове настолько глубоко, что ее действия послали тебя в другую реальность. Она сама могла бы быть твоим бенефактором, если бы твоим предназначением было стать магом ее типа. Но ты другой. Что-то было не так между вами двумя. Ты не был способен бояться ее. Однажды ночью ты чуть было не растерял свои шарики, когда она напала на тебя, и все же тебя влекло к ней. Для тебя она была желанной женщиной, вне зависимости от того, насколько ты ее боялся. Она знала это. Однажды в городе я заметил, как ты смотрел на нее, трясаясь от страха и пуская слюни одновременно.

Далее, под действием стоящего противника ученик может или разлететься на куски, или радикально измениться. Действия Ла Каталины в отношении тебя, поскольку она тебя не убила, – не потому, что недостаточно хорошо пыталась, а потому, что ты оказался достаточно стойким, – дали положительный эффект и снабдили тебя решением.

Учитель использует стоящего противника для того, чтобы заставить ученика сделать выбор в своей жизни. Ученик должен выбрать между миром воина и своим обычным миром. Но никакое решение невозможно до тех пор, пока ученик не поймет свой выбор. Поэтому учитель должен быть потрясающе терпеливым и уверенной рукой, с позиции понимания вести своего ученика к такому выбору. А превыше всего он должен быть уверен, что его ученик выберет мир и жизнь воина. Я добился этого, попросив тебя помочь мне победить Ла Каталину. Я сказал тебе, что она собирается меня убить, и что мне нужна твоя помощь, чтобы освободиться от нее. Я честно предупредил тебя о последствиях твоего выбора и дал тебе массу времени, чтобы решить, принимать его или нет.

Я ясно помню, что дон Хуан отпустил меня в тот день. Он сказал мне, что если я не захочу ему помочь, то свободен уехать и никогда не возвращаться назад. В тот момент я знал, что свободен выбрать свой собственный путь и не имею по отношению к нему никаких обязательств.

Я покинул его дом и уехал со смесью печали и радости. Мне было жаль, что я покидаю дона Хуана, и все же я был счастлив, что разделался со всей этой деятельностью, которая приводила меня в такое расстройство. Я подумал о Лос-Анджелесе, о своих друзьях, обо всем том порядке обычной жизни, который ожидал меня. О той маленькой повседневности, которая всегда давала мне так много приятного. На некоторое время я ощутил эйфорию. Сверхъестественные тайны дона Хуана и его жизни были позади, и я был свободен.

Однако мое счастливое настроение длилось недолго. Желание покинуть мир дона Хуана оказалось нестойким. Мои привычки потеряли свою силу. Я попытался подумать о чем-нибудь, что мне

хотелось бы делать в Лос-Анджелесе, но там не было ничего. Дон Хуан однажды говорил мне, что я боюсь людей, и научился защищаться тем, что ничего не желаю. Он сказал, что ничего не желать – прекраснейшее достижение воина. Но я по своей глупости расширил это чувство нежелания чего бы то ни было и заставил его перейти в то, что мне не нравится ничего. Поэтому моя жизнь стала пустой и скучной.

Он был прав. И пока я катил на север по шоссе, весь груз моего безумия, совершенно неожиданного, в конце концов свалился на меня. Передо мной открылся масштаб моего выбора. Я в действительности променял волшебный мир непрерывного обновления на свою тихую и нудную жизнь в Лос-Анджелесе. Я начал вспоминать свои пустые дни. Особенно ясно вспомнилось мне одно воскресенье. Весь день тогда я чувствовал беспокойство от того, что мне нечем заняться. Никто из моих друзей не пришел ко мне в гости, никто не пригласил меня на вечеринку. Тех людей, к которым мне хотелось пойти, не оказалось дома, и, что совсем уж плохо, я успел пересмотреть все фильмы, которые шли в городе. К концу дня, в полном отчаянии, я еще раз взялся за список кинофильмов и нашел один, который раньше совсем меня не интересовал. Он шел в городишке, находившемся в тридцати пяти милях отсюда. Я поехал туда. Фильм мне совершенно не понравился, но даже это было лучше, чем полное ничегонеделание.

Под давлением мира дона Хуана я изменился. С тех пор, как я встретился с ним, у меня не было времени скучать. Одного этого было для меня достаточно. Дон Хуан прав был в своей уверенности. Он знал, какой выбор я сделаю. Я развернулся и поехал назад к его дому.

– Что бы случилось, если бы я выбрал ехать назад в Лос-Анджелес?

– Это было невозможно, – сказал он. – Такого выбора для тебя не существовало. Все, что тогда от тебя требовалось, – это позволить своему тоналю осознать решение вступить в мир магов. Тональ не знает, что решение находится в царстве нагуаля. Когда мы думаем, что решаем что-то, мы только признаем, что нечто вне нашего

понимания установило рамки нашего так называемого решения, и мы лишь покоряемся этому.

В жизни война есть только одна вещь, один единственный вопрос, который действительно не решен: насколько далеко можно пройти по тропе знания и силы. Этот вопрос остается открытым, и никто не может предсказать его исход. Я однажды говорил тебе, что свобода война состоит в том, чтобы или действовать безупречно, или действовать как придурок. А поскольку только безупречность является действительно свободным действием, то, будучи таковой, она является реальной мерой духа война.

Дон Хуан сказал, что после принятия учеником решения вступить в мир магов учитель дает ему практическую задачу – задание, которое он должен выполнять в своей повседневной жизни. Он объяснил, что эта задача, которая планируется так, чтобы подходить к личности ученика, обычно является своего рода неестественной жизненной ситуацией, в которой ему предлагается находиться, чтобы постоянно оказывать влияние не его взгляд на мир (картину мира). В моем случае я понимал эту задачу скорее как веселую шутку, чем как серьезную ситуацию. Однако со временем мне, наконец, стало ясно, что я должен относиться к ней серьезно и внимательно.

– После того, как ученик получил свою магическую задачу, он готов к другому типу наставлений, – продолжал он. – Здесь он уже воин. В твоем случае, поскольку ты уже не был учеником, я обучил тебя трем техникам, помогающим сновидению: разрушению распорядков жизни, походке силы и неделанию. Ты был очень инертный, глупый как ученик, и глупый как воин. Ты старательно записывал все, что я тебе говорил, и все, что с тобой происходило, но действовал ты не совсем так, как я тебе говорил. Поэтому мне все еще приходилось подстегивать тебя растениями силы.

Затем дон Хуан шаг за шагом описал, как он отвлек мое внимание от сновидения, заставив поверить в важность очень трудной деятельности, называемой им неделанием, и представляющей собой перцептуальную³³ игру фокусирования

³³ Perceptual – относящийся к восприятию.

внимания на тех чертах мира, которые обычно остаются незамеченными, например, на тенях предметов. Дон Хуан сказал, что его стратегией было оставить неделание в стороне, окружив его самой строгой секретностью.

– Неделание, как и все остальное – очень важная техника. Но она не была основным моментом, – сказал он. Ты попался на секретности. Ты – балаболка, и вдруг тебе доверили секрет.

Он засмеялся и сказал, что может вообразить те трудности, через которые я прошел, чтобы держать рот закрытым.

Он объяснил, что разрушение рутины, походка силы и неделание были путем к обучению новым способам восприятия мира, и что они давали воину намек на невероятные возможности действия. По идее дона Хуана, знание отдельного практического мира сновидения делалось возможным при помощи использования этих трех техник.

– Сновидение – это практическая помощь, разработанная магами. Они не были дураками, они знали, что делают, и искали полезности нагуаля, обучая свой тональ, так сказать, отпускаться на мгновение, а затем схватывать снова. Это утверждение не имеет для тебя смысла. Но этим ты и занимался все время. Обучал себя отпускаться, не теряя при этом своих шариков. Сновидение, конечно, является венцом усилия магов, полным использованием нагуаля.

Он прошелся по всем упражнениям неделания, которые заставлял меня выполнять, по всем распорядкам моей повседневной жизни, которые он выделил для разрушения, и по всем тем случаям, когда он вынуждал меня пользоваться походкой силы.

– Мы подходим к концу моего пересказа, – сказал он. – Теперь нам нужно поговорить о Хенаро.

Дон Хуан сказал, что в день моей встречи с Хенаро был очень важный знак. Я ответил, что не могу вспомнить ничего необычного. Он напомнил, что в тот день мы сидели на скамейке в парке. Перед этим он говорил мне, что собирается встретиться с другом, которого

раньше я никогда не видел. И когда этот друг появился, я узнал его без всяких колебаний среди большой толпы. Это и был тот знак, который заставил их понять, что Хенаро – мой бенефактор.

Когда он сказал это, я вспомнил, что мы сидели и разговаривали, а затем я обернулся и увидел небольшого поджарого человека, который излучал необыкновенную жизненную силу, грацию и просто самобытность. Он только что свернул из-за угла в парк. В шутку я сказал дону Хуану, что его друг приближается к нам, и что, судя по его виду, он наверняка является магом.

– С того дня и далее Хенаро советовал, что мне с тобой делать. Как твой гид в нагуале, он предоставил тебе безупречные демонстрации. Каждый раз, когда он действовал как нагуаль, ты получал знание, которое не поддавалось твоему разуму и обходило его. Он разрушил твою картину мира³⁴ (взгляд на мир), хотя ты и не осознаешь этого. В этом случае ты вел себя так же, как и в случае с растениями силы, тебе было нужно больше, чем это необходимо. Нескольких атак нагуаля достаточно, чтобы разрушить картину мира. Но даже до сего дня, после всех наступлений нагуаля твоя картина кажется неуязвимой. Как ни странно, но это твоя лучшая черта.

В конце концов, действия Хенаро должны были ввести тебя в нагуаль. Но здесь мы встречаемся со странным вопросом: что должно было быть введено в нагуаль?

Он движением бровей предложил мне ответить на этот вопрос.

– Мой разум? – спросил я.

– Нет, разум там не имеет никакого смысла. Разум отправляется на свалку в ту же секунду, как только оказывается за своими узкими границами.

– Тогда это был мой тональ, – сказал я.

³⁴ View of the world. View – вид, пейзаж, картина, точка зрения, мнение.

– Нет, тональ и нагуаль являются двумя естественными частями нас самих, – сказал он сухо. Они не могут быть введены одна в другую.

– Мое восприятие? – спросил я.

– Вот тут ты попал, – закричал он, как если бы я был ребенком, который дал правильный ответ. – Теперь мы подходим к объяснению магов. Я уже предупреждал тебя, что оно ничего не объяснит, и все же...

Он остановился и взглянул на меня сияющими глазами.

– Это еще один из трюков магов, – сказал он.

– О чем ты говоришь? Какой еще трюк? – спросил я встревожено.

– Объяснение магов, конечно. Ты увидишь это сам. Но давай продолжим. Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены с момента нашего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запирает нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живем внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, является нашим собственным отражением.

Он наклонил голову и взглянул на меня искоса, потом усмехнулся.

– Ты глупишь, – сказал он. – Здесь тебе полагается задавать вопрос.

Я засмеялся. Так или иначе, его предупреждения об объяснении магов, плюс представление внушающих благоговейный ужас масштабов его осознания начали, наконец, оказывать на меня свое воздействие.

– Что за вопрос мне полагалось задать?

– Если то, что мы видим на стенках, является нашим отражением, значит то, что отражается, должно быть реальной вещью, – сказал он, улыбаясь.

– Это хороший довод, – сказал я шутливым тоном.

Мой разум мог легко принять этот аргумент.

– Это отражение является нашей картиной мира, – сказал он. – Эта картина сначала является описанием, которое дается нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не оказывалось захваченным им, и описание не становится картиной мира.

Задачей учителя является перестроить эту картину, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет пузырь снаружи.

Он сделал еще одну рассчитанную паузу и еще одно замечание относительно отсутствия у меня внимания, судя по моей неспособности вставить подходящее замечание или вопрос.

– Каким должен быть мой вопрос?

– «Почему пузырь должен быть открыт?» – ответил он.

Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал: – Это хороший вопрос.

– Конечно! – воскликнул он. – Он должен быть хорошим для тебя, потому что он – один из твоих собственных.

Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность, – продолжал он. – Естественно, что назвать это «пузырем» – только способ говорить. Но в данном случае это точный способ.

Деликатный маневр введения светящегося существа в его собственную целостность требует, чтобы учитель работал внутри пузыря, а бенефактор – снаружи. Учитель реорганизует картину мира. Я назвал эту картину островом тональ. Я сказал, что все, чем

мы являемся, находится на этом острове. Объяснение магов говорит, что остров тональ создан нашим восприятием, выученным фокусироваться на определенных элементах. Каждый из этих элементов и все они, вместе взятые, из нашей картины мира. Работа учителя, поскольку речи идет о восприятии ученика, состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. К настоящему времени ты, должно быть, понял, что чистка и перестройка острова тональ означает перегруппировку всех этих элементов на сторону разума. Моей задачей было дезорганизовать твою обычную картину мира; не уничтожить ее, а заставить ее вновь собраться на стороне разума. Ты сделал это лучше чем любой из тех, кого я знаю.

Он нарисовал воображаемый круг на камне и разделил его пополам вертикальным диаметром. Он сказал, что искусством учителя было заставить своего ученика сгруппировать всю свою картину мира на правой половине пузыря.

– Почему правая половина? – спросил я.

– Это сторона тоналя, – сказал он. – Учитель всегда обращается к ней и, с одной стороны, познакомив своего ученика с путем воина, он заставляет его быть разумным, трезвым и сильным характером и телом. А с другой – он сталкивает его с немислимыми, но реальными ситуациями, с которыми ученик не может справиться. Таким образом он заставляет его понять, что его разум, хотя и является чудеснейшей вещью, может охватить лишь очень маленькую площадь. Как только воин сталкивается с невозможностью все охватить разумом, он сходит со своей дороги, чтобы поддержать и защитить свой поверженный разум. Чтобы добиться этого, он соберет все, что у него есть, вокруг него. Учитель следит за этим, безжалостно подхлестывая его, пока вся его картина мира не окажется на одной половине пузыря. Другая половина пузыря – та, что очистилась, теперь может быть востребована тем, что маги называют волей.

Очевидно, яснее будет сказать, что задача учителя – начисто отмыть одну половину пузыря и заново сгруппировать все на другой половине. Потом задачей бенефактора будет открыть пузырь на той

стороне, которая была очищена. После того, как печать сорвана, воин уже никогда не бывает тем же самым. Он теперь может управлять своей целостностью. Одна половина пузыря является абсолютным центром разума, тоналем. Другая половина – абсолютным центром воли, нагуалем. Вот какой порядок должен превалировать, любая другая аранжировка бессмысленна и мелочна, потому что она идет против нашей природы. Она крадет у нас наше магическое наследие и превращает нас в ничто.

Дон Хуан поднялся, потянулся и прошелся, чтобы расправить мускулы. К этому времени слегка похолодало. Я спросил его, закончили ли мы.

– Нет, представление еще даже не начиналось, – воскликнул он и засмеялся. – Это было только вступление.

Он взглянул на небо и указал на запад небрежным движением руки.

– Примерно через час нагуаль будет здесь, – сказал он, улыбнулся и снова сел.

– У нас осталось еще одна вещь, – продолжал он. – Маги называют это секретом светящихся существ, и он заключается в том факте, что мы – воспринимающие. Мы, люди, и другие светящиеся существа на Земле являемся воспринимающими. Это наша беда – пузырь восприятия. Мы ошибаемся, считая, что единственное достойное признания восприятие приходит к нам через разум. Маги считают, что разум – это только один из центров, и он не должен столь многое принимать как само собой разумеющееся.

Хенаро и я рассказывали тебе о восьми точках, которые составляют целостность нашего пузыря восприятия. Ты знаком с шестью из них. Сегодня мы с Хенаро еще раз прочистим твой пузырь восприятия, и после этого ты познакомишься с оставшимися двумя точками.

Он резко сменил тему и попросил меня дать ему подробный отчет о моих восприятиях предыдущего дня, начиная с момента, когда я увидел Хенаро, сидящего на камне у дороги. Он не делал

никаких замечаний и ни разу не прервал меня. Закончив отчет, я добавил свое собственное наблюдение. Утром я говорил с Нестором и Паблито, и они рассказали мне о своих собственных наблюдениях, очень похожих на мои. Я исходил из того, что нагуаль, как говорил мне сам дон Хуан, был индивидуальным опытом, свидетелем которого может быть только наблюдатель. В предыдущий день там было три наблюдателя, и все мы были свидетелями более или менее одной и той же вещи. Различие выражалось только в разном способе чувствовать и реагировать на отдельные детали общего явления.

– То, что случилось вчера, было демонстрацией нагуаля для тебя, Нестора и Паблито. Я их бенефактор. Мы с Хенаро выключили центр разума у всех троих. У нас двоих достаточно силы, чтобы заставить вас согласиться между собой относительно события, свидетелями которого вы были. Несколько лет назад мы с тобой встретились с группой учеников однажды ночью. Однако у одного меня не хватило силы, чтобы заставить вас видеть одну и ту же вещь.

Судя по моему рассказу о восприятии предыдущего дня и из того, что он увидел во мне, он заключил, что я готов к объяснению магов. Он добавил, что готов и Паблито, но не был уверен относительно Нестора.

– Быть готовым к объяснению магов – очень трудное достижение, – сказал он. – Оно не должно быть таковым, но все мы настаиваем на индальгировании в нашем длинном в жизнь взгляде на мир. В этом отношении ты, Нестор и Паблито одинаковы. Нестор прячется за своим смущением и мрачностью, Паблито – за своим обезоруживающим очарованием, а ты – за своей самонадеянностью и словами. Все это черты, которые не кажутся угрожающими, но до тех пор, пока вы трое настаиваете на их использовании, ваши пузыри восприятия еще не очищены и объяснение магов не будет иметь смысла.

Я пошутил, что это знаменитое объяснение магов преследует меня уже давным-давно. Однако чем ближе я к нему подхожу, тем оно сильнее удаляется. Я собирался добавить еще одно шутливое замечание, но вдруг он выхватил эти слова прямо у меня изо рта.

– Не окажется ли в конце концов, что объяснение магов – это просто липа? – спросил он, смеясь.

Он похлопал меня по спине, и, казалось, радовался, как ребенок, предвкушающий приятное событие.

– Хенаро ярый сторонник правила, – сказал он доверительным тоном. – Ничего не поделаешь с этим пресловутым объяснением. Моя бы воля, так я бы дал его тебе давным-давно. Не делай на него слишком большую ставку.

Он поднял голову и посмотрел в небо.

– Теперь ты готов, – сказал он драматическим и торжественным тоном. – Пора идти, но прежде, чем мы покинем это место, я должен сказать тебе одну последнюю вещь. Тайна или секрет объяснения магов состоит в том, что оно имеет дело с развертыванием крыльев восприятия.

Он положил руки на мою записную книжку и сказал, что мне следует пойти в кусты и позаботиться о своих телесных функциях. После этого я должен снять свою одежду и оставить ее в узле прямо тут, где мы находимся. Я посмотрел на него вопросительно, и он объяснил, что мне следует быть обнаженным, но я могу оставить свои ботинки и шляпу.

Я настаивал на том, чтобы узнать, почему я должен быть голым. Дон Хуан засмеялся и сказал, что причина эта довольно личного характера и связана она с моим собственным удобством, и что это я сам должен был сказать ему, что хочу раздеться. Его объяснение озадачило меня. Мне казалось, что он разыгрывает со мной какую-то шутку, или, в согласии с тем, что он открыл мне, он просто отвлекал мое внимание. Я хотел знать, зачем он делает это.

Он напомнил мне об инциденте, который произошел со мной несколько лет назад, когда мы находились в горах Северной Мексики с доном Хенаро. В тот день они объясняли мне, что «разум» явно не может объяснить всего происходящего в мире. Чтобы дать мне убедительную демонстрацию этого, дон Хенаро выполнил великолепный прыжок как «нагуаль» и «удлинил» себя так, что

достиг пиков гор в пятнадцати милях от нас. Дон Хуан сказал, что я прозевал самое главное, и в том, что касалось убеждения моего «разума», демонстрация дона Хенаро была неудачей, но с точки зрения моей телесной реакции – это был бунт.

Я хорошо помнил ту телесную реакцию, о которой говорил дон Хуан. Я видел, как дон Хенаро исчез у меня перед глазами, словно его сдул ветер. Его прыжок произвел на меня такое сильное впечатление, что я почувствовал себя так, как будто его движение прорвало что-то у меня в кишечнике. Мне пришлось раздеться. Мое неудобство и смущение были беспредельны. Пока я добрался до своей машины, мне пришлось идти голым, надев только шляпу, по дороге, где было довольно большое движение. Дон Хуан напомнил мне, что именно тогда я сказал ему, чтобы он не позволял мне больше портить свою одежду.

После того, как я разделся, мы пошли к большой скале в нескольких сотнях футов впереди. Скала нависла над тем же ущельем. Он заставил меня заглянуть вниз. Там была глубина не менее ста футов. Затем он сказал мне, чтобы я выключил свой внутренний диалог и прислушался к звукам вокруг нас.

Через несколько мгновений я услышал звук камешка, задевающего скалу по пути на дно ущелья. Я слышал каждый удар гальки с невероятной ясностью. Затем я услышал, как еще один камешек был брошен вниз, затем еще один. Я поднял голову, чтобы направить свое левое ухо сторону, откуда исходил звук, и увидел дона Хенаро, сидящего на вершине скалы в пятнадцати футах от нас. Он небрежно бросал камешки в ущелье.

Он закричал и засмеялся, когда понял, что я его вижу, и сказал, что прятался здесь и ожидал, когда я его найду. Я испытал момент замешательства. Дон Хуан несколько раз прошептал мне на ухо, что мой разум не приглашен на это событие и что я должен отбросить несносное желание все контролировать. Он сказал, что нагуаль был восприятием только для меня и что именно по этой причине Паблито не видел нагуаль в моей машине. Как бы читая мои мысли, он добавил, что хотя только я один мог быть свидетелем нагуаля, но все же это был сам дон Хенаро.

Дон Хуан взял меня за руку и, как бы играя, подвел к месту, где сидел дон Хенаро. Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне поближе. Его тело излучало жар, который я мог видеть, сияние, ослепившее меня. Он подошел ко мне сбоку, приблизил губы к моему уху, не касаясь его, и начал шептать. Дон Хуан тоже начал шептать мне в другое ухо. Их голоса слились. Оба они стали повторять одни и те же слова. Они говорили, что я не должен бояться и что у меня есть длинные мощные волокна, которые существуют не для того, чтобы защищать меня, потому что защищать нечего, и не от чего; они здесь для того, чтобы вести меня в моем восприятии нагуаля, как мои глаза ведут меня в моем нормальном восприятии тоналя. Они сказали, что мои волокна находятся повсюду вокруг меня, что благодаря им я могу воспринимать все сразу и что одного-единственного волокна достаточно, чтобы прыгнуть в ущелье или чтобы прыгнуть со дна ущелья на скалу.

Я слышал все, что они шептали. Каждое слово, казалось, имело для меня свое уникальное дополнительное. Я мог удерживать каждое высказывание, а потом заново проигрывать его, как если бы я был записывающим устройством. Они оба уговаривали меня прыгнуть на дно ущелья. Они сказали, что я должен вначале ощутить свои нити, затем изолировать одну, которая ведет вниз на дно ущелья, и следовать ей. Когда они произносили свои команды, я действительно мог совместить их слова с соответствующими чувствами. Я чувствовал зуд во всем теле, но в особенности очень специфическое ощущение, которое само по себе было невыразимо, но приближалось к ощущению «длинного почесывания». Мое тело действительно могло ощущать дно ущелья, и я чувствовал это как зуд в каком-то неопределенном месте тела.

Дон Хуан и дон Хенаро продолжали убеждать меня скользнуть по этому чувству, но я не знал, как это сделать. Затем я стал слышать голос только одного дона Хенаро.

Он сказал, что собирается прыгнуть вместе со мной. Он схватил меня, или толкнул, или обнял, и бросился вместе со мной в бездну. У меня появилось чувство сильной физической боли. Мой живот как будто пережевывали и пожирали. Это была смесь боли и

удовольствия такой интенсивности и длительности, что я мог только кричать, кричать и кричать, во всю силу своих легких. Когда это чувство уменьшилось, я увидел невероятно перепутанную смесь искр и темных масс, лучей света и облакоподобных образований. Я не мог сказать, открыты мои глаза или закрыты, или где они находились, и вообще где находится мое тело. Затем я почувствовал ту же физическую боль, хотя и не столь выраженную, как в первый раз, потом мне показалось, что я проснулся и оказался стоящим на скале вместе с доном Хуаном и доном Хенаро.

Дон Хуан сказал, что я опять валял дурака, что бесполезно, было прыгать, если мое восприятие прыжка собиралось быть таким хаотическим. Они оба бесчисленное количество раз шептали мне в уши, что нагуаль сам по себе бесполезен, что он должен умеряться тоналем. Они сказали, что я должен прыгнуть охотно и осознать свой поступок.

Я колебался не столько потому, что боялся, сколько из-за того, что мне не хотелось этого. Я ощущал свои колебания, как если бы мое тело болталось из стороны в сторону, как маятник. Затем какое-то странное настроение овладело мной, и я прыгнул всем своим физическим телом. Думать во время прыжка я не мог. Я видел как бы сквозь туман стены узкого ущелья и острые камни на дне. У меня не было последовательного восприятия моего спуска. Вместо этого возникло ощущение, что я действительно нахожусь на земле на дне ущелья. Я различал каждую деталь камней в небольшом кругу вокруг себя. Мой обзор был не направленным и стереоскопичным с уровня глаз, но плоским и круговым. Через секунду меня охватила паника, и что-то дернуло меня вверх, как йо-йо (мячик на резинке). Дон Хуан и дон Хенаро заставили меня выполнять прыжок вновь и вновь. После каждого прыжка дон Хуан уговаривал меня, чтобы я был менее сдержанным и меньше сопротивлялся. Он повторял вновь и вновь, что секрет магов в использовании нагуаля заключается в нашем восприятии. Что прыжки были просто упражнением в восприятии и что это упражнение закончится только тогда, когда я добьюсь успеха в том, чтобы воспринимать как совершенный тональ то, что находится на дне ущелья.

В какой-то момент у меня возникло невообразимое ощущение. Я полностью и трезво осознавал, что стою на краю скалы, а дон Хуан и дон Хенаро шепчут мне в уши. А затем, в следующее мгновение, я смотрел на дно ущелья. Все было совершенно нормальным. К тому времени уже почти совсем стемнело, но света было еще достаточно, чтобы можно было абсолютно все различать, как в мире моей повседневной жизни. Я рассматривал какие-то кусты, когда услышал внезапный звук – камень, катящийся вниз. Мгновенно я увидел хороших размеров камень, несущийся вниз по скале прямо на меня. Как при вспышке был виден и дон Хенаро, сбрасывавший его.

Я испытал чувство паники, и мгновение спустя был втянут обратно на вершину скалы. Я оглянулся в поисках дон Хенаро. Его нигде не было. Дон Хуан со смехом сказал, что дон Хенаро нас покинул, так как он не мог больше выносить моей вони. Тут я со смущением понял, что действительно нахожусь в весьма неприглядном виде. Дон Хуан был прав, когда заставил меня снять одежду. Он повел меня к ручью и отмывал, зачерпывая моей шляпой воду и бросая ее на меня, как моют лошадей. Одновременно он отпускал смешные замечания относительно того, что спас мои штаны.

3. Пузырь восприятия

Я провел целый день один в доме дона Хенаро. Большую часть дня я спал. Дон Хуан вернулся к концу дня, и мы в полном молчании прогулялись до ближайшей горной гряды. В сумерках мы остановились и сели на краю глубокого провала. Мы оставались там, пока не стемнело, и тогда дон Хуан повел меня к другому месту поблизости – громадному обрыву – утесу с совершенно отвесной каменной стеной. Утес нельзя было заметить с той тропинки, которая к нему вела, однако дон Хуан показывал мне его несколько раз раньше. Он заставил меня взглянуть через край и сказал, что весь утес был местом силы, особенно его основание, расположенное в каньоне на несколько сот футов ниже. Каждый раз, когда я смотрел на него, я испытывал неприятный озноб. Каньон всегда был темным и угрожающим. Прежде чем мы достигли этого места, дон Хуан сказал, что дальше мне следует идти одному и встретиться с Паблито на краю утеса. Он рекомендовал, чтобы я расслабился и выполнил походку силы, чтобы смыть свою нервную усталость.

Дон Хуан шагнул в сторону влево от тропы, и темнота просто поглотила его. Я хотел остановиться и посмотреть, куда он делся, но тело мне не повиновалось. Я побежал, хотя устал настолько, что едва мог держаться на ногах. Добравшись до утеса, я никого там не увидел и продолжал бежать на месте, тяжело дыша. Через некоторое время я немного расслабился. Я стоял неподвижно, прислонившись спиной к камню, и тут заметил фигуру человека в нескольких футах от меня. Он сидел, закрыв голову руками. Я вначале очень испугался и отскочил, но затем решил, что это, должно быть, Паблито, и без всяких колебаний подошел к нему. Я громко позвал Паблито по имени, полагая, что он не узнал меня и так испугался, что прикрыл голову, чтобы ничего не видеть. Но прежде чем я коснулся его, какой-то необъяснимый страх овладел мною. Мое тело застыло на месте с протянутой рукой, уже готовой к прикосновению. Человек поднял голову. Это был не Паблито! Его глаза были двумя огромными зеркалами, похожими не глаза тигра. Мое тело отскочило назад. Мышцы напряглись, а затем сняли оцепенение без малейшего волевого вмешательства с моей стороны.

Я выполнил прыжок назад, такой быстрый, мощный и такой огромный, что в нормальных обстоятельствах я бы непременно погрузился в грандиозную спекуляцию по этому поводу. Как бы там ни было, но мой страх был настолько выше всяких пределов, что у меня не было ни малейшей склонности к размышлению. Я убежал бы оттуда, если бы кто-то не схватил меня за руку. Это ощущение швырнуло меня в состояние полнейшей паники. Я закричал. Мой крик вместо того, чтобы быть визгом, как я ожидал, прозвучал длинным леденящим воплем.

Я повернулся к своему противнику. Это был Паблито, который трясся еще больше, чем я. Моя нервозность достигла предела. Я не мог разговаривать, зубы стучали, по спине бегали мурашки, заставляя меня непроизвольно дергаться. Я вынужден был дышать через рот. Паблито сказал между щелканьем зубов, что «нагуаль» поджидал его и что он едва вырвался из его лап, когда наткнулся на меня, а я чуть не убил его своим воплем. Пытаясь засмеяться, я издал самые жуткие звуки, какие только можно вообразить. Немного успокоившись, я рассказал Паблито, что, очевидно, то же самое произошло и со мной. Неожиданным для меня итогом происшедшего явилось полное исчезновение усталости. Вместо этого я ощущал невероятный прилив сил и хорошего самочувствия. Паблито, казалось, испытывал то же ощущение. Мы начали глупо и нервно посмеиваться.

Я услышал в отдалении шорох мягких и осторожных шагов. Паблито, очевидно, еще не слышал их и отреагировал на то, что я застыл. Я был уверен, что кто-то приближался к месту, где мы стояли. Мы повернулись в направлении звука. Секунду спустя появились силуэты дона Хуана и дон Хенаро. Они шли медленно и остановились в четырех-пяти футах от нас. Дон Хуан стал лицом ко мне, а дон Хенаро – к Паблито. Я хотел рассказать дону Хуану, как что-то испугало меня до безумия, но Паблито схватил меня за руку. Я знал, что он имеет в виду. Что-то странное было в дон Хуане и Хенаро. Когда я посмотрел на них, мои глаза начали выходить из фокуса.

Дон Хенаро сказал что-то резко и повелительно. Я не понял, что он сказал, но «знал», что он приказывает нам не скашивать глаза.

– Темнота опустилась на мир, – сказал дон Хуан, глядя на небо.

Дон Хенаро начертил на земле ущербный месяц. Мгновение мне казалось, что он использовал какой-то светящийся мел, но затем я сообразил, что в руках у него ничего нет. Я воспринимал воображаемый полумесяц, который он нарисовал своим пальцем. Он велел мне и Паблито сесть на внутреннюю кривую выпуклого края, в то время как дон Хуан и он сели на концы полумесяца, скрестив ноги, в четырех-пяти футах от нас.

Первым заговорил дон Хуан. Они собирались показать нам своих союзников. Он сказал, что если мы посмотрим внимательно, то у каждого из них слева сбоку у пояса сможем увидеть что-то вроде тряпки или носового платка, подвешенного к поясу. Дон Хенаро добавил, что помимо тряпочек у них на поясах были две круглые, похожие на пуговицы штуковины, и что мы должны смотреть на их пояса до тех пор, пока не увидим и «тряпочки», и «пуговицы».

Прежде чем дон Хенаро договорил, я уже заметил какие-то плоские предметы, подобные кускам ткани, и по одному круглому камешку, которые висели у каждого из них на поясе. Союзники дона Хуана были более темными и более угрожающими, чем у дона Хенаро. Моей реакцией была смесь любопытства и страха. Я реагировал животом, поскольку ни о чем не мог судить разумным образом.

Дон Хуан и дон Хенаро коснулись своих поясов, и, казалось, отцепили темные кусочки ткани. Они взяли их левыми руками. Дон Хуан подбросил свой в воздух у себя над головой, но дон Хенаро позволил своему мягко опуститься на землю. Кусочки ткани распахнулись, как будто хозяева, подбросив, заставили их расстелиться, как совершенно гладкие носовые платки. Они опускались, медленно ныряя, как воздушные змеи. Движение союзника дона Хуана было точно таким же, как несколько дней назад, когда он кружил возле меня. Когда «кусочки ткани»

приблизились к земле, они стали твердыми, круглыми и массивными, но сначала они свернулись, как бы упав на дверную ручку, а затем расправились.

Платок дона Хуана вырос в объемную тень. Она выступила вперед и двинулась к нам, дробя мелкие камни и твердые куски земли. Она подошла к нам на три-четыре фута до самого углубления полумесяца между доном Хуаном и доном Хенаро. В какой-то момент мне показалось, что она собирается прокатиться через нас и растереть нас в пыль. Мой ужас в этот миг был подобен пылающему огню. Тень передо мной была гигантской, наверное, около четырнадцати футов – в высоту и шести – в ширину, и она двигалась, как бы чувствуя дорогу без всяких глаз. Она дергалась и раскачивалась. Я знал, что она разыскивает меня. Паблито в этот момент прижал голову к моей груди. Ощущение, которое вызвало его движение, рассеяло часть пугающего внимания, которое я сфокусировал на тени. Тень, казалось, потеряла собранность, судя по ее беспорядочным рывкам, а затем скрылась из виду, слившись с окружающей темнотой.

Я потряс Паблито. Он поднял голову и издал сдавленный крик. Я взглянул вверх. На меня смотрел незнакомый человек. Он, видимо, был раньше позади тени, может быть, прятался за ней. Он был довольно высоким и долговязым, совсем без волос. У него было длинное лицо, и вся левая сторона его головы была покрыта какой-то болячкой или экземой. Его глаза дико горели, рот был полуоткрыт. На нем был какой-то странный костюм, похожий на пижаму со слишком короткими штанами. Я не мог различить, был ли он обут. Он долгое время стоял, глядя на нас и как бы ожидая просвета, чтобы броситься на нас и разорвать в клочья. Такая сила была в его глазах... Это была не ненависть или жестокость, скорее – животное чувство недоверия. Я больше не мог выдерживать напряжения и хотел принять боевую позицию, которой дон Хуан обучил меня несколько лет назад. И я бы так и сделал, если бы Паблито не зашептал, что союзник не может пересечь линию, которую дон Хенаро нарисовал на земле. До меня дошло, что там действительно была яркая линия, которая, казалось, отделяла все, что было перед нами.

Через секунду человек двинулся влево и исчез, как и тень перед ним. У меня было ощущение, что дон Хуан и дон Хенаро отозвали их назад.

Последовала короткая спокойная пауза. Я больше не видел на концах полумесяца дона Хуана и дона Хенаро. Внезапно раздался звук падения двух маленьких камешков на твердую каменистую почву рядом с нами, и мгновенно весь участок перед нами стал освещен рассеянным желтоватым светом. Прямо перед нами находилось огромное хищное животное – тошнотворно выглядевший койот или волк. Все его тело было покрыто чем-то белесым, похожим на пот или на слюну. Его шерсть была мокрой и взлохмаченной, глаза – дикими. Он зарычал со слепой яростью, которая бросила меня в дрожь. Его челюсти дрожали, и клочья слюны разлетались вокруг. Он загребал лапами землю, как бешеная собака, пытающаяся сорваться с цепи. Затем он поднялся на задние лапы и стал быстро перебирать передними, щелкая челюстями. Вся его ярость, казалось, была сконцентрирована на том, чтобы сломать какой-то барьер перед нами.

Я осознал, что мой страх перед этим бешеным животным был другого сорта, чем страх перед двумя предыдущими видениями. К этому животному я испытывал отвращение и ужас. Я в полном бессилии смотрел на его ярость. Внезапно оно, казалось, потеряло свою дикость и скрылось из виду.

Затем я услышал или почувствовал, как еще что-то приближается к нам. Совершенно внезапно перед нами появилась фигура колоссального зверя из семейства кошачьих. Сначала я видел только ее глаза в темноте. Они были огромными и неподвижными, как два озера, отражающие свет. Она всхрапнула и мягко зарычала, потом выдохнула воздух и стала метаться взад-вперед перед нами, не отрывая от нас глаз. Она не обладала тем электрическим свечением, какое было у койота, и я не мог четко рассмотреть ее контуров, но знал, что ее присутствие было бесконечно более опасным, чем присутствие другого зверя. Она как будто копила силу для нападения. Я чувствовал, что этот зверь настолько смел, что может превзойти свои границы. Паблито, должно быть, был такого же мнения, потому что он прошептал, что

мне следует пригнуть голову и лечь почти вплотную к земле. Через секунду кошка атаковала. Она побежала прямо на нас, а затем прыгнула, вытянув лапы вперед. Я закрыл глаза и обхватил голову руками, прижавшись к земле. Я почувствовал, что животное разорвало защитную линию, которую дон Хенаро начертил вокруг нас, и уже находилось прямо над нами. Я чувствовал ее вес, прижимающий меня к земле. мех ее живота терся о мою шею. Казалось, ее передние лапы в чем-то завязли, и она дергалась, чтобы освободиться. Я ощущал ее рывки и дерганья, слышал ее дьявольское шипение. Тут я понял, что пропал. У меня появилось неопределенное чувство разумного выбора, и я хотел спокойно отдаться своей судьбе и умереть здесь, но я боялся физической боли умирания при таких ужасных обстоятельствах. Затем какая-то странная сила вырвалась из моего тела. Казалось, тело отказывалось умирать и собрало всю свою силу в левое плечо и руку. Я почувствовал мощную волну, прошедшую по ним. Что-то неконтролируемое охватило мое тело. Что-то такое, что заставило меня столкнуться с нас массивный и опасный груз зверя. Паблито среагировал точно так же, и мы оба поднялись одновременно. Нами обоими было высвобождено так много энергии, что животное отлетело, словно тряпичная кукла.

Напряжение было огромным. Я свалился на землю, хватая воздух ртом. Мышцы моего живота были так напряжены, что я не мог дышать. Я не обращал внимания на Паблито и на то, что он делает. Наконец я заметил, что дон Хуан и дон Хенаро помогают мне сесть. Я увидел Паблито, распростертого на земле лицом вниз. Казалось, он потерял сознание. Усадив меня, они взялись за Паблито. Они стали растирать ему живот и спину, помогли ему подняться, и через некоторое время он смог сидеть самостоятельно.

Дон Хуан и дон Хенаро уселись на концах полумесяца и начали двигаться перед нами, как по какому-то невидимому рельсу, который они использовали, чтобы менять свое положение туда и сюда с одного конца полумесяца на другой. От их движения у меня закружилась голова. Наконец они остановились рядом с Паблито и начали шептать ему в уши. Через секунду они все трое одновременно поднялись и пошли к краю утеса. Дон Хенаро поднял Паблито, как ребенка. Тело Паблито было твердым, как доска. Дон

Хуан взял его за щиколотки. Они раскрутили его, чтобы набрать инерцию и силу, а затем отпустили, забросив его тело через край утеса в бездну.

Я видел тело Паблито на фоне темного западного неба. Оно описывало круги, точно так же, как раньше это делал дон Хуан. Круги были медленными. Паблито, казалось, набирал высоту, вместо того, чтобы падать. Затем круги стали ускоряться. На секунду тело Паблито зависло, завертелось, как диск, а затем растаяло. Я воспринял, как он исчез в разряженном воздухе. Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне, опустили на корточки и стали шептать мне в уши. Каждый из них говорил разное, но у меня не было затруднений в том, чтобы выполнять их команды. Казалось, я был «расщеплен» в тот же момент, когда они сказали свои первые слова. Я почувствовал, что они делают со мной то же самое, что и с Паблито. Дон Хенаро раскрутил меня, и потом у меня на какой-то момент появилось совершенно сознательное ощущение вращения в воздухе или парения. Затем я несясь сквозь воздух, падая вниз на землю с огромной скоростью. Падая, я чувствовал, что моя одежда срывается с меня, затем испарилось мое тело, и, наконец, осталась только голова.

У меня было очень ясное ощущение, что мое тело расчленилось. Исчез мой чрезмерный вес, падение потеряло инерцию, а скорость уменьшилась. Мое снижение не было больше вращающимся. Я начал парить взад-вперед, как падающий лист, затем голова тоже лишилась веса, и все, что осталось от «меня», было квадратным сантиметром, комочком, мизерным, похожим не гальку камешком. Все мои чувства были сконцентрированы в этом комочке. Затем это оставшееся нечто как будто взорвалось, и я был тысячью кусков. Я знал, или что-то где-то знало, что я осознаю эти тысячу кусков сразу. Я был самым осознанием. Затем какая-то часть моего осознания начала шевелиться. Она росла, увеличивалась. Она стала локализованной, и мало-помалу я обрел чувство границ, сознания или что-то вроде этого. И внезапно тот «я», который был мне знаком, прорвался в захватывающий дух вид всех, какие только возможны, комбинаций «прекрасных» сцен. Я как будто смотрел на тысячи картин мира, людей, вещей.

Затем сцены стали туманными. У меня было ощущение, что сцены проносятся перед моими глазами на все более высокой скорости, пока ни одну из них я уже не мог выделить. Наконец передо мной словно предстало все устройство мира, несущегося перед моими глазами, как неразрывная бесконечная цепь.

Внезапно я увидел себя стоящим на скале рядом с доном Хуаном и доном Хенаро. Они прошептали, что вытянули меня назад и что я был свидетелем неизвестного, о котором никто не может говорить. Они сказали, что собираются швырнуть меня в него еще раз и что я должен позволить крыльям своего восприятия развернуться и коснуться тоналя и нагуаля одновременно без осознания движения от одного к другому.

У меня опять было ощущение, что меня бросили, затем ощущение вращения и падения на большой скорости. Затем я взорвался, распался. Что-то во мне иссякло, оно освободило нечто, что держал закрытым всю свою жизнь. Я полностью осознал, что проколот мой секретный резервуар, и что его содержимое неудержимо хлынуло наружу. Больше не существовало того сладкого единства, которое я называл «я». Там не было ничего, и, тем не менее, это ничто было заполнено. Это не была темнота или свет. Это не был холод или жара. Это не было приятно или неприятно. Не то чтобы я двигался, или парил, или был неподвижен. И не был я также единой частицей, самым собой, каким я привык быть. Я был мириадами частиц, которые все были мной, колонией отдельных единиц, которые имели особую верность друг другу и должны были неизбежно объединиться в форму одного единого осознания, моего человеческого осознания. Не то чтобы я знал все это без тени сомнения, потому что мне нечем было «знать», но все мои отдельные осознания «знали», что «я» и «меня» моего знакомого мира было колонией, конгломератом отдельных и независимых чувств, неразрывно связанных между собой. Именно эта неразрывная связь моих бесчисленных осознаний, та верность, которую эти части имели друг к другу, была моей жизненной силой.

Для описания этого объединенного ощущения можно было бы сказать, что крупинки осознания были рассеяны. Каждая из них осознавала себя, и ни одна не была более важной, чем другая. Затем

что-то как бы перемешало их, и они словно объединились в области, где все они должны были слиться в один комок, в того меня, которого я знал. После этого я, будучи «мной», «самим собой», мог быть свидетелем связных сцен земной деятельности, сцен, которые относились к другим мирам, и таких, которые, как я полагал, были чистым воображением, или сцен, которые относились к «чистому мышлению». Я наблюдал интеллектуальные системы или идеи, стянутые вместе как выраженные в словах. В некоторых сценах я от души разговаривал сам с собой. После каждой из этих связных картин «я» распадался в ничто опять.

Во время одной из таких экскурсий в связную картину я оказался на скале с доном Хуаном. Я мгновенно осознал, что я – это полностью тот «я», с которым я знаком. Я физически ощутил себя как реального. Я, скорее, был в мире, чем смотрел на него.

Дон Хуан обнял меня, как ребенка. Он смотрел на меня. Его глаза были очень близко. Я мог видеть его глаза в темноте. Они были добрыми. Казалось, в них был вопрос. Я знал, что это за вопрос. Невыразимое действительно было невыразимым.

– Ну? – сказал он тихо, как если бы ему нужно было мое подтверждение.

Я был бессловесен. Слова «онемелый», «ошеломленный», «смущенный» и так далее ни в коей мере не могли описать моих чувств в данный момент. Я не был плотным. Я знал, что дону Хуану пришлось схватить и удерживать меня силой на земле, иначе бы я взлетел в воздух и исчез. Я не боялся исчезнуть. Меня страстно тянуло в «неизвестное», где мое осознание не было объединенным.

Надавливая на мои плечи, дон Хуан медленно привел меня к тому месту, где находился дон Хенаро. Он заставил меня лечь, а затем покрыл мягкой землей из кучи, по-видимому приготовленной заранее. Он засыпал меня до шеи. Из листьев он сделал мягкую подушку, на которой могла лежать моя голова, и велел мне не двигаться и ни в коем случае не спать. Он сказал, что собирается сидеть рядом и составлять мне компанию до тех пор, пока земля вновь не сделает твердой мою форму.

Я чувствовал себя очень удобно, только невыносимо хотел спать. Дон Хуан не позволял. Он требовал, чтобы я разговаривал о чем угодно, только не о том, что я испытал. Сначала я не знал, что сказать, а затем спросил о доне Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро забрал Паблито и зарыл поблизости, делая с ним то же, что он со мной.

Я как будто и хотел поддержать разговор, но что-то во мне не было завершенным. Мне все было необыкновенно безразлично; моя усталость больше походила на скуку. Похоже, дон Хуан знал, что я чувствую. Он заговорил о Паблито и о связи наших судеб. Он сказал, что стал бенефактором Паблито в то же время, когда дон Хенаро стал его учителем, и что сила сводила меня с Паблито шаг за шагом. Он отметил, что единственным различием между Паблито и мною было то, что мир Паблито как война управлялся принуждением и страхом, а мой управлялся любовью и свободой. Дон Хуан объяснил, что это вызвано различием в личностях бенефакторов. Дон Хенаро был мягким, привлекательным, забавным, тогда как он сам был строгим, сухим и прямым. Он отметил, что моя индивидуальность требовала сильного учителя и нежного бенефактора. Паблито же, напротив, нужен был добрый учитель и суровый бенефактор.

Мы продолжали говорить еще некоторое время, пока не настало утро. Когда над восточными пиками гор появилось солнце, он помог мне выбраться из-под земли.

Я проснулся во второй половине дня, и мы с доном Хуаном сидели у дверей дома дон Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро все еще с Паблито и что он подготавливает его к последней встрече.

– Завтра вы с Паблито отправитесь в неизвестное, – сказал он.
– Я должен подготовить тебя к этому сейчас. Вы пойдете туда самостоятельно. Прошлой ночью вы оба были как мячики на резинке, а мы дергали вас туда и сюда. Завтра же вы будете предоставлены самим себе.

Меня одолел зуд любопытства, и вопросы о том, что происходило со мной прошлой ночью, хлынули из меня. Мой поток не затронул его.

– Сегодня я должен выполнить самый критический маневр, – сказал он. – Я должен обмануть тебя в последний раз. И ты должен клюнуть на мой трюк.

Он засмеялся и хлопнул себя по ляжкам.

– В первом упражнении прошлой ночью Хенаро хотел показать вам – как маги используют нагуаль, – продолжал он. – Нет возможности подобраться к объяснению магов, если по своей воле не используешь нагуаль или, скорее, по собственной воле не используешь тональ для того, чтобы твои действия в нагуале обрели смысл. Еще один способ объяснить все это – сказать, что взгляд тоналя должно превалировать, если собираешься использовать нагуаль так, как это делают маги.

Я сказал ему, что вижу явное противоречие в его утверждениях. С одной стороны, два дня назад он дал мне невероятный пересказ своих обучающих действий в течение ряда лет, действий, нацеленных на изменение моей картины мира. А теперь он хочет, чтобы это самая картина превалировала.

– Одно к другому не относится, – сказал он. – Порядок в нашем восприятии находится исключительно в царстве тоналя. Только там наши действия могут иметь последовательность, только там они являются лесенкой, на которой можно считать ступеньки. В нагуале ничего подобного нет. Поэтому картина тоналя – это инструмент. И будучи таковым, он не только лучший инструмент, но и единственный, который мы имеем.

Прошлой ночью пузырь твоего восприятия раскрылся, и его крылья развернулись. Больше об этом нечего сказать. Невозможно объяснить, что с тобой произошло. Я не пытаюсь, и ты не должен этого делать. Достаточно сказать, что крылья твоего восприятия были созданы для того, чтобы прикоснуться к твоей целостности. Прошлой ночью ты вновь и вновь двигался между нагуалем и тоналем. Тебя швыряли дважды для того, чтобы не осталось возможности ошибок. Второй раз ты испытал полный удар путешествия в неизвестное. И твое восприятие развернуло свои

крылья, когда что-то внутри тебя поняло свою истинную природу. Ты – пучок.

Это объяснение магов. Нагуаль невыразим. Все возможные чувства, и существа, и личности плавают в нем, как баржи – мирно, неизменно, всегда. Затем клей жизни связывает вместе некоторые из них. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. То же с Паблито. И то же было с Хенаро, когда он впервые путешествовал в неизвестное, и со мной. Когда клей жизни связывает все эти чувства воедино, возникает существо, теряющее ощущение своей истинной природы, ослепленное шумом и сиянием места, где оно находится – тоналем. Тональ – это то, где существует всякий объединенный организм. Существо заскакивает³⁵ в тональ, как только сила жизни связывает вместе все необходимые ощущения (чувства). Я однажды говорил тебе, что тональ начинается с рождения и кончается смертью. Я говорил это потому, что знаю: как только сила жизни оставляет тело, все эти одиночные осознания распадаются и возвращаются назад туда, откуда они пришли – в нагуаль. То, что делает воин, путешествуя в неизвестном, очень похоже на умирание, только вот его пучок отдельных чувств не распадается, а лишь немного расширяется, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и двигаются независимо, как если бы они никогда не были единым целым.

Я хотел сказать ему, насколько точно он описал мой опыт, но он не дал мне договорить.

– Нет способа говорить о неизвестном, – сказал он. – Можно быть только его свидетелем. Объяснение магов гласит, что у каждого из нас есть центр, из которого можно быть свидетелем нагуаля, – это воля. Поэтому воин может отправляться в нагуаль и позволять своему пучку складываться и перестраиваться всевозможными способами. Я уже говорил тебе, что способ выражения нагуаля – это личное дело. Я имел в виду, что от самого воина зависит направление изменения этого пучка. Исходной позицией являются человеческая форма или человеческое ощущение (чувство). Быть может, она нам просто всего милее. Однако есть бесчисленное

³⁵ To pop into – заглянуть, заскочить, всунуть, засунуть.

количество других форм, которые может принять пучок. Я говорил тебе, что маг может принять любую форму, какую хочет. Это правда. Воин, владеющий целостностью самого себя, может соединять вместе частицы своего пучка любым вообразимым способом. Сила жизни – вот что делает такие перемешивания³⁶ возможными. Когда сила жизни иссякнет – не будет никакого способа вновь собрать пучок. Я назвал этот пучок пузырем восприятия. Я также говорил, что он упакован, закрыт накрепко, и никогда не открывается до момента нашей смерти. И все же его возможно открыть. Маги явно раскрыли этот секрет, и хотя не все они прибыли к целостности самих себя, но знали о возможности этого. Они знали, что пузырь открывается только тогда, когда погружаешься в нагуаль. Вчера я рассказал тебе обо всех тех шагах, которые ты сделал, чтобы достичь этой точки.

Он пристально посмотрел на меня, как бы ожидая замечаний или вопросов. То, что он сказал мне, было вне замечаний. Я понял, что если бы он сообщил мне все это четырнадцать лет назад, до меня это просто не дошло бы. Так же, как и в любой другой момент моего ученичества. Важным был то, что я пережил своим телом или в своем теле предпосылки этого объяснения.

– Я жду обычного вопроса, – сказал он, медленно выговаривая каждое слово.

– Какого вопроса? – спросил я.

– Того, который не терпится задать твоему разуму.

– Сегодня я устраниюсь от всех вопросов. У меня действительно нет ни одного, дон Хуан.

– Это нечестно, – сказал он смеясь. – Есть особый вопрос, и мне нужно, чтобы ты его задал.

Он сказал, что если я выключу внутренний диалог хоть на мгновение, то смогу понять, что это за вопрос.

³⁶ Shuffling – смешивание, перемешивание, перетасовывание, перемещение.

У меня появилась внезапная мысль, мгновенное озарение, и я уже знал, чего он хочет.

– Где находилось мое тело, когда все это происходило со мной? – выпалил я, и он схватился за живот от смеха.

– И это последний трюк мага, – сказал он. – Скажем так: то, что я собираюсь тебе раскрыть, является последней частицей объяснения магов. До этого момента твой разум наугад следовал за моими действиями, он готов принять идею, что мир не таков, каким его изображает описание, и что в мире есть намного больше всего, чем способен увидеть глаз. Разум почти хочет и готов признать, что твое восприятие действительно скакало вверх и вниз по тому утесу. И какая-то часть тебя или даже весь ты прыгал на дно ущелья и осматривал глазами тоналя то, что там находится, как если бы спускался туда по веревке или по лестнице. Акт осмотра дна ущелья был венцом всех этих лет тренировки. Ты сделал это хорошо. Хенаро увидел кубический сантиметр шанса, бросая камень в того тебя, который был на дне ущелья. Ты видел все. Мы с Хенаро поняли тогда без тени сомнения, что ты готов к броску в неизвестное. В тот миг ты не только видел, но и знал все о дубле, о другом.

Я прервал его, сказав, что он оказывает мне незаслуженное доверие в чем-то таком, что находится вне моего понимания. Он отвечал, что нужно время, чтобы впечатления осели, и как только это произойдет, ответы польются из меня таким же потоком, как в прошлом – вопросы.

– Секрет дубля в пузыре восприятия, который в твоем случае той ночью был одновременно и на вершине скалы и на дне ущелья, – сказал он. – Пучок чувств можно заставить немедленно собраться где угодно. Другими словами человек может воспринимать здесь и там одновременно.

Он попросил меня подумать и вспомнить последовательность событий, которые, как он сказал, были столь обычны, что я почти забыл их. Я не мог понять, о чем он говорит. Он стал уговаривать меня попытаться еще.

– Подумай о своей шляпе, – сказал он. – И подумай о том, что Хенаро с ней делал.

Я испытал шокирующий момент осознания. Я вспомнил, что Хенаро действительно хотел, чтобы я снял свою шляпу, потому что она все время спадала, сдуваемая ветром. Но я не хотел с ней расставаться. Я чувствовал себя ужасно глупо, будучи голым. То, что на мне была шляпа, которую я не имел обыкновения носить, дарило мне ощущение необычности: я уже не был реально самим собой. А в таком случае пребывать без одежды не казалось столь уж неловким. Дон Хенаро пытался поменяться со мной, но его шляпа была слишком мала для моей головы. Он отпускал шуточки по поводу размеров моей головы и пропорций моего тела и, в конце концов, снял с меня шляпу и обмотал мою голову старым пончо, как тюрбаном.

Я сказал дону Хуану, что забыл о шляпе, но уверен, что это происходило где-то между так называемыми прыжками. Но ведь мое воспоминание об этих «прыжках» составляло единое, непрерывное целое!

– Они действительно были непрерывным целым. Но таким же целым было шутовство Хенаро с твоей шляпой, – сказал он. – Два этих воспоминания не могли идти одно за другим, потому что они происходили одновременно.

Он заставил пальцы своей левой руки двигаться так, будто они не могли пройти в промежутки между пальцами правой руки.

– Эти прыжки были только началом, – продолжал он. – Затем пришло время твоей настоящей экскурсии в неизвестное. Прошлой ночью ты испытал невыразимое – нагуаль. Твой разум не может бороться с физическим знанием о том, что ты являешься безымянным пучком чувств. В этой точке твой разум даже может признать, что есть другой центр сборки – воля, с помощью которого можно судить или оценивать и использовать необычные эффекты нагуаля. Наконец-то твоему разуму стало ясно, что нагуаль можно отражать через волю, хотя объяснить его нельзя никогда.

Но затем приходит твой вопрос: «Где я находился, когда все это происходило? Где было мое тело?» Убеждение, что существует реальный «ты» – следствие того, что ты собрал все, что у тебя есть вокруг разума. В данный момент твой разум признает, что твой нагуаль невыразим не потому, что его в этом убедили доказательства, но потому, что для него безопаснее признать это. Твой разум на безопасной почве, все элементы тоналя на его стороне.

Дон Хуан сделал паузу и внимательно посмотрел на меня. Его улыбка была доброй.

– Пойдем к месту предрасположения дона Хенаро, – сказал он отрывисто.

Он поднялся, и мы пошли к той скале, где разговаривали два дня назад. Мы удобно уселись на тех же местах, прислонившись спиной к камню.

– Постоянной задачей учителя является делать все, чтобы разум чувствовал себя в безопасности, – сказал он. – Я трюком подвел твой разум к вере в то, что тональ объясним и предсказуем. Мы с Хенаро очень потрудились над тем, чтобы создать у тебя впечатление, что только нагуаль находится за границами объяснения. Доказательством того, что наш обман достиг своей цели, служит то, что вопреки тому, через что ты прошел, тебе все еще кажется, что существует некое ядро, сердцевина, на которую ты можешь претендовать, как не свою собственную, как на свой разум. Это мираж. Твой драгоценный разум является только центром сборки, зеркалом, которое отражает нечто, находящееся вне его. Прошлой ночью ты был свидетелем не только неопишуемого нагуаля, но и неопишуемого тоналя.

В последнем кусочке объяснения магов говорится, что разум только отражает внешний порядок, ничего не зная об этом порядке, и что он не может объяснить его точно так же, как не может объяснить нагуаль. Разум может только свидетельствовать эффекты тоналя, но никогда не сможет понять его или разгадать. Сам факт того, что мы думаем и говорим, указывает на какой-то порядок,

которому мы следуем, даже не зная, ни как мы это делаем, ни того, чем является этот порядок.

Тут я привел представление западного человек об исследовании работы мозга и на основании этого возможности объяснения природы этого порядка. Он заметил, что все эти исследования сводятся лишь к свидетельствованию того, что что-то происходит.

– Маги делают то же самое своей волей, – сказал он. – Они говорят, что через волю они могут быть свидетелями эффектов нагуаля. Я добавлю сейчас, что через разум, вне зависимости от того, что мы делаем с ним и как мы это делаем, мы просто свидетельствуем эффекты тоналя. В обоих случаях равно нет никакой надежды понять или объяснить, чем является то, чему мы являемся свидетелями.

Прошлой ночью ты в первый раз летал на крыльях своего восприятия. Пока ты еще очень боязлив и отважился только на полосу человеческого восприятия. Маг использует эти крылья, чтобы коснуться и иных ощущений. Например, вороны, койота, сверчка, или порядка других миров в этом бесконечном пространстве.

– Ты имеешь в виду другие планеты, дон Хуан?

– Конечно. Крылья восприятия могут унести нас в отдаленнейшие пространства нагуаля или невообразимые миры тоналя.

– И что, маг может, например, отправиться на Луну?

– Конечно может, – ответил он. – Но он не сможет принести оттуда мешок камней.

Мы посмеялись и пошутили об этом, но его заявление было сделано совершенно серьезно.

– Мы прибыли к окончанию объяснения магов, – сказал он. – Прошлой ночью мы с Хенаро показали тебе две последние точки, образующие целостность человека, – нагуаль и тональ. Однажды я

говорил тебе, что эти две точки находятся вне нас, и в то же время это не так. Это парадокс светящегося существа. Тональ каждого из нас является просто отражением неопишемого неизвестного, наполненного порядком, а нагуаль каждого из нас является только отражением неопишемой пустоты, которая содержит все.

Теперь ты должен сидеть на месте предрасположения Хенаро до сумерек. К тому времени ты должен поместить объяснение магов на подходящее ему место. Пока ты сидишь здесь сейчас, у тебя нет ничего, кроме силы твоей жизни, связывающей вместе этот пучок чувств.

Он поднялся.

– Задача завтрашнего дня в том, чтобы погрузиться в неизвестное тебе самому, а мы с Хенаро проследим за тобой, не вмешиваясь, – сказал он. – Сядь здесь и выключи свой внутренний диалог. Ты можешь собрать силу, необходимую для того, чтобы развернуть крылья своего восприятия и полететь в эту бесконечность.

4. Предрасположение двух воинов

Дон Хуан разбудил меня на рассвете. Он вручил мне флягу с водой и сумку с сухим мясом. Около двух миль до места, где я два дня назад оставил машину, мы прошли молча.

– Это путешествие – наше последнее путешествие вместе, – спокойно сказал он, когда мы подошли к машине.

Я ощутил в животе сильный толчок. Я знал, что он имеет в виду.

Пока я открывал дверцу, он стоял, прислонившись к переднему бамперу, и смотрел на меня с таким чувством, какого я в нем еще не знал. Мы сели в машину, но прежде, чем я завел мотор, он сделал несколько замечаний, которые я прекрасно понял. Он сказал, что есть еще пара минут, чтобы посидеть в машине и коснуться некоторых чувств очень личного характера.

Я сидел спокойно, но мой дух был обеспокоен. Мне хотелось сказать что-нибудь такое, что помогло бы мне хоть немного успокоиться. Но напрасно я искал подходящие слова, формулировку, которая выразила бы то, что я «знал» без слов.

Дон Хуан заговорил о маленьком мальчике, которого я знал когда-то, и о моих чувствах к нему, которые не менялись со временем и расстоянием. Дон Хуан сказал, что он уверен, что всегда, когда я думаю об этом мальчике, мой дух радостно вздрагивает, и я без следа эгоизма и мелочности желаю ему всего самого лучшего.

Он напомнил мне о той истории, что я рассказывал ему когда-то. Истории, так понравившейся ему, и в которой он находил глубокий смысл. Во время одной из наших прогулок в горах близ Лос-Анджелеса маленький мальчик устал идти, и я взял его на плечи. Волна бесконечного счастья охватила нас тогда, и мальчик кричал слова благодарности солнцу и горам.

– Это был его способ сохранить прощание с тобой, – сказал дон Хуан.

У меня болезненно сжалось горло.

– Есть много способов прощания, – сказал он. – Наилучший способ – это удерживать конкретное воспоминание радости. Если ты живешь как воин, то тепло, которое ты ощущал, когда мальчик был на твоих плечах, будет свежим и неизменным все время, пока ты жив. Это способ прощания воина.

Я поспешно завел мотор и поехал быстрее, чем обычно. Мы ехали по каменистой почве, пока не попали на проселочную дорогу.

Небольшое расстояние мы проехали, а остальной путь прошли пешком. Примерно через час мы пришли к роще. Дон Хенаро, Паблито и Нестор уже ждали нас там. Я поздоровался. Казалось, все они были счастливы и полны энергии. Я посмотрел на них и на дона Хуана, и меня охватило чувство глубокой привязанности к ним всем. Дон Хенаро обнял меня и ласково похлопал по спине. Он сказал Нестору и Паблито, что я прекрасно выполнил прыжки на дно ущелья. Держа руку на моем плече, он обратился к ним громким голосом.

– Да, господа, – сказал он, глядя на них. – Я его бенефактор и знаю, что это было истинным достижением. Это было венцом многих лет жизни воина.

Он повернулся ко мне, положив мне на плечо и другую руку. Глаза его были сияющими и спокойными.

– Мне нечего сказать тебе, Карлитос, – сказал он, медленно произнося каждое слово. – За исключением того, что у тебя необычайное количество экскрементов в кишках.

После чего он и дон Хуан взвыли от смеха так, что, казалось, они вот-вот потеряют сознание. Паблито и Нестор нервно посмеивались, не зная, как себя вести.

Когда они успокоились, Паблито сказал мне, что он не уверен в своей способности пойти в неизвестное самому.

– Я на самом деле я не имею понятия, как это сделать, – сказал он. – Хенаро говорит, что ничего не нужно, кроме безупречности. А ты как думаешь?

Я сказал, что знаю еще меньше, чем он. Нестор озабоченно вздохнул. Потом нервно задвигал руками и ртом, как будто собирался сказать что-то важное, но не знал, как это сделать.

– Хенаро говорит, что вы оба сделаете это, – наконец сказал он.

Дон Хенаро взмахом руки показал, что мы уходим. Они с доном Хуаном шли впереди в нескольких ярдах от нас. В полном молчании мы шли горной тропой почти целый день и ни разу не останавливались. Все мы несли с собой сухое мясо и фляги с водой, значит, в этом путешествии мы должны были есть. В каком-то месте тропа явно стала дорогой. Она обогнула горы, и внезапно перед нами открылся вид на долину. Это было захватывающее дух зрелище, – длинная зеленая долина, отсвечивающая под лучами солнца. Над ней повисли две великолепные радуги, и повсюду над холмами были видны полосы дождя.

Дон Хуан остановился и вздернул подбородок, указывая на что-то внизу дону Хенаро. Дон Хенаро покачал головой. Это не было отрицанием или согласием, скорее он просто тряхнул головой. Оба они стояли неподвижно, долго глядя в долину.

Мы сошли с дороги, пойдя, казалось, напрямик, и начали спускаться по более узкой и опасной тропе, ведущей в северную часть долины. Равнины мы достигли в середине дня. Резко запахло речными ивами и влажной землей. На мгновение дождь на деревьях слева от меня был похож на мягкий зеленый грохот, а затем превратился лишь в дрожание тростника. Я слышал журчание ручья. На секунду я остановился, прислушиваясь, и взглянул на вершины деревьев. Высокие перистые облака на западном горизонте выглядели, как клочья ваты, рассеянные по небу. Я стоял там, наблюдая за облаками довольно долго, так что все остальные успели уйти далеко вперед. Я побежал за ними.

Дон Хуан и дон Хенаро остановились и повернулись одновременно. Их глаза двигались и застыли на мне с такой

синхронностью и единством, как если бы они были одним существом. Это был короткий пронзительный взгляд, от которого озноб прошел у меня по спине. Затем дон Хенаро засмеялся и сказал, что я бегу, топая, как трехсотфунтовый плоскостопный мексиканец.

– Почему плоскостопный мексиканец? – спросил дон Хуан.

– Плоскостопный трехсотфунтовый индеец не бежит, – «объяснил» дон Хенаро.

– А, – протянул дон Хуан, как если бы Хенаро действительно что-то объяснил.

Мы пересекли сочную зеленую долину и начали взбираться на гору с востока. В конце дня мы, наконец, сделали привал на бесплодной вершине столовой горы, возвышающейся над долиной с юга. Растительность полностью изменилась. Всюду вокруг нас находились выветренные горы. Земля в долине и по склонам была размежевана и обработана, и все же пейзаж в целом вызывал у меня чувство опустошенности. Солнце уже было низко над юго-западным горизонтом. Дон Хуан и дон Хенаро повели нас к северному краю горы. С этого места открывался величественный вид. На севере виднелись бесконечные долины и горы, а на западе – высокий горный хребет. Солнечный свет, отражаясь от далеких северных гор, делал их оранжевыми, такого же цвета, как и облака на западе. Пейзаж, несмотря на свою красоту, вызывал чувства печали и одиночества.

Дон Хуан вручил мне мой блокнот. У меня не было никакого желания делать заметки. Мы сели полукругом, с доном Хуаном и доном Хенаро по краям.

– Ты начал путь знания, записывая, и ты закончишь его так же, – сказал дон Хуан.

Они так уговаривали меня писать, словно только это и было важно.

– Ты на самом краю, Карлитос, – сказал дон Хенаро. – И ты Паблито. Вы оба.

Его голос был мягким, добрым и озабоченным, без шутливой интонации.

– Другие воины, путешествуя в неизвестное, останавливались на этом самом месте, – сказал он. – И все они желают вам добра.

Я почувствовал рябь вокруг нас, словно воздух был полутвердым, и что-то создало волну, которая прокатилась сквозь него.

– Все мы здесь желаем вам двоим всего хорошего, – сказал он.

Нестор обнял Паблито и меня, а затем сел в стороне от нас.

– Еще есть время, – сказал дон Хенаро, глядя на небо. А затем, повернувшись к Нестору, он спросил:

– Чем нам нужно сейчас заняться?

– Мы должны смеяться и развлекать друг друга, – ответил Нестор оживленно.

Я сказал дону Хуану, что боюсь того, что меня ожидает, и что я определенно лишь трюком вовлечен во все это. Я, который даже не мог вообразить ситуации, подобной той, в которой мы с Паблито теперь оказались. Я сказал, что мною овладевает нечто ужасающее и мало-помалу подталкивает меня, пока я не окажусь лицом к лицу с чем-то похуже смерти.

– Ты жалуешься, – сказал дон Хуан сухо. – Ты чувствуешь жалость к самому себе до последней минуты.

Тут они все рассмеялись. Он был прав. Что за непобедимое побуждение! А я-то думал, что изгнал его из своей жизни. Я попросил их всех извинить меня за мой идиотизм.

– Не извиняйся, – сказал мне дон Хуан. – Извинение – это чепуха. Что сейчас на самом деле важно – это быть безупречным воином в этом уникальном месте силы. Это место давало приют наилучшим воинам. Будь таким же, какими были они.

Затем он обратился к нам с Паблито.

– Вы уже знаете, что это – последняя задача, в которой мы будем вместе, – сказал он. – Вы войдете в нагуаль и тональ при помощи только своей личной силы. Хенаро и я находимся здесь только для того, чтобы попрощаться с вами. Сила определила, чтобы Нестор был свидетелем. Быть по сему.

Это также будет последним перекрестком для вас, свидетелями которого будем мы с Хенаро. Как только вы войдете в неизвестное сами, вы уже не будете зависеть от нас в своем возвращении, поэтому решение обязательно: вы сами должны будете решить, возвращаться вам или нет. Мы уверены, что у вас двоих хватит силы вернуться, если вы решите это сделать. Ранее ночью вы смогли и вместе и по отдельности в совершенстве отшвырнуть союзника, который иначе сокрушил бы вас до смерти. Это было испытанием вашей силы.

Я могу добавить также, что немногие из воинов остаются в живых после встречи с неизвестным, которая ждет вас. Не столько потому, что это трудно, сколько потому, что нагуаль привлекателен свыше всякой меры, и воины, которые отправляются в него, находят, что возвращение к тоналю или к миру порядка, шума и боли – неприятнейшее дело.

Решение остаться или вернуться принимается чем-то внутри нас, чем-то, что не является ни нашим разумом, ни нашим желанием, но нашей волей. Поэтому невозможно заранее узнать исход.

Если вы выберете не возвращаться, то вы исчезнете, как если бы Земля поглотила вас. Но если вы выберете вернуться, – вернуться на эту Землю, то вы должны будете ждать как истинные воины, пока ваши частные задачи не будут закончены. После того, как они будут завершены, неважно, успехом или неудачей, вы обретете власть над целостностью самих себя.

Дон Хуан на секунду остановился. Дон Хенаро посмотрел на меня и подмигнул.

– Карлитос хочет узнать, что это значит – обрести власть над целостностью самого себя? – сказал он, и все засмеялись.

Он был прав. При любых других обстоятельствах я спросил бы об этом, однако ситуация была слишком мрачной для таких вопросов.

– Это значит, что воин в конце концов встретится с силой, – сказал дон Хуан. – Никто не может сказать, что именно каждый воин станет с ней делать. Может, вы двое будете бродить мирно и незаметно по лицу Земли, а может, вы окажитесь ненавидимыми людьми, или, может быть, знаменитыми или добрыми. Все это зависит от безупречности и свободы вашего духа. Важной вещью, однако, является ваша задача. Это – дар, который дают учитель и бенефактор своим ученикам. Я надеюсь, что оба вы успешно доведете свои задачи до их завершения.

– Ждать начала выполнения этой задачи – весьма особое ожидание, – сказал дон Хенаро совершенно внезапно. – И я собираюсь рассказать вам историю о племени воинов, которое жило в другие времена в горах где-то в том направлении, – он небрежно указал на восток, но затем, после секундного колебания изменил решение, поднялся и указал на далекие северные горы.

– Нет, они жили в том направлении, – сказал он, глядя на меня и улыбаясь со знающим видом. – В точности в ста тридцати пяти километрах отсюда.

Дон Хенаро, должно быть, изображал меня. Он наморщил лоб, сжал губы, плотно прижал руки к груди, как бы удерживая какой-то воображаемый предмет, который, надо полагать, был записной книжкой. Он принял очень смешную позу. Я однажды встречался с одним немецким студентом-китаистом, который выглядел в точности так же. Мысль о том, что все это время я, может быть, бессознательно подражал гримасам немецкого синолога, позабавила меня. Я засмеялся. Казалось, эта шутка была специально для меня.

Дон Хенаро уселся опять и продолжал свой рассказ.

– В тех случаях, когда член племени воинов совершал поступок, который, как считалось, шел вразрез с их законами, то его судьба решалась ими всеми. Обвиняемый должен был объяснить причины, по которым он сделал то, что сделал. Его товарищи должны были выслушать его, а затем они расходились, если находили причины убедительными, или же выстраивались со своим оружием на самом краю плоской горы, очень похожей на ту гору, где мы стоим сейчас, готовые привести в исполнение смертный приговор, если они находили его оправдания неприемлемыми. В этом случае приговоренный воин должен был попрощаться со своими старыми товарищами, и его казнь начиналась.

Дон Хенаро взглянул на меня и на Паблито, как бы ожидая от нас знака. Затем он повернулся к Нестору.

– Может быть, Свидетель может сказать нам, что общего эта история имеет с этими двумя? – спросил он у Нестора.

Нестор застенчиво улыбнулся и, казалось, на секунду погрузился в глубокое раздумье.

– Свидетель понятия не имеет, – сказал он с нервным смешком.

Дон Хенаро попросил всех подняться и пойти с ним взглянуть через западный край горы.

Там был пологий склон до дна равнинного образования. Затем там была узкая полоска земли, заканчивающаяся расщелиной, которая, казалось, была естественным каналом для стока дождевой воды.

– Как раз там, где находится эта расщелина, рос ряд деревьев в тех горах, о которых идет речь, – сказал он. – За этой чертой был густой лес. Попрощавшись со своими товарищами, приговоренный воин должен был начать спускаться по склону к деревьям. Затем его товарищи брали свое оружие и прицеливались в него. Если никто не стрелял или если воин, несмотря на свои ранения, достигал края деревьев, он был свободен.

Мы вернулись назад к тому месту, где сидели.

– Как теперь, Свидетель? – спросил он Нестора. – Можешь сказать?

Весь вид Нестора выражал нервозность. Он снял шляпу и почесал голову. Потом он закрыл лицо руками.

– Откуда бедный Свидетель может знать? – бросил он наконец вызывающим тоном и засмеялся вместе со всеми.

– Говорили, что там были люди, которые прорывались без ранения, – продолжал дон Хенаро. – Скажем так, их личная сила влияла на их товарищей. Волна проходила по ним, когда они целились, и никто не смел использовать своего оружия. Или, может быть, они боялись, его смелости и не могли причинить ему вреда.

Дон Хенаро взглянул на меня, а затем на Паблито.

– Там было одно условие для этой ходьбы к деревьям, – продолжал он. – Воин должен был идти спокойно и собранно, ни на что не обращая внимания. Его шаги должны были быть уверенными и твердыми, он должен был смотреть перед собой спокойно. Он должен был спускаться, не спотыкаясь и не оборачиваясь, чтобы посмотреть назад и, главное, не пускаться бежать.

Дон Хенаро сделал паузу. Паблито отозвался на его слона кивком.

– Если вы двое решите вернуться на Землю, – сказал он, – то вы должны будете ждать как истинные воины до тех пор, пока не будут выполнены ваши задачи. Это ожидание очень похоже на спуск воина в этом рассказе. Понимаете, воин уходил из человеческого времени, – то же и с вами. Единственная разница заключается в том, кто целится в вас. Те, кто целились в воина, были его товарищами-воинами. Но то, что целится в вас двоих, – это неизвестное. Единственным вашим шансом является ваша безупречность. Вы должны ждать, не оглядываясь назад. Вы должны ждать, не ожидая наград. И вы должны направить всю вашу личную силу на выполнение ваших задач.

Если вы не будете действовать безупречно, если вы начнете волноваться и станете нетерпеливыми или отчаётесь, то вы будете безжалостно застрелены меткими стрелками из неизвестного.

С другой стороны, ваша безупречность и ваша личная сила таковы, что вы способны выполнить свои задачи. Тогда вы достигнете обещания силы. Вы можете спросить, что это за обещание. Это обещание, которое личная сила дает людям как светящимся существам. У каждого воина — своя судьба, поэтому невозможно сказать, чем именно будет это обещание для каждого из вас.

Солнце почти село. Светло-оранжевая окраска на далеких северных горах потемнела. Пейзаж создавал ощущение выметенного ветром одинокого мира.

— Вы узнали, что сущностью воина является быть смиренным и эффективным, — сказал дон Хенаро, и его голос заставил меня подскочить.

— Вы научились действовать, не ожидая ничего в награду. Теперь я скажу вам, что вам понадобится вся ваша выдержка, чтобы выстоять перед лицом того, что лежит за границами этого дня.

Я испытал спазм в животе. Паблито начал тихонько дрожать.

— Воин всегда должен быть готовым, — продолжал Хенаро. — Судьбой всех нас явилось узнать, что мы являемся пленниками силы. Никто не может сказать, почему именно мы. Но какая великая удача!

Дон Хенаро замолчал и опустил голову, как бы утомившись. В первый раз я слышал, чтобы он говорил подобными словами.

— Здесь обязательно, чтобы воин попрощался со всеми присутствующими и со всеми теми, кого он оставляет позади себя, — сказал внезапно дон Хуан. Он должен сделать это своими словами и громко; так, чтобы его голос навсегда остался на этом месте силы.

Голос дона Хуана вызвал еще одно изменение в моем осознании данного момента. Наша беседа в машине стала еще мучительней.

Как прав он был, когда сказал, что безмятежность окружавшего нас пейзажа была только миражом и что объяснение магов наносит такой удар, парировать который не в состоянии никто. Я слышал объяснение магов, и я испытал его основные предпосылки, и теперь тут я был более обнаженным и более беспомощным, чем за всю свою жизнь. Ничто из того, что я когда-либо сделал, что я когда-либо воображал, не могло сравниться с болью и одиночеством этого момента.

Объяснение магов содрало с меня даже мой «разум». Дон Хуан опять был прав, когда говорил, что воин не может избежать боли и печали, а избегает только индальгирования в них. В этот момент моя печаль была выше всех пределов. Я не мог вынести прощания с теми, кто разделял со мной повороты моей судьбы. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что когда-то я обещал одному человеку умереть вместе, и что мой дух не может вынести того, что остается один.

– Мы все одиноки, Карлитос, – сказал дон Хенаро мягко, – и это наше условие³⁷.

Я ощутил в горле боль привязанности к жизни и к тем, кто был близок мне. Я отказывался прощаться с ними.

– Мы одиноки, – сказал дон Хуан. – Но умереть одному – не значит умереть в одиночестве.

Его голос звучал приглушенно и сухо, как покашливание.

Паблито тихо плакал. Затем он поднялся и заговорил. Это не было речью или исповедью. Чистым голосом он поблагодарил дона Хуана и дона Хенаро за их доброту. Он повернулся к Нестору и поблагодарил его за то, что тот давал ему возможность заботиться о себе. Он вытер глаза рукавом.

³⁷ Condition – условие, положение, состояние.

– Что за прекрасной вещью было – жить в этом прекрасном мире! В это чудесное время! – воскликнул он и вздохнул. Его настроение было ошеломляющим.

– Если я не вернусь, то я прошу вас как о высшем благодеянии помочь тем, кто делил мою судьбу, – сказал он дону Хенаро.

Затем он повернулся к западу в направлении своего дома. Его поджарое тело сотрясало от слез. Он подбежал к краю утеса с вытянутыми руками, как бы собираясь обнять кого-то. Его губы двигались, казалось, он что-то говорил тихим голосом.

Я отвернулся. Я не хотел слышать, что говорит Паблито.

Он вернулся туда, где мы сидели, плюхнулся рядом со мной и повесил голову.

Я не мог сказать ничего. Но затем какая-то внешняя сила овладела мной, заставила меня встать, и я тоже высказал свою благодарность и свою печаль.

Мы снова затихли. Северный ветер, тихо посвистывая, дул мне в лицо. Дон Хуан посмотрел на меня. Я никогда не видел в его глазах столько доброты. Он сказал мне, что воин прощается, благодаря всех тех, кто сделал ему что-то доброе или проявил участие. И что я должен выразить свою благодарность не только им, но также и тем, кто заботился обо мне и помогал мне на моем пути. Я повернулся на северо-запад, к Лос-Анджелесу, и вся сентиментальность моей души выплеснулась наружу. Каким очистительным облегчением было произнести мою благодарность!

Я опять сел. Никто не смотрел на меня.

– Воин признает свою боль, но не индольгирует в ней, – сказал дон Хуан. – Поэтому настроение воина, который входит в неизвестность – это не печаль. Напротив, он радостен, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух безупречен и, превыше всего, полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

Последовала долгая пауза. Моя печаль была чрезмерной. Я хотел что-нибудь сделать, чтобы вырваться из этой подавленности.

– Свидетель, пожалуйста, сдави свой ловец духов, – сказал дон Хенаро Нестору. Я услышал громкий и очень смешной звук, который вырвался из самоделки Нестора. Паблито истерически рассмеялся, рассмеялись и дон Хуан с доном Хенаро. Тогда я почувствовал характерный запах и сообразил, что Нестор выпустил газы. Ужасно смешным было выражение совершенной серьезности на его лице. Он сделал это не для шутки, а потому, что у него не было при себе его ловца духов. Он помогал нам наилучшим образом, как только мог.

Все они непринужденно смеялись. Что за легкость была в их переходе из возвышенной ситуации в совершенно смешную!

Паблито внезапно повернулся ко мне. Он хотел узнать, не поэт ли я. Но прежде чем я успел ответить, Хенаро составил строфу:

– Карлитос действительно крут. Он немного поэт и псих и дурак³⁸.

Все они опять расхохотались.

– Вот это настроение лучше, – сказал дон Хуан. – А сейчас, прежде чем мы с Хенаро попрощаемся с вами, вы двое можете сказать все, что угодно. Может быть, это последний раз, когда вы сможете что-нибудь сказать.

Паблито отрицательно покачал головой, но у меня кое-что оставалось.

Я хотел выразить свое восхищение, свое благоговение перед исключительностью духа воина дона Хуана и дона Хенаро, но я запутался в словах, и в конце концов ничего не сказал, или, хуже того – в конце это прозвучало так, как если бы я жаловался снова.

Дон Хуан покачал головой и чмокнул губами в насмешливом неодобрении. Я невольно засмеялся; было неважно, что я не сумел выразить им своего восхищения. Очень любопытное ощущение

³⁸ Carlitos is really cool; he's got a bit a poet, a nut, and a fool.

начало овладевать мною. У меня было чувство радости и веселья, исключительной свободы, которое заставляло меня смеяться. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что мне наплевать на исход моей встречи с неизвестным, что я счастлив и собран и что буду ли я жив, или умру – совершенно неважно для меня в данный момент.

Они порадовались моим словам еще больше, чем я. Дон Хуан хлопнул себя по ляжкам и засмеялся. Дон Хенаро бросил свою шляпу на землю и завопил, как будто объезжал дикую лошадь.

Внезапно дон Хенаро сказал:

– Мы развлекались и смеялись во время ожидания совершенно так, как рекомендовал Свидетель. Но естественным условием порядка является то, что он всегда приходит к концу.

Он посмотрел на небо.

– Уже почти пришло время нам разойтись, как это делали воины в том рассказе, – сказал он. – Но прежде, чем мы пойдем нашими различными путями, я должен сказать вам двоим одну последнюю вещь: я хочу раскрыть вам секрет воина. Возможно, вы назовете его предрасположением воина.

Адресуя свои слова мне, он сказал, что я говорил им когда-то, будто жизнь воина холодна, одинока, лишена чувств. Он еще добавил, что как раз теперь я особенно убежден, что это так.

– Жизнь воина ни в коем случае не может быть холодной, одинокой и лишенной чувств, – сказал он. – Потому что она основывается на любви, преданности и посвящении тому, кого он любит. И кто, можете вы спросить, тот, кого он любит? Я сейчас покажу вам это.

Дон Хенаро поднялся и отошел на совершенно плоский участок в десяти-двенадцати футах в стороне. Там он сделал странный жест. Он двигал руками, как бы счищая пыль со своей груди и живота. Затем произошла удивительная вещь. Поток почти неощутимого света прошел сквозь него. Он исходил из земли, и, казалось, зажег все его тело. Он сделал что-то вроде заднего пируэта, нырок назад, и

приземлился на грудь и руки. Его движение было выполнено с такой точностью и мастерством, что он казался невесомым существом, похожим не червя созданием. Оказавшись на земле, он исполнил ряд неземных движений. Он скользил всего в нескольких дюймах над землей или катался по ней, как если бы лежал на шарикоподшипниках, или плавал, описывая круги и поворачиваясь с быстротой и легкостью угря, плывущего в океане.

В какой-то момент мои глаза расфокусировались, и я уже следил без всякого перехода за шаром света, скользящим взад и вперед по чему-то похожему на поверхность катка с тысячами лучей света, сияющих над ним.

Картина была грандиозной. Затем шар огня остановился и остался неподвижным. Голос встряхнул меня и рассеял мое внимание. Говорил дон Хуан. Сначала я не мог понять, что он говорит. Я опять взглянул на огненный шар, но увидел только дона Хенаро, лежащего на земле с разбросанными руками и ногами.

Голос дона Хуана был очень ясным. Я, казалось, запустил что-то во мне, и я начал писать.

– Любовь Хенаро – этот мир, – сказал он. – Он только что обнимал эту огромную Землю, но поскольку он такой маленький, то все, что он может сделать – это только плавать в ней. Но Земля знает, что он любит ее, и одаривает его своей заботой. Именно поэтому жизнь Хенаро наполнена до краев, и его состояние, где бы он ни был, будет изобильным. Хенаро бродит по тропам своей любви и, где бы он ни находился, он полный.

Дон Хуан присел перед нами на корточки. Он нежно гладил землю.

– Это предрасположение двух воинов, – сказал он. Эта Земля, этот мир. Для воина не может быть большей любви.

Дон Хенаро поднялся и минуту сидел на корточках рядом с доном Хуаном, пока оба они пристально смотрели на нас. Затем оба в унисон сели, скрестив ноги.

– Только если любишь эту Землю с нестигаемой страстью, можно освободиться от печали, – сказал дон Хуан. – Воин всегда радостен, потому что его любовь неизменна. И его возлюбленная – Земля – обнимает его и осыпает его невообразимыми дарами. Печаль – удел лишь тех, кто ненавидит эту Землю, дающую укрытие своим существам.

Дон Хуан опять с нежностью погладил землю.

– Это милое существо, которое является живым до своего самого последнего укромного уголка и понимает каждое чувство, успокоило меня. Оно излечило всю мою боль и, наконец, когда я полностью понял мою любовь к нему, оно научило меня свободе.

Он сделал паузу. Тишина вокруг нас была пугающей. Мягко свистел ветер, а затем я услышал далекий лай одинокой собаки.

– Прислушайтесь к этому лаю, – сказал дон Хуан. – Таким образом моя любимая Земля помогает мне довести до вас этот последний момент. Этот лай – самая печальная вещь, которую может услышать человек.

С минуту мы молчали. Лай одинокой собаки был настолько печален, а тишина вокруг настолько интенсивной, что я ощутил цепенящую боль. Она заставила меня думать о моей собственной жизни и о моей собственной печали, о моем собственном незнании того, куда идти и что делать.

– Лай этой собаки – это ночной голос человека, – сказал дон Хуан. – Он слышится из дома в той долине к югу. Человек кричит через свою собаку, поскольку они являются компаньонами по рабству на всю жизнь, выкрикивая свою печаль и свою скуку. Он молит свою смерть прийти и освободить его от тусклых и унылых цепей его жизни.

Слова дона Хана затронули во мне самую беспокойную струну. Я почувствовал, что он говорит, обращаясь прямо ко мне.

– Этот лай и то одиночество, которое он создает, говорят о чувствах людей, – продолжал он. – Людей, для которых вся жизнь

была как один воскресный день. День, который не был всецело жалким, но скорее жарким, унылым и неудобным. Они много потели, сутились. Они не знали, куда пойти и что делать. Этот день оставил им воспоминания только о мелочном раздражении и скуке. А затем все внезапно кончилось, уже наступила ночь.

Он пересказал историю, которую я когда-то рассказал ему о семидесятидвухлетнем старике, который жаловался, что его жизнь была слишком короткой. Ему казалось, что всего день назад он был еще мальчиком. Этот человек сказал мне:

– Я помню ту пижамку, которую я обычно носил, когда мне было десять лет от роду. Кажется, прошел всего один день. Куда ушло время?

– Противоядие, которое убивает этот яд, здесь, – сказал дон Хуан, лаская землю. – Объяснение магов совершенно не может освободить дух. Взгляните на вас двоих. Вы добрались до объяснения магов, но то, что вы знаете его, ничего не меняет. Вы более одиноки, чем когда-либо, потому что без неизменной любви к тому существу, которое дает нам укрытие, уединенность является одиночеством. Только любовь к этому великолепному существу может дать свободу духу воина. А свобода – это радость, эффективность и непринужденность перед лицом любых препятствий. Это последний урок. Его всегда оставляют на самый последний момент, на момент полного уединения, когда человек остается лицом к лицу со своей смертью и своим одиночеством. Только тогда есть смысл делать это.

Дон Хуан и дон Хенаро поднялись, вытянули руки и прогнулись, как будто от сидения их тела онемели. У меня лихорадочно забилося сердце. Они заставили меня и Паблито встать.

– Закат – это трещина между мирами, – сказал дон Хуан. – Это дверь в неизвестное.

Широким движением руки он указал на столообразную вершину, где мы стояли.

– Это плато находится перед этой дверью.

Он указал на северный край вершины.

– Это – дверь. За ней – бездна, а за бездной – неизвестное.

Затем дон Хуан и дон Хенаро повернулись к Паблито и попрощались с ним. Глаза Паблито были расширенными и застывшими, по щекам текли слезы.

Я слышал голос дон Хенаро, прощавшегося со мной, но не слышал голоса дон Хуана.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли к Паблито и что-то коротко прошептали ему на ухо. Затем они подошли ко мне. Но еще до того, как они успели начать, я ощутил знакомое чувство расщепленности.

– Мы теперь будем как пыль на дороге, – сказал дон Хенаро. – Может, когда-нибудь она снова попадет и на твои глаза.

Дон Хуан и дон Хенаро отступили в сторону и, казалось, слились с темнотой. Паблито взял меня за руку, и мы попрощались друг с другом. Затем странный порыв, сила заставила меня бежать вместе с ним к северному краю плато. Я ощутил его руку в своей, когда мы прыгнули, а затем я был один.

